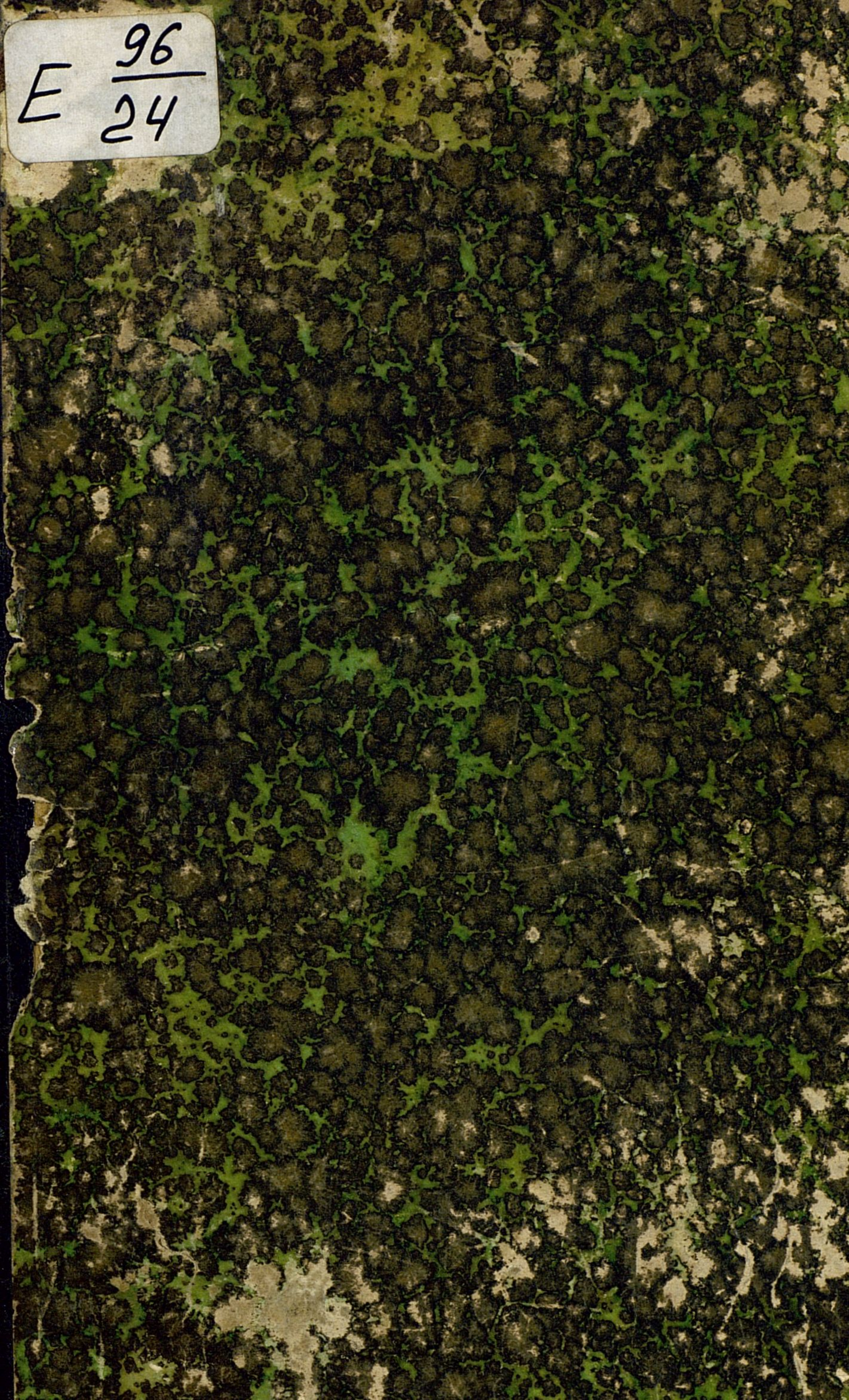


ХОЖЕНІЕ ЗА ТРИ МОРЯ

АѲАНАСІЯ НИКИТИНА.

въ 1466—1472 гг.

ЧТЕНІЯ

И. И. Срезневскаго.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

1857.

12

Отдѣльные оттиски изъ II-й книги Ученыхъ Записокъ, издаваемыхъ Вторымъ Отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ.

Печатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ. Санктпетербургъ, 10 Сентября 1857 г.

За Непремѣннаго Секретаря Академикъ *К. Веселовскій*.

ВВЕДЕНІЕ.

—

Пятнадцатое столѣтіе, памятное въ лѣтописяхъ западной Европы особеннымъ стремленіемъ ознакомиться и упрочить связи съ отдаленнымъ востокомъ, не осталось и для насъ Русскихъ безъ воспоминаній, доказывающихъ, что и наши предки принимали въ этомъ ходѣ помысловъ и дѣлъ свое участіе, на сколько позволяло имъ ихъ положеніе. Еще ни на одномъ морѣ не плавали постоянно ихъ торговые корабли, и товары отъ насъ и къ намъ могли идти большею частію обозами и вьюками, подвергаясь опасностямъ перехода черезъ пустынные или враждебные лѣса, степи и горы; еще правительство только начинало думать о поддержаніи политическихъ и торговыхъ связей съ иностранными державами и помогать предпріятіямъ торговцевъ, едва ли заботясь о распространеніи вѣрныхъ свѣдѣній о земляхъ и народахъ; тѣмъ не менѣе духъ промышленности и промышленной любознательности вскрывался у насъ все болѣе по мѣрѣ распространенія и усиленія государства Московскаго и его вліянія на князей удѣльныхъ и на земли, лежавшія внѣ границъ земли Русской на сѣверѣ, востокѣ и югѣ.

Размѣниваясь путешественниками съ западомъ Европы, съ Цареградомъ, Аѳономъ, Палестиной, съ ханами ордъ Татарскихъ, наши предки провожали и встрѣчали странниковъ, ходившихъ и въ земли болѣе отдаленныя — въ срединную

Азію. Пути туда, послѣ Татарскаго погрома, открывались для предковъ нашихъ помощію тѣхъ же Татаръ; вольнымъ торговцамъ могли разсказывать о нихъ и плѣнники, которымъ судьба помогала воротиться на родину, и тѣ Русскіе, которые ходили въ орды для умилостивленія хановъ. Въ тѣ орды, не по одному праву добычи, но и рѣшимостію промышленниковъ свозились сокровища Персіи, Индіи, Китая, и сами ханы издавна прокладывали дороги къ нимъ между прочимъ для торговцевъ и товаровъ. Что и у Русскихъ была рѣшимость пользоваться этими дорогами, на это есть свидѣтельства современниковъ. Такъ въ самомъ началѣ XV вѣка (въ 1404 году) Русскихъ, если не пословъ, то хоть торговцевъ, вмѣстѣ съ Татарскими, съ ихъ кожами, мѣхами и льняными тканями, видѣли въ Самаркандѣ; а изъ того, что ихъ замѣчали за одно съ торговцами изъ Китая и Индіи, можно догадываться, что ихъ торговля была значительна[1]. И не должно казаться страннымъ появленіе Русскихъ торговцевъ въ Самаркандѣ, когда за полъ вѣка передъ тѣмъ льняныя одежды изъ земли Русской вмѣстѣ съ тканями изъ Александріи были въ ходу и почетѣ почти за полторы тысячи верстъ за Самаркандомъ на югъ, на полудорогѣ изъ него въ Калькутту, въ Дели, что въ сѣверной Индіи[2]. Заходя такъ далеко на юговостокъ, Русскіе товары и торговцы гораздо легче могли заходить въ Шамаху, Тавризъ, Султанію, Токатъ, Багдадъ. Кстати вспомнимъ о неясномъ, но все таки важномъ свидѣтельствѣ Новгородскаго

---

1. Это извѣстіе находимъ въ путевыхъ запискахъ Рюи Гонсалеса де Клавихо, ѣздившаго ко двору Тамерлана. См. Historia del gran Tamorlan e itinerario y enarracion del viage y relation de la embaxada, que Ruy Gonçalez de Clavijo le hizo, por mandado del... rey don Henrique el tercero de Castilla. En Sevilla. Año de MDLXXXII: ca de Ruxia e de Tartaria van cueros e lienços: 58. б. Выше описанъ пріемъ пословъ Тамерланомъ, названныхъ: christianos embaxadores de Rusia: 47, б.

2. Объ этомъ говоритъ Шеґабъ-Эддинъ въ своихъ Живописныхъ путешествіяхъ. Извлеченіе изъ книги его см. въ Notices et extraits des manuscrits, XIII, стр. 200. Соединяя это упоминаніе о Русскихъ полотнахъ съ приведеннымъ выше свидѣтельствомъ самовидца Клавихо, вспомнимъ еще, что, по сказаніямъ восточнымъ о походѣ Тамерлана на Русь, добычею его войска были на Руси золото и серебро, драгоцѣнные мѣха и куски тонкаго полотна Антіохійскаго и Русскаго. Ист. Гос. Росс. V, 150.

Архіепископа Василія касательно далекаго путешествія на югъ трехъ Новгородскихъ юмъ, на которыхъ въ числѣ странниковъ былъ и Моиславъ съ своимъ сыномъ Яковомъ: одна изъ юмъ погибла въ морѣ, двѣ другія были куда то занесены, и оттуда путники всходили на горы, гдѣ былъ свѣтъ самосіянный, «а тѣхъ мужей и нынѣчи дѣти и внучата добры здорови»[3]. Политическія сношенія Московскихъ великихъ князей съ владѣтелями Персіи были, конечно, уже слѣдствіемъ связей съ Шамахой, и, безъ сомнѣнія, были предупреждены торговцами. Хотя въ послѣдствіи и видимъ обычай, какъ будто этому противурѣчащій, обычай, дозволявшій торговцамъ отправляться въ путь не иначе, какъ вмѣстѣ съ послами; но, конечно, и прежде и послѣ бывали купцы, заходившіе въ чужую даль безъ покровительства пословъ. Въ 1466 году былъ въ Москвѣ у великаго князя Іоанна Васильевича посолъ отъ владѣтеля Шамахи Ширванъ-шаха Ферухъ-Есара, именемъ Асанъ-Бегъ, и вызвалъ въ Шамаху наше посольство, Василія Папина съ товарищами: мы знаемъ объ этихъ посольствахъ только то, что государь Московскій и Ширванъ-шахъ Шамахинскій обмѣнялись подарками; но, конечно, дѣло шло не объ однихъ подаркахъ[4]. Былъ ли это первый обмѣнъ пословъ и подарковъ: этого не видно ни изъ чего; а видно, что этимъ посольствомъ воспользовались Тверскіе торговцы и вмѣстѣ съ посломъ Шамахинскимъ отправились въ Шамаху Волгой, везя свои товары на суднахъ*). Менѣе чѣмъ черезъ десять лѣтъ послѣ этого посольства въ Шамаху было Русское посольство въ Персіи: Русскій великокняжескій посолъ Марко былъ въ Тавризѣ у Узунъ-Асанъ-Бега въ 1475 году вмѣстѣ съ Венеціанскими послами Іосифомъ Барбаро и Амвросіемъ Контарини[5]. Русскій бояринъ съ собою, или, лучше сказать, подъ своимъ по-

---

3. Соф. Врем. I, 333. Полн. Собр. Русск. лѣт. VI, стр. 89.

4. II-я Софійск. лѣт. въ Полн. собр. Русск. лѣт. VI, 330; ср. Софійск. Временникъ, II, 145.

*) Ниже будетъ случай вспомнить опять объ этомъ торговомъ предпріятіи Тверичей.

5. Viaggio di A. Contarini см. въ сборникѣ Рамузіо: Primo volume delle Navigazioni e viaggi. 3-е изд., 1563, л. 102—103. Ср. въ Библіотекѣ иностранныхъ писателей, I, стр. 63.

*

кровительствомъ повезъ А. Контарини въ Москву и многимъ на пути обязалъ его своею опытностью и значеніемъ[6].

Съ этими упоминаніями современниковъ о нашихъ связяхъ съ отдаленнымъ востокомъ, въ XV вѣкѣ, сходятся показанія нашего стариннаго языка. Многое изъ того, что составляетъ достояніе торговли—ткани, драгоцѣнные камни, плоды, цвѣты и соки растеній, деньги — ранѣе, иное даже гораздо ранѣе XV вѣка, было у насъ въ ходу подъ восточными именами. Конечно, большая часть этихъ названій перешла въ общій обычай у насъ отъ иностранныхъ торговцевъ, и между прочимъ отъ Татаръ; но есть между ними и такія, которыя указываютъ на болѣе прямое вліяніе торговцевъ Русскихъ, или по крайней мѣрѣ на прямой перевозъ товаровъ съ тѣхъ мѣстъ, на которыя указываютъ ихъ названія. Такъ напр. со второй половины XV вѣка были у насъ въ ходу камки, тафты, фараузы, шелки не только изъ Цареграда, Кафы и т. п., но и изъ Алепо (Халяпскіе), Токата (Токатскіе, Тохатскіе), Езда (Ездинскіе=Ездѣйскіе) и пр.[7]. Рядомъ съ древнимъ названіемъ жемчуга появились «Гурмыжскія зерна» — жемчугъ Ормузскій, изъ того Ормуза, гдѣ издревле цвѣла торговля жемчугомъ, и откуда всюду развозимы были лучшіе перлы и настоящіе и поддѣльные[8].

Очень естественно искать и въ памятникахъ нашей письменности XV вѣка слѣдовъ народнаго знанія странъ и городовъ за-Кавказскаго и за-Каспійскаго востока, такихъ названій этихъ

---

6. Не знаю, почему этого Русскаго посла, бывшаго чѣмъ то въ родѣ секретаря при великомъ князѣ, судя по выраженію Контарини (il detto Marco et un'altro suo secretario), назвали Руфомъ и сочли за Итальянца или Грека: этого ни изъ чего не видно. Контарини постоянно называетъ его Russo — Русскимъ. Судя по его значенію въ Москвѣ, онъ былъ изъ бояръ.

7. Напр. «Два косяка тафты Ездинскія, и десять литръ шелку Токатскаго» См. пр. 282 къ V тому Исторіи Россіи С. *Соловьева*, стр. XX. «Камка Мисюрская» въ Духовн. князя Михаила Верейскаго. С. 22. I. 302. и пр.

8. Князь Дмитрій Іоанновичь, внукъ Софіи, былъ богатъ Гурмыжскимъ жемчугомъ, особенно на женскихъ уборахъ. См. его духовную въ С. г. гр. I. 406—407. «Жемчужныя зерны Гурмытскія смотри чтобъ были окатны, и сходчивы, и водою бы были чисты, а цѣна по зерну смотря» и пр. Торговая книга въ Запискахъ Русск. Отд. Археол. Общ. III. 122. Въ одно время съ зернами Гурмыжскими былъ въ ходу жемчугъ и Новгородскій.

странъ и городовъ, которыя перешли въ наши книги не изъ Греческихъ книгъ, а отъ народа, въ томъ же родѣ какъ Царьградъ (что по книжному Византія и Константинополь), Мисръ (въ книгахъ называвшійся и Егуптомъ), Гиндустанъ (въ книгахъ земля Рахмановъ, т. е. Брахмановъ, Рахманѣя) и т. п. Слѣды эти находимъ не въ маловажномъ числѣ даже и теперь, когда еще наша старинная литература такъ мало раскрыта. Для примѣра привожу здѣсь извлеченія изъ трехъ сказаній — изъ замѣтки о земляхъ за Араратомъ и изъ двухъ повѣстей о Тамерланѣ.

I.

О ЗЕМЛЯХЪ ЗА АРАРАТОМЪ.

Замѣтка о земляхъ за Араратомъ нашлась пока только въ одномъ сборникѣ довольно поздней переписи [9], но очевидно отнесена должна быть къ XV вѣку.

— Стоитъ гора Араратъ за Кавкасійскими и Иверскими горами промежь трехъ морей — Чернаго, Бакинскаго и Индійскаго, на границѣ трехъ царствъ — Иверскаго, Турскаго и Персидскаго. Изъ подъ нея вытекли рѣки во всѣ три моря: въ Черное море Карась рѣка, въ Бакинское Курская рѣка, а Ефратъ и Тигръ потекли въ Индійское море. Пойдя на западъ отъ Арарата по Турскимъ землямъ можно прійдти въ Трапезонтъ, Цареградъ, Шамъ и Іерусалимъ; пойдя на востокъ отъ Арарата и Гурза по Хорасанскимъ землямъ, можно прійдти въ Тиверись и въ Спаганъ и въ дальнюю Великую орду; а пойдя на полдень въ Вавилонское царство, можно прійдти въ Багдадъ, въ Сафатъ и въ Аламазъ.... Между Ефратомъ и Тигромъ большое междорѣчіе, много земли, горъ, пустыхъ полей и лѣсу; а дорога въ рай заперта, потому что всѣми тѣми землями владѣютъ невѣрные: на Тигрѣ бьются Персы и Турки за Магометова внука, а на Ефратѣ сидятъ Арапы и мучатъ христіанъ-пустынниковъ.

---

9. Сборникъ XVI вѣка: «Отъ книгъ божественныхъ чтеніе», въ Соф. библiот. л. 109—110. Въ этомъ сборникѣ есть и другія любопытныя статьи, о которыхъ см. ниже. Если не эта самая, то подобная записка, одного съ нею происхожденія, находится въ одной изъ миней (?) собранія бывшаго Царскаго, нынѣ графа А. С. Уварова.

рѣки (Тигръ и Ефратъ) потекли на полдень и на полднѣ сошлись въ одну рѣку; гдѣ сошли́сь онѣ, тамъ граница трехъ царствъ: Арапскаго, Турецкаго и Персидскаго. Тутъ было царство Вавилонское и городъ Вавилонъ, о которомъ голосъ ангела небеснаго сказалъ: падетъ, падетъ Вавилонъ великій, и народы поучатся. Теперь не видно, гдѣ и стоялъ онъ. Когда овладѣли невѣрные этими землями, то ихъ цари построили городъ Багдадъ изъ камней Вавилона. Но и они по своему невѣрію, созидая на пескѣ, не твердо строили основанія (темели). Они будутъ биться другъ съ другомъ пока не поразятся всѣ одни другими: тогда свѣтъ истины разольется по всему міру. А что теперь безбожные овладѣли Святою землею и Цареградомъ, то это для того, что бы поучились христіяне своими собственными муками и очистили себя отъ грѣховъ.

Въ этомъ отрывкѣ слышенъ голосъ человѣка XV вѣка, именно около половины этого вѣка (послѣ взятія Константинополя Турками), хотя впрочемъ и такого, который худо зналъ гидрографію юго-западной Азіи, и вообще довольно свободно мѣшалъ вѣрное съ невѣрнымъ. Такъ между прочимъ Куру смѣшалъ онъ съ Араксомъ (назвавъ ее рѣкою Курскою или Курою) и вообразилъ себѣ, что Араксъ вытекаетъ изъ подъ Арарата; въ числѣ важныхъ рѣкъ поставилъ Карскую рѣку (Карась = Карсъ-су или Карсъ-чай = Чорокъ-су)[9*]; повелъ и Тигръ и Ефратъ одинаково изъ подъ того же Арарата. Такія ошибки могутъ оправдываться развѣ тѣмъ, что тотъ, чьи слова повторились тутъ, зная Куру у Сальяна и поднимаясь вверхъ по ея теченію, за нее счелъ и Араксъ, а потомъ, подвигаясь далѣе на юго-западъ, принялъ за Тигръ одинъ изъ рукавовъ Ефрата. Опуская другія невѣрности, замѣтимъ, что, только руководствуясь какими нибудь невѣрными слухами или соображеніями, могъ онъ полагать, что царство Грузинское (Иверское) простиралось до Арарата, или считать ложе соединенныхъ водъ Тигра и Ефрата границей какого то небывалаго царства Арабскаго. Впрочемъ такія невѣрности найдемъ въ лю-

---

9*. Ср. въ Historia del gran Tamorlan et itinerario... (de) Ruy Gonçalez de Clavijo: Esta ciudad (Calmorin) estava en un llano, e de la una parte la passava un grande rio que le dizen *Corras*: 28, a.

бомъ изъ средневѣковыхъ описаній этихъ странъ; такъ напр. на картѣ музея Борджіи, Tigris fluvius и Euphratus fluvius представлены вытекающими изъ Кавказа, и тутъ же Ninive[10]; на Imago mundi П. д'Альи находимъ въ ожидаемомъ мѣстѣ только Tigris, и на востокѣ этой рѣки Ассирію, Вавилонію и Ефратъ[11] и т. д. И какъ бы ни были рѣзки невѣрности, этого географическаго очерка, онъ очень любопытенъ по нѣкоторымъ даннымъ, изобличающимъ знаніе странъ и путей, не книжное, а наглядное, передающимъ сказанія самовидца. Очень любопытно напр. обозначеніе дороги отъ Іерусалима и Цареграда въ Самаркандъ; отъ Іерусалима черезъ Сирію (Шамъ), отъ Цареграда мимо Трапезонта къ Тавризу, который не разъ былъ называемъ Тиверіазомъ, Тиверіей[12], и мимо Испагани далѣе на востокъ въ дальнюю Великую орду. Подъ этимъ послѣднимъ именемъ, конечно, должно понимать Самаркандъ, столицу Тамерлана; мы увидимъ, что она называлась у насъ и Синею ордою, можетъ быть, тоже въ смыслѣ великой. Такъ же любопытенъ хоть менѣе понятенъ путь отъ Арарата на югъ къ Индіи — по Тигру. За Багдадомъ далѣе на югъ поставлены Сафатъ и Аламазъ. Какъ далеко на югъ за Багдадомъ надобно искать этихъ мѣстностей? Конечно не въ Индіи, какъ нѣкоторымъ бы думалось, не въ томъ морѣ мрака, которое въ Арабскихъ преданіяхъ называлось *Саха*, *Сафа*, *Сенфъ*, звуками похожими на Сафатъ, и гдѣ одинъ изъ острововъ назывался *Алмандъ*, что могло испортиться въ Аламазъ[13]. Заходя и не такъ далеко, найдти можно звуки очень сходные: такъ за Аламазъ можно считать *Алмагдіамъ*, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ городовъ Іемена, въ области Тегама, на юго-западномъ берегу Аравіи у Чермнаго моря[14]; а въ такомъ случаѣ Сафатъ будетъ ис-

---

10. V. de Santarem, Essai sur l'histoire de la cosmographie et de la cartographie pendant le moyen age. III, стр. 282—283.

11. V. de Santarem, III, стр. 307.

12. Въ лѣто 6865 (1357) взя царь Чанибекъ Тиверіажьское царство. Ист. Гос. Росс. IV, пр. 384. Ср. въ Сказкѣ объ Александрѣ Македонскомъ: «и начя имя слыти в. к. Александра по всѣмъ странамъ отъ моря Варяжскаго и до Понтьскаго и до моря Хонужскаго и до страны Тиверійскія и до горъ Араратскихъ.»

13. Géographie d'Edrisi, trad. par P. A. *Jaubert*, I, стр. 87—90.

14. Géographie d'Aboulféda, trad. par *M. Reinaud*, II, стр. 120.

порченное *Сава* или *Саба*, городъ Іемена, иначе называвшійся Маребъ, и напоминающій собою о знаменитыхъ Сабеяхъ: на западѣ Европы имя это произносилось также испорченно — *Сabat*, и напоминало Пливіеву *Sabatha*[15]. Еще ближе къ Багдаду найдемъ деревню на Тигрѣ *Сафатъ* (Safatus[16]), и городъ Васитъ, когда то замѣчательный по торговлѣ, иногда называвшійся и на выворотъ — *Сиватъ*[17], а далѣе по острову Персидскаго залива Ормузъ, много вѣковъ бывшій средоточіемъ южно-Азіатской торговли, особенно торговли жемчугомъ, драгоцѣнными камнями, между прочимъ *алмазами*. Впрочемъ подъ словомъ Аламазъ, по замѣчанію П. С. Савельева, всего вѣроятнѣе разумѣть городъ *Алавазъ* = *Аль-Ахвазъ*, знаменитую столицу Хузистана[18]; а Сафатъ отъ смысла нарицательнаго (*савадъ* — округъ) какъ то случайно перешло къ собственному, можетъ быть по опущенію собственнаго имени, къ которому было отнесено (напр. Савадъ-Васитъ, т. е. Васитскій округъ или ч. н. п.). Любопытно примѣчаніе, что на Тигрѣ бьются Персы и Турки за Магометова внука. Дѣйствительно — повторяю слова П. С. Савельева — за обладаніе мѣстомъ мученичества Хусейна сына Али, Кербелою, и въ XV вѣкѣ, и раньше и позже, происходили войны Персовъ и Турковъ, суннитовъ и шіитовъ. Замѣтимъ, что составителю разсматриваемой замѣтки не были совсѣмъ незнакомы и привычные термины географіи книжной: таковы напр. горы Кавкасійскія, Иверскія горы и Иверское царство, Вавилонское царство, Междорѣчіе: ихъ употребленіе наводитъ на мысль, что замѣтка составлена человѣкомъ книжнымъ, не лично, а по разсказамъ знавшимъ за-Араратскія земли, а потому и смѣшавшимъ легко настоящее съ прошедшимъ, былое съ небывалымъ, какъ этому представляютъ обильное число примѣровъ карты восточныхъ земель, составленныя въ XV вѣкѣ въ Италіи, Испаніи и т. д.[19]. Кстати напомнить тутъ, что царство Иверское на-

15. Géographie d'Aboulféda, II, стр. 130. Vic. *de Santarem*, III, 427, 286. *Buchon*, Atlas en langue Catalone de l'an 1375. 1843, стр. 119.

16. *Richter*, Erdkunde. XI, 483, 668.

17. Géographie d'Edrisi, I, стр. 368 — 369.

18. Géographie d'Edrisi. I, 378—379; II, 161.

19. См. Essai sur l'histoire de la cosmographie, III. стр. 247 и слѣд.

звано и *Гурзы*, именемъ народнымъ: это имя Гурзы дано Грузіи, какъ увидимъ ниже, и въ повѣстяхъ о Тамерланѣ; такъ же называлъ ее и Нѣмецкій странникъ-проходимецъ XIV вѣка Шильтбергеръ [20]. Море Каспійское названо также именемъ чисто народнымъ — *Бакинское* море: такъ называлось оно иногда и у Испанцевъ и Итальянцевъ того времени [21]. Еще отмѣтить можно, какъ обстоятельство довольно любопытное: рай земной, путь къ которому запертъ, обозначенъ въ замѣткѣ между Тигромъ и Ефратомъ: не такъ думали о земномъ раѣ на западѣ, относя его на дальній востокъ, иные даже за Азію [22], между тѣмъ какъ по нашимъ Русскимъ сказаніямъ, въ которыхъ испорченно передавались разсказы путешественниковъ, рай былъ на югѣ отъ Каспійскаго моря и Кавказскихъ горъ [23].

II.

ПОВѢСТИ О ТАМЕРЛАНѢ.

Изъ повѣстей о Тамерланѣ или Темиръ-Аксакѣ, какъ правильнѣе называютъ наши лѣтописи и преданія, одна расказываетъ о всей его жизни отъ рожденія до смерти [24], а другая, мелькомъ говоря о его возвышеніи и завоеваніяхъ, подробно излагаетъ обстоятельства его похода на Русь [25]. Говоря о такомъ грозномъ завоевателѣ, нельзя было не напомнить о странахъ и народахъ, имъ покоренныхъ, — и тутъ случайно должны были выразиться географическія знанія повѣствователя: въ обѣихъ

20. *Gursei*. См. у Шпренгеля, Gesch. d. geogr. Entdeckungen. 2-е изд., стр. 368.

21. Такъ оно названо въ Historia del gran Tamorlan et itinerario... (de) Ruy Gonçalez de Clavijo (mar de Bacu: 32, в; 40, а; 41, б, и пр.), на Венеціанской картѣ *Леарда* 1448 г. (V. *de Santarem*, III, стр. XXVI и 440), въ Запискахъ Д. М. *Анджіолетто* (у Рамузіо, II, лист. 73, е: mare di Baccui, benche altri dicano Caspio) и пр.

22. V. *de Santarem*, III, стр. XXV и въ другихъ мѣстахъ, также на стр. 424, гдѣ говорится о его положеніи на картѣ Леарда.

23. Соф. Врем. I, 333. Полн. собр. лѣтоп. VI, стр. 88 — 89. Ист. Гос. Росс. IV, прим. 359.

24. Русск. лѣт. по Никон. списку, IV, стр. 246 — 249. Подр. Лѣт. 1798 г., I, 191 — 193: тутъ она помѣщена уже въ измѣненномъ видѣ.

25. II-я Софійск. лѣт. въ Полн. собр. Русск. лѣт. VI, стр. 124—128. Русск. лѣт. по Никон. списку. IV, стр. 258—264. Сравн. I-ю Соф. лѣт. въ Полн. собр. V, стр. 247—248. Соф. врем. 405—413. Сборникъ «Отъ книгъ бож.» л. 102—118. Владимир. сборникъ Н. В. Калачова, л. 22—55.

повѣстяхъ эти знанія одинаковы, что и заставляетъ думать, что обѣ онѣ составлены или однимъ лицомъ, или по одному и тому же источнику. Есть впрочемъ кое что и отличное, а потому не лишнимъ будетъ представить здѣсь извлеченіе изъ той и другой отдѣльно.

I.

— Между Индіей и странами сѣвера и востока есть страна Арарь: ее называютъ и Междорѣчіемъ, потому что съ двухъ сторонъ омываютъ ее воды двухъ рѣкъ. Здѣсь то родился Темиръ, сыномъ старѣйшины одного города. Свирѣпъ онъ былъ въ молодости. Разъ онъ напалъ на пастуховъ, отнялъ у нихъ овецъ, подстрѣленъ былъ въ ногу, охромѣлъ, и съ тѣхъ поръ прозванъ былъ Аксакъ[26]. Живя добычею, онъ разбогатѣлъ, собралъ дружину въ 1000 воиновъ, и съ ними напалъ на правителя города Самарканда (Камарадина), подъ властью котораго были 10,000 воиновъ. Темиръ разбилъ его и овладѣлъ страною. Съ тѣми 10,000 пошелъ изгономъ на самаго владѣтеля Персовъ, взялъ его въ плѣнъ и овладѣлъ всей Персіей[27]. Тогда было у него войска 150,000. Покорилъ онъ потомъ и окрестныя земли, и пошелъ на западъ — противъ Турецкаго султана Баязета (Баозита), покрывая полчищами поля и горы какъ водами. Баязетъ собралъ свои войска восточныя и западныя, повелъ съ собою и Сербскаго князя Стефана[28]; но на битвѣ былъ разбитъ, взятъ въ плѣнъ и посаженъ въ желѣзную клѣтку[29].

---

26. Ср. у Халкондилы, III-я кн. въ началѣ, Бон. изд., стр. 111—112.

27. Подъ именемъ владѣтеля Персовъ тутъ должно, кажется, понимать эмира Хусейна, владѣвшаго не только Мавераннахромъ, но и Хорасаномъ. Война Тимура съ Хусейномъ окончилась убіеніемъ Хусейна (1366 г.); послѣ этого Балхъ былъ разрушенъ Тимуромъ, Самаркандъ сдѣлался столицей Тимура, а Тимуръ объявленъ гурганомъ — великимъ владыкой, и джигангиромъ — покорителемъ міра (1369—1370). Съ этимъ первымъ успѣхомъ Тимура въ повѣсти смѣшаны и всѣ послѣдующіе походы въ Персію, возобновлявшіеся нѣсколько разъ до самой Турецкой войны 1402 года.

28. Объ участіи Стефана Сербскаго въ битвѣ Ангорской (20 іюля 1402 г.) подробно разсказываетъ Дука, гл. XVI, Бон. изд., стр. 66—67. Ср. у Клавихо: 27, а.

29. То же находимъ у Францы: Sermonis insolentia iratus Demires, caveam ferream fabricari jussit, in quam eum conjectum paulo post occidit. I, 26. (Бон. изд. стр. 85). Ср. у Клавихо, л. 2, б: El Turco (fue) preso y puesto en una jaula de fierro. Это преданіе было распространено по всей Европѣ. Гаммеръ возсталъ противъ

Это было въ 6911 (1403 г.). Послѣ того Темиръ направилъ свой побѣдный путь на югъ, къ Египту, и прошелъ почти всю Элладу. Уже прежде разбивъ стѣны Дамаска, думалъ было идти и на Іерусалимъ (Еросалимъ), но побоялся, и поворотилъ на востокъ. Опустошая земли, засыпалъ онъ людей во рвахъ съ женами и дѣтьми, отдавалъ дикимъ звѣрямъ на съѣденье, попиралъ конями[30]. Доходилъ онъ и до одного приморскаго царства, окруженнаго горами такъ, что въ него былъ только одинъ проходъ, защищенный башней съ желѣзными воротами и войскомъ. Обманомъ онъ овладѣлъ этимъ проходомъ, и завоевалъ царство. Тогда хвалился Темиръ, что пройдетъ черезъ сѣверныя страны и на западъ, и не только на западъ, но и въ Индію и Амазонскую землю, и завоюетъ всѣ концы земли. Возвратясь опять въ Персію, онъ покорилъ Ассирію и Вавилонское царство, Севастію и Арменію, и поплѣнилъ всѣ орды. Онъ покорилъ и ту Синюю орду, что близъ Индіи, и Сарай великій, и Чагадай, и Тевризъ, Гурстанъ и землю Абхазовъ (Обѣзъ), и Грузію (Гурзы), и оттуда пошелъ въ Октай[31]. Шамаха, Кайтаки и Крымъ уже были во власти его, когда онъ ополчился на ту великую орду, приготовясь къ походу, для прокормленія 400,000 войска, огромнымъ посѣвомъ проса. Побѣжденный Темиромъ царь Тохтамышъ бѣжалъ, и Темиръ рѣшился путемъ къ западу идти на Русь. Рязанской украинѣ суждено было испытать это нашествіе; Елецъ былъ занятъ Темиромъ, и князь Елецкій взятъ въ плѣнъ. Страхъ распространился по всей землѣ Русской; но заступничество Божіей Матери спасло ее: простоявъ пятнадцать

него всей силой своей учености (Gesch. des Osman. Reiches, VIII-es Buch, начало), и если бы зналъ, то конечно привелъ бы и наше лѣтописное сказаніе, въ которомъ о клѣткѣ нѣтъ ни слова, а есть только упоминаніе объ убіеніи Баязета. Рус. лѣт. по Ник. сп. IV, 300. Несправедливо впрочемъ и это: Баязетъ умеръ отъ удара восемь мѣсяцевъ спустя послѣ Ангорской битвы, 8 марта 1403 г.

30. О жестокостяхъ Тимура въ его послѣдній походъ на западъ разсказываютъ одинаково и Восточные и Византійскіе писатели. Нѣкоторыя случаи приведены Гаммеромъ, Gesch. d. Osm. Reichs, VIII, напр. стр. 264: о попираніи дѣтей конями.

31. Здѣсь смѣшанно вспомянуты всѣ походы и завоеванія Тимура, за исключеніемъ одного похода въ Индію въ 1398 г., хотя и о немъ выше сказано намекомъ какъ о предположеніи Тимура. Важнѣйшее дѣло Тимурово, передъ этимъ походомъ къ Дели и Гангу, былъ походъ черезъ Кавказскія земли на Тохтамыша и въ Рязанскую украину въ 1394—1395 г.

дней на одномъ мѣстѣ, Темиръ внезапно поворотилъ свое войско назадъ, на свою родину въ Араръ[32]. Послѣ Темиръ опять задумалъ походъ въ Октай, въ ордынскія страны и въ Русь, но и этотъ походъ былъ неудаченъ: много войска его погибло отъ мороза. Въ двадцать «кожуховъ» окутался Темиръ; но и это не защитило его отъ мороза. Онъ заболѣлъ, сталъ лѣчиться отъ болѣзни какимъ то варевомъ, и отъ этого лѣкарства умеръ истеченіемъ крови[33]. Войско его разошлось по домамъ. Сынъ его удержалъ за собою власть надъ Персіей; а внукъ и теперь еще владѣетъ Персидской землей: зовутъ его Шахъ-Рохъ (Шароухъ)[34].

Это послѣднее показаніе даетъ знать о времени составленія повѣсти: Темиръ умеръ въ 1405 году, а Шахъ-Рохъ въ 1477 году; слѣдовательно повѣсть можетъ быть отнесена къ половинѣ XV вѣка. Она не представляетъ въ себѣ сопоставленія лѣтописныхъ показаній, составлена независимо отъ нихъ даже и въ отношеніи къ войнамъ Тимура съ Тохтамышемъ[35],—и тѣмъ болѣе любопытна, какъ пересказъ устныхъ расказовъ, ходившихъ по Руси о Тимурѣ въ первую половину XV вѣка. Что записавшій эту повѣсть былъ человѣкъ не просто грамотный, а знако-

---

32. Тутъ бы можно было ожидать упоминанія о походѣ Тимура въ Индію, о сокрушительномъ походѣ въ Персію, Грузію, Малую Азію, и далѣе на югъ къ Дамаску и Багдаду; но все это пропущено, можетъ быть, для того, чтобы соединить въ одно цѣлое походъ на Тохтамыша и Русь, прежде описанный, съ другимъ, предпринятымъ тоже на сѣверъ, но не исполнившимся.

33. Тамерланъ умеръ 19 февраля 1405 года. Не входя въ разборъ преданія объ обстоятельствахъ смерти его, нельзя оставить безъ вниманія того, какъ обозначенъ въ нашей повѣсти послѣдній походъ знаменитаго завоевателя. Жизнеописатели Тимура говорятъ, что этотъ походъ предпринятъ имъ на Китай; тѣмъ не менѣе Тимуръ отправился изъ Самарканда въ Отраръ — прямо на сѣверъ къ Аральскому морю. Какъ далеко на сѣверъ заходили его войска, и было ли у Тимура намѣреніе идти къ Яику и Волгѣ, не извѣстно; но ничто и не опровергаетъ возможности такого похода. Наша повѣсть передаетъ здѣсь, вѣроятно, опасеніе, дѣйствительно бывшее, если не у насъ, то въ ордѣ.

34. Шахъ-Рохъ былъ не внукъ, а сынъ Тимура; но эта ошибка простительна тѣмъ болѣе, что Тимуръ назначилъ себѣ наслѣдникомъ не сына, а внука, Пиръ-Могаммеда-Джигангира. Въ другомъ лѣтописномъ сказаніи нашемъ говорится о Шахъ-Рохѣ, но не какъ о внукѣ, а какъ о сынѣ Тимура. Русск. лѣт. по Ник. сп. стр. 300. Ша Рухъ вмѣсто Шахъ-Рухъ такъ же какъ Ширванша вм. Ширванъ-шахъ въ запискахъ Никитина.

35. См. напр. въ Никон. лѣт. подъ 1388: стр. 191, подъ 1390: стр. 198, подъ 1393: стр. 251, и пр.

мый съ Русскими книжными взглядами того времени, а слѣдовательно и съ тѣми знаніями, которыя получались тогда у насъ изъ Византіи, это видно не только изъ способа изложенія[36], но и изъ нѣкоторыхъ фактовъ: Персія записана постоянно именемъ Персиды, Турко-Персидскій Сивасъ названъ Севастіей, вспомянутъ Александръ Македонскій, занесенъ расказъ о желѣзной клѣткѣ, въ которой будто бы Тимуръ берегъ плѣннаго Баязида, и т. п. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ повѣсти есть многое не Византійское; таковы: большею частью собственныя имена (напр. Синяя орда, Чагадай, Желѣзныя ворота, Гурстанъ, Обѣзы, Гурзы и пр.), дѣленіе войска на тысячи (кушуны) и тьмы (туманы: 10,000), расказъ о болѣзни и смерти Тимура и пр. Нечего уже говорить о той части повѣсти, въ которой расказывается о впаденіи Тимура въ границы Русской земли. Что написавшій повѣсть о Тимурѣ записалъ ее по устному расказу, изъ него только и зная о дѣлахъ Тимура, это доказывается недостаткомъ хронологической связи. Тутъ кстати замѣтить, что вся повѣсть распадается на двѣ независимыхъ части: одна заключаетъ въ себѣ очеркъ дѣлъ Тимура отъ его рождѣнія до взятія въ плѣнъ Баязета (1335—1402); въ другой находимъ общее припоминаніе о походахъ Тимура, описаніе войны Тимура съ Тохтамышемъ и смерти Тимура (1365—1395 и 1405). Независимость хронологической постановки этихъ двухъ частей повѣсти заставляетъ предполагать, что изъ двухъ отдѣльныхъ повѣстей (о Баязетѣ и о Тохтамышѣ) составилась одна, уже подъ перомъ книжника. Невелики были его свѣденія и о земляхъ Азіи, покоренныхъ Тимуромъ; это ясно видно изъ безпорядочнаго припоминанія земель. Вмѣстѣ съ тѣмъ видно однако, что названія этихъ земель ни для него, ни тѣмъ менѣе для тѣхъ, отъ кого онъ ихъ слышалъ прежде, чѣмъ занесъ въ свою повѣсть, не были пустыми звуками: они вѣрны и вообще и въ отношеніи къ Тимуру, — и вкратцѣ указываютъ на географическія знанія нашихъ предковъ въ первой половинѣ XV вѣка о земляхъ Татарскаго и за-Татарскаго востока. Обра-

36. Тутъ между прочимъ можно замѣтить употребленіе настоящаго длительнаго вмѣсто прошедшаго, дательнаго самостоятельнаго, долгіе періоды и т. д.

щая въ этомъ отношенiи вниманiе на повѣсти о Тамерланѣ, найдемъ, что въ обѣихъ свѣденiя географическiя высказываются почти одни и тѣже. Прежде пересмотра этихъ свѣдѣнiй взглянемъ на содержанiе второй повѣсти.

II.

— Расказываютъ о Темиръ-Аксакѣ, что онъ былъ рода не царскаго, не княжескаго и не боярскаго, а изъ простыхъ бѣдныхъ людей, изъ Заяцкихъ Татаръ, изъ земли Самаркандской (Самархинской), изъ Синей орды, что за Желѣзными воротами, по ремеслу кузнецъ, по нраву злодѣй. Прогнанный своимъ господиномъ, онъ сталъ промышлять разбоемъ. Разъ какъ то еще въ молодости за покражу овцы онъ былъ наказанъ переломомъ ноги и бедра, отъ чего и прозванъ Темиръ-Аксакъ, что значитъ желѣзный хромецъ; но это не отучило его отъ злаго обычая. Онъ собралъ себѣ товарищей, и войною достигъ того, что стали его называть царемъ. Много земель и народовъ, княжествъ и царствъ покорилъ онъ себѣ. Взялъ онъ въ плѣнъ и Турецкаго царя Баязета и овладѣлъ его землями. Вотъ имена земель и царствъ, имъ завоеванныхъ: Чагадай, Хорасанъ, Гилустанъ, Китай, Синяя орда, Ширазъ, Испагань, Орначь (Арначь), Гилянъ, Сизъ, Ширванъ (Ширвѣнъ), Шамаха, Севастъ (Сивасъ), Эрзерумъ (Арзунумъ), Тевризъ, Тифлисъ, Грузiя (Гурзи, Гурзустани), Абхазiя (Обѣзъ), Багдадъ, Темиръ-капи — Желѣзныя ворота. Онъ покорилъ и великую Ассирiю и Вавилонское царство (гдѣ былъ царь Навуходоносоръ, плѣнившiй Iерусалимъ, и три отрока Ананiю, Азарiю и Мисаила, и Данiила пророка), и городъ Севастiю (гдѣ мучены были 40 мучениковъ, «иже въ Савостѣи»), и Арменiю (гдѣ былъ св. Григорiй епископъ великой Арменiи), и Дамаскъ великiй (гдѣ былъ Iоаннъ Дамаскинъ), и Сарай великiй. Со всѣхъ этихъ земель и царствъ Темиръ бралъ дани и оброки, заставляя себѣ повиноваться; а Турецкаго царя Баязета возилъ онъ съ собою въ желѣзной клѣткѣ на славу себѣ и на страхъ народамъ и царямъ [37]. Пошелъ онъ съ тьмами

---

37. Въ нѣкоторыхъ спискахъ этой повѣсти Баязетъ названъ Крещенiй = Крещiй. II Соф. лѣт. стр. 125. Не имѣетъ ли это имя какого нибудь соотношенiя съ

войска и на Тохтамыша царя Большой орды: они сошлись въ битву на Ордынскомъ полѣ, на кочевищѣ Тохтамыша, у рѣки Севенчи, и побѣжденный Тохтамышъ бѣжалъ. Тогда гордость внушила Темиру желаніе пойдти на Русь. Собралъ онъ все свое войско, пошелъ черезъ всю орду и землю Турскую на Рязанскій край, взялъ Елецъ, захватилъ въ плѣнъ Елецкаго князя, простоялъ на Дону неподвижно пятнадцать дней; собрался было двинуться на Москву; но испуганный сномъ внезапно велѣлъ своему войску поворотить назадъ: заступничество Божіей Матери спасло насъ....

Какъ именно, повѣсть расказываетъ очень подробно; и по изложенію этихъ подробностей можно думать, что она составлена хотя бы и не современникомъ, но на основаніи современныхъ расказовъ. То же видно и изъ первой части повѣсти, гдѣ говорится о завоеваніяхъ Тимура. Безъ порядка указаны земли, покоренныя Тимуромъ, и рядомъ съ тѣми именами ихъ, которыя были вспоминаемы въ расказахъ устныхъ, такъ сказать простонародныхъ, поставлены названія книжныя съ припоминаніемъ событій Священной исторіи: отъ этого одна и та же мѣстность занесена подъ двумя разными именами; такъ одному и тому же городу дано имя и Сиваса и Севастіи.

Сравнивая географическія данныя этой части повѣсти съ данными первой повѣсти, видимъ, что ихъ источникъ былъ одинъ и тотъ же, и преимущественно народный.

Не останавливаясь долѣе на этой повѣсти отдѣльно, обозримъ географическія показанія обѣихъ вмѣстѣ.

Тохтамышъ владѣлъ степями и на востокъ и на западъ отъ Каспійскаго моря, съ одной стороны за Волгу, съ другой за Терекъ. Тутъ на юго-западномъ краѣ своихъ владѣній встрѣтились его войска съ войсками Тимура въ 1394 году; на Ордынскомъ полѣ у рѣки *Севенчи*, говоритъ II-я повѣсть. Рѣка эта из-

---

тѣмъ, что говорится о прозваніи Баязета Алеуторомъ: «Suscepit imperium Aleutores qui dicitur, nimirum Turcico sermone aleutores (ἀλευτορῆς) fulmen et ursum significat, quia enim ad omnia acer et promptus erat et fulminis instar celeriter cuncta et cum impetu fieri volebat. I. XXVI. Бон. изд. стр. 81.

вѣстна была Русскимъ издавна: на ней страдалъ князь-мученикъ Михаилъ Тверской[38]; нынѣ она извѣстна подъ именемъ Сунжи. Далѣе на югъ за Кавказскимъ хребтомъ издавна же извѣстны были земли Абхазовъ и Грузинъ *Обезы* и *Гурзы*. Именемъ Обезовъ называли наши предки Абхазцевъ уже въ XII вѣкѣ[39]; отъ Русскихъ занялъ это имя и Плано-Карпини, какъ видно и изъ того, что не умѣлъ ихъ отличить отъ Грузинъ[40]. Вмѣстѣ съ страною Гурзы повѣсти вспоминаютъ и о *Тифлизѣ*. На востокъ отъ Грузіи къ Каспійскому морю извѣстны были *Крымъ*[41], *Кайтаки*, *Ширванъ* (*Ширвѣнъ*) съ *Шамахой* и далѣе на югъ *Гилянъ* (*Гилѣнъ*). На юго-западъ отъ Грузіи знали *Арменію* и между прочимъ городъ *Арзерумъ*. Земли и города далѣе къ западу и югу повторялись въ памяти нашихъ предковъ и по Священному Писанію и Житіямъ Святыхъ, и по запискамъ странниковъ въ Святую землю, а съ тѣмъ вмѣстѣ и по расказамъ торговцевъ. Въ повѣстяхъ о Тимурѣ случайно занесены только очень немногія имена: *Сивасъ*=*Севастъ*=*Севастія*, *Дамаскъ*, *Іерусалимъ*, *Багдадъ*, и вмѣстѣ съ этими городами имена царствъ *Ассирійскаго* и *Вавилонскаго*. Всѣ земли на востокъ отъ Тигра слыли у нашихъ предковъ подъ общимъ названіемъ *Персидскихъ* или *Персиды*. Это книжное имя шло рядомъ съ

---

38. За рѣкою Терекомъ на рѣкѣ Севенцѣ (Сѣвѣнцѣ = Сивенчѣ)... минувше всѣ горы высокія Ясскія и Черкаскія близь воротъ Желѣзныхъ. I Соф. лѣт. Полн. собр. лѣт. V, стр. 213. Никон. лѣт. III, 119.

39. Лавр. лѣт. въ Полн. собр. лѣт. I, стр. 146, подъ 1184: «Изяславъ бѣ повелъ жену собѣ изъ Обезъ.» Сравн. тамъ же стр. 189: «Слышахомъ, яко (Татарове) многы страны поплѣниша — Ясы, Обезы, Касогы...»

40. Obesi sive Georgiani. VII. § 2. Изд. Парижск. Географ. Общ. стр. 709.

41. Тотъ Крымъ, о которомъ есть извѣстіе и въ Книгѣ Больш. чертежа — на р. Лабани (т. е. Алазани), впавшей въ Куру — «и ниже Крыма рѣка Лабань потекла середь горъ. стр. 58. Ученый нашъ сочленъ *М. И. Броссе* замѣтилъ мнѣ, что тотъ городъ восточной Грузіи, который Русскіе называли Кримъ, «у иностранцевъ извѣстенъ подъ названіемъ Керумъ, Гримъ, Гиремъ, Греми». «Сверхъ того — замѣтилъ М. И. Броссе — знаемъ изъ Русскихъ документовъ, касающихся до Грузинскихъ дѣлъ, что въ XVI и XVII вѣкахъ былъ въ Дагестанѣ, кромѣ Шевкала, т. е. Шамхала, Таркскаго владѣтеля, *Кримъ-шевкалъ*, о которомъ никто изъ здѣшнихъ знатоковъ Востока не могъ мнѣ дать никакихъ положительныхъ извѣстій». Ср. Bulletin hist.-phil. II, стр. 249 и 293.

народными названіями городовъ: *Тавризъ*, *Спагань* или *Аспагань*, *Ширазъ* или *Ширязъ*, *Гурмызъ* занесены въ повѣсти о Тимурѣ не по книжному написанью, а по народному выговору. На юго-востокѣ отъ Каспійскаго моря знали *Хорасанъ*: это было общее названіе всѣхъ земель на востокъ отъ Персиды; но, придавая ему и не столь обширное значеніе, знали сверхъ того *Сизъ*, *Гурстанъ* и пр. Мѣстныя названія краевъ легко могли быть извѣстны тѣмъ изъ Русскихъ торговцевъ, которые такъ или иначе попадали на торговую дорогу, устроенную Тимуромъ между Тавризомъ и Самаркандомъ. Отъ нихъ, вѣроятно, зашло въ повѣсти о Тимурѣ и упоминаніе о *Желѣзныхъ вратахъ*, за которыми лежитъ Синяя орда. Эти Желѣзныя ворота, безъ сомнѣнія, не тѣ Кавказскія, которыя занесены подъ именемъ Темиръ-капы и въ книгу Большаго чертежа[42]. Не менѣе славны на востокѣ были тѣ Желѣзныя ворота, которыя были границей между Индіей и Татарскими землями. Ихъ описалъ Клавихо: онъ былъ въ нихъ проѣздомъ изъ Термида въ Кешь и Самаркандъ[43]. Положеніе этихъ Желѣзныхъ воротъ оправдываетъ все, что говорится въ повѣстяхъ о Тимурѣ, о *Синей ордѣ*, какъ о Самаркандской (или Самархинской), сосѣдней съ Индіей, которой принадлежалъ и тотъ край, гдѣ родился Тимуръ, и который названъ *Арарь* = *Орарь*[44] (?). Онъ названъ и Междорѣчіемъ: остроумно замѣтилъ мнѣ П. С. Савельевъ, что это названіе есть вѣрный переводъ слова Мавераннагръ (Арабск. буквально — Зарѣчье). Эта *Синяя орда* представляется не тѣмъ, что Синяя орда нашихъ лѣтописей, которую Карамзинъ пола-

---

42. Кн. Больш. черт. стр. 59: а отъ Шарани 50 верстъ у моря на берегу городъ Дербентъ, Желѣзные ворота тожъ, а по-Турски Темиркапы (Темиръ-Капе).

43. E *Darbante* es una muy gran ciudad, que se cuenta su senorio con una grande tierra, e las primeras destas puertas, que son mas cerca de nos, se llaman *las Puertas del fierro* de cerca Darbante e las otras postrimeras se llaman las *Puertas de fierro* cerca Termit que confinan con el terreno de la India menor. Hist. del gr. Tamerlan, Ср. 41, a; 41, b. Ср. Sprengel, стр. 362 и 369, гдѣ доказывается, что и Шильтбергеръ говоритъ о тѣхъ же Термидскихъ Желѣзныхъ воротахъ подъ именемъ Temirkapit Эти Желѣзныя ворота обозначены и на картѣ Джіовани Леарда, 1448. См. описаніе этой карты въ Essai sur l'histoire de la Cosmographie etc., par le Vic. de Santarem, III, 419.

44. П. С. Савельевъ думаетъ, что *Арарь* или *Орарь* есть, вѣроятно, *Отраръ*.

галъ у Аральскаго моря[45]. Нельзя впрочемъ утверждать, что сочинителю повѣстей о Тимурѣ извѣстна была только отдаленная Синяя орда: самое обозначеніе мѣстности Синей орды, «что близь Индіи», указываетъ на то, что не одну ее называлъ онъ Синей. Болѣе вниманія достойно впрочемъ то, что, по сказанію повѣсти, Синяя орда, «что близь Индіи», лежала за Желѣзными воротами: изъ этого ясно, что и для тѣхъ, чьи расказы повторяла повѣсть, проѣздъ въ Синюю орду былъ, какъ и для Клавихо, мимо Желѣзныхъ воротъ, и слѣдовательно не изъ степей Аральскихъ, Нагайскихъ и Чагатайскихъ, но изъ за рѣки Джигуна, изъ Хорасана, не съ сѣвера на югъ, а съ юга на сѣверъ, изъ за южнаго побережья Каспійскаго моря.

Немного любопытнаго представляютъ повѣсти о Тимурѣ касательно этихъ степныхъ краевъ: вспомянуты: *Чагатай*, *Ногай* и *Охтай* — послѣдній какъ владѣніе Тохтамыша на сѣверной сторонѣ Каспійскаго моря; вспомянуты еще два города: *Сарай* и *Орначь*[46]; — и только.

Слишкомъ небольшимъ количествомъ данныхъ высказались географическія свѣдѣнія нашихъ предковъ половины XV вѣка въ замѣткѣ о земляхъ за Араратомъ и въ обѣихъ повѣстяхъ о Тимурѣ; но высказались, и какъ нельзя кажется сомнѣваться, свѣдѣнія народныя по преимуществу, не такія, каковы напр. тѣ, которыя повторяются въ азбуковникахъ, не баснословныя, а вѣрныя, хоть и сухія. Въ этомъ и заключается ихъ важность. Въ народъ они могли проникнуть только черезъ странниковъ, побывавшихъ на востокѣ, посѣщавшихъ страны, въ нихъ упомянутыя, лично. Безъ сомнѣнія, доказывать это повѣстями о Ти-

---

45. II-я Соф. лѣт. подъ 1378: Перебѣже изъ Синіе орды за Волгу царевичъ Арапша. Полн. собр. лѣт. V, стр. 236. Арханг. лѣт. подъ 1455 г.: Приходили Татарове отъ Синіе орды Ахматовы. И. Г. Рос. V, пр. 351. Повѣсть о Мамаѣ: Се прииде вѣсть, что идеть нѣкій царь съ востока Тохтамышъ изъ Синіе орды. Аральское море называлось Синимъ: А отъ верху рѣки Бузувлука на поляхъ и до Синяго моря кочевье все Большихъ Ногаевъ. Кн. Больш. черт. стр. 156.

46. Объ *Орначь* см. замѣчаніе Френа въ Ibn Foszlan's Berichte, стр. 162—163, гдѣ доказывается, что Орначь то же, что Ургенчъ — городъ и страна на югъ отъ Аральскаго моря. Мнѣніе противное см. въ Recueil des voyages, publ. par la Soc. de Géogr. IV, стр. 505—508.

мурѣ и тому подобными расказами, можно теперь только потому, что не открыты доказательства болѣе очевидныя и болѣе богатыя фактами. Нельзя впрочемъ сказать, чтобы и такихъ болѣе сильныхъ доказательствъ не было совсѣмъ на лицо. Есть по крайней мѣрѣ одно и стоющее многихъ: это — записки Никитина о его хоженіи за три моря.

Записки Никитина о странствіяхъ по Персіи и Индіи въ 1466 — 1472 г., памятникъ въ своемъ родѣ и для своего времени (пока не открылось другихъ подобныхъ) въ такой же мѣрѣ единственный и важный, какъ Слово о полку Игоревомъ, были открыты Карамзинымъ, и имъ однимъ доселѣ оцѣнены по ихъ значенію въ исторіи старой Руси XV вѣка[47]. Изъ этого однако не слѣдуетъ заключать, что въ свое время онѣ прошли незамѣченными. Напротивъ того, онѣ были не только переписываемы, но и включаемы даже въ составъ лѣтописей, на ряду съ другими важными историческими сказаніями, и можетъ быть даже были измѣняемы переписчиками, если только изъ рукъ самого автора не вышли въ нѣсколькихъ разныхъ видахъ. Лѣтописецъ Софійскій, внеся записки Никитина въ свою повѣсть временныхъ лѣтъ подъ 1475 годомъ, въ особенномъ замѣчаніи высказалъ о нихъ и нѣсколько литературныхъ данныхъ. Вотъ оно слово въ слово: «Того же году обрѣтохъ написаніе Офонаса Тферитина купца, что былъ въ Индѣи четыри годы, а ходилъ сказываютъ — съ Васильемъ съ Папинымъ[48]. Азъ же опытахъ, коли Василей ходилъ съ кречаты посломъ отъ великаго князя, и сказаша ми за годъ до Казанского похода пришелъ изъ орды; коли князь Юрьи подъ Казанью былъ[49], тогды его подъ Казанью застрѣлили. Се же на-

47. См. въ Истор. Госуд. Рос. VI: конецъ VII главы и примѣч. 629. Доказательства того, что путешествіе Никитина было именно въ 1466 — 1472 г., представлены будутъ послѣ.

48. Посломъ великаго князя Іоанна IV въ Шамаху, какъ увидимъ послѣ.

49. Подъ 1470-мъ годомъ въ томъ же Софійскомъ временникѣ (II, стр. 342) читаемъ: Въ лѣто 6978 мѣсяца сентября въ а҃ день князь Юрьи Васильевичъ со всею силою Московскою приде подъ Казань. Сравн. Полн. собр. лѣт. V, стр. 275. Никон. лѣт. VI, 13.

писано не обрѣтохъ въ кое лѣто пошелъ, или въ кое время пришелъ изъ Индѣя (и) умеръ; а сказываютъ, что—дѣи—Смоленска не дошедъ умеръ. А писаніе то своею рукою написалъ, иже его руки тетради и привезли гости къ Мамыреву Василью къ дьяку къ великого князя[50] въ Москву»[51]. Въ спискахъ Софійскаго временника находимъ лучшій, или по крайней мѣрѣ болѣе полный изводъ записокъ Никитина[52]; другой, сокращенный, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и измѣненный, изводъ находится въ Русскомъ лѣтописцѣ[53]; замѣчательныя отличія есть и въ изводѣ Троицкой лѣтописи[54]. Вникая въ отличія разныхъ изводовъ записокъ Никитина, находишь на мысль, что самъ сочинитель былъ хоть отчасти ихъ причиною; если же такъ, то лѣтописцы, пользуясь случайно разными изводами, не въ подражаніе одинъ другому, а каждый по личному взгляду на достоинство записокъ Никитина давали имъ мѣсто въ своихъ лѣтописныхъ сборникахъ.

Расказъ Никитина о странствіяхъ по землямъ, многими невидѣннымъ и неизвѣстнымъ, оживляя любознательность современниковъ, возбуждалъ и разные вопросы: гдѣ именно былъ путешественникъ, что именно описалъ онъ и т. п.; но давать впередъ отвѣтъ на подобные вопросы было не въ обычаѣ составителей сборниковъ стараго времени — у насъ такъ же какъ и на западѣ Европы, внѣ круга не только ихъ обязанностей, но вѣроятно и средствъ, — и Хоженіе за три моря осталось безъ дальнѣйшихъ объясненій. Почти въ такомъ видѣ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ замѣчаній Карамзина, Языкова, Казембека и нѣкоторыхъ другихъ, остается оно и до сихъ поръ[55]: всѣхъ ихъ

50. Василій Мамыревъ былъ дьякомъ великаго князя еще и въ 1474 году. См. Собр. госуд. грамм. I, 251.

51. Соф. Временникъ II, 145. Полн. собр. Русск. лѣт. VII, 330, прим. 2.

52. Соф. Временникъ II, стр. 146 и слѣд. Полн. собр. лѣт. VI, стр. 330—345.

53. Одинъ изъ его списковъ принадлежитъ г. Ундольскому. Полн. собр. Русск. лѣт. VI, стр. 117 и 345—354.

54. См. выписки въ Ист. Гос. Росс. VI, пр. 629. Ср. ниже прим. 96.

55. Гдѣ помѣщены замѣчанія *Карамзина*, указано выше. Объясненія А. К. *Казембека* напечатаны въ VI томѣ Полн. собр. Русск. лѣтописей, стр. 354—358. Есть еще объясненія *Френа*, составленныя по просьбѣ М. П. *Погодина* и напечатанныя

вмѣстѣ недостаточно для правильнаго разумѣнія расказа, а безъ этого нельзя опредѣлить и важности записокъ Никитина, какъ достоянія литературы Русской и обще-Европейской. Вотъ что внушило мнѣ мысль, разъ остановившись на запискахъ Никитина, какъ на памятникѣ XV вѣка, всѣхъ менѣе понятномъ и чуть ли не всѣхъ болѣе по своей странности занимательномъ, дать себѣ, а потомъ и читателямъ, полный отчетъ о томъ, что въ немъ останавливаетъ на себѣ вниманіе того, кто его читаетъ. Я не успѣлъ достигнуть всего, чего желалъ, не смотря на свое усердіе и на доброе участіе знатоковъ востока (въ числѣ которыхъ я не могъ миновать и А. К. Казембека, какъ уже занимавшагося этимъ дѣломъ по приглашенію Археографической Коммиссіи); тѣмъ не менѣе успѣлъ, какъ мнѣ кажется, уяснить себѣ если не всѣ мелочи, то хоть общее значеніе «тетрадей», оставшихся о путешествіи въ Индію Тверскаго торговца XV вѣка, и какъ вступленіе къ ихъ изданію представляю его обозрѣніе.

Обще-Европейское значеніе записокъ Никитина, такъ вѣрно замѣченное проницательнымъ Карамзинымъ, само собою указываетъ на обязанность того, кто думаетъ уяснить ихъ содержаніе для себя или для другихъ. Ихъ должно сравнивать съ записками западныхъ путешественниковъ того же XV-го вѣка, у этихъ современниковъ искать болѣе нежели гдѣ, на сколько возможно, матеріала для объясненія Русскаго путешественника, ими опредѣлять значеніе его показаній. Тогда только объяснится его общее и частное значеніе. «Доселѣ географы не знали, что честь одного изъ древнѣйшихъ описанныхъ Европейскихъ путешествій въ Индію принадлежитъ Россіи Іоаннова вѣка»: такъ писалъ Карамзинъ. Если и нельзя повторить этого теперь, послѣ того какъ записки Никитина изданы уже нѣсколько разъ и

при изданіи Хоженія въ Сказаніяхъ Русск. народа И. П. *Сахарова:* VIII, стр. 181—182. Нѣсколько случайныхъ догадокъ высказано и покойнымъ Я. И. *Бередниковымъ* при изданіи Хоженія, въ Полн. собр. Русск. лѣт., въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ. Нѣмецкій пересказъ, приготовленный *Д. И. Языковымъ* и напечатанный въ Dorpater Jahrbücher, 1835, IV, стр. 481—502, очень любопытенъ не только по подстрочнымъ объясненіямъ, но и самъ по себѣ, какъ коментарій.

въ подлинникѣ, и въ переводѣ; то все же можно сказать, что доселѣ не опредѣлено ни мѣсто, занимаемое записками этого стариннаго Русскаго путешественника въ ряду другихъ записокъ путешественниковъ XV вѣка, ни тѣ части ихъ, по которымъ онѣ особенно замѣчательны для своего времени. Пользуясь сказаніями современниковъ не только для обозрѣнія содержанія Хоженія Никитина, но и для изданія подлинника, я считаю необходимымъ представить предварительно хоть краткій обзоръ записокъ путешественниковъ XV вѣка о востокѣ, какъ Итальянскихъ, такъ и Пиринейскихъ, по крайней мѣрѣ тѣхъ, съ которыми могъ я доселѣ ознакомиться.

I.

ЗАПИСКИ ИТАЛЬЯНСКИХЪ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВЪ XV ВѢКА.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что изъ числа Генуезцевъ и Венеціанъ, странствовавшихъ на востокъ съ цѣлями торговыми не только въ XV, но и въ XIV вѣкѣ, были и такіе, которые если не сами записывали замѣтки о странахъ и народахъ Азіи, то по крайней мѣрѣ передавали ихъ людямъ ученымъ. Это доказать можно путешественниками въ родѣ тѣхъ, къ которымъ принадлежалъ Шеґабъ-эддинъ, пользовавшійся въ своей книгѣ между прочимъ и расказами Доминика Доріи, извѣстнаго на востокѣ подъ именемъ Генуэзца Белбана [56]; это же доказать можно географическими картами того времени, потому что на нихъ, рядомъ съ достояніемъ географіи прежнихъ вѣковъ, видимъ и новыя данныя. Такъ напр. на картѣ музея Борджіи находимъ лѣтописныя замѣтки о ханѣ Чанибекѣ (Jambu) и о пораженіи Баязета Тамерланомъ у Ангоры «въ 1401 году» [57]. Тѣмъ не менѣе въ ходу были почти исключительно только записки Марко-Поло [58],

56. Notices et extraits de manuscrits, XIII, стр. 347 — 348, и въ другихъ мѣстахъ.

57. V. *de Santarem*, III, стр. 269 и 247.

58. Не говоря о рукописяхъ, вспомнимъ, что записки Марко Поло изданы были въ Венеціи, въ послѣдніе годы XV вѣка, четыре раза (1483—1498). *F. v. Adelung*, Kritisch. liter. Uebersicht der Reisenden, I, стр. 109. Недостатокъ записокъ болѣе современныхъ доказывается и тѣмъ, что въ Speculum quadruplex Викентія Белловацкаго повторялись сказанія еще болѣе отсталыя Плана Карпини, Си-

и басни Мандевиля[59], которыми, конечно, не могъ пользоваться никто, кромѣ людей, искавшихъ просто занимательнаго чтенія. Записки болѣе новыя если и были, то скрывались, можетъ быть, какъ тайна.

Такъ долгое время оставались неизвѣстными и разсказы Венеціанца *Николо ди Конти* о его странствіяхъ по востоку въ первой половинѣ XV вѣка, записанные на Латинскомъ языкѣ по повелѣнію папы Евгенія IV секретаремъ его Поджіо, и можетъ быть пропали бы на всегда, если бы не были обнародованы въ Португальскомъ переводѣ по повелѣнію короля Маноеля; уже съ Португальскаго они переведены были на Итальянскій тогда, какъ потеряли почти совершенно значеніе новости, важной по свѣдѣніямъ о странахъ неизвѣстныхъ[60]. Ди Конти, научась Арабскому языку въ Дамаскѣ, отправился съ своими товарами въ путь на востокъ въ караванѣ другихъ шести сотъ купцовъ черезъ Аравію Петрейскую и Халдею къ Ефрату, Ефратомъ спустился въ Персидское море къ Ормузу и оттуда направился въ Индію. Онъ проникнулъ въ глубь Дека-

---

мона Сан-Квинтинскаго и т. п. XIII и XIV вѣка: Speculum издано было въ одной Венеціи два раза (1489 и 1494) *F. v. Adelung*, I, стр. 3.

59. Изъ числа шестнадцати изданій Мандевиля, вышедшихъ въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ XV вѣка, однихъ Итальянскихъ было семь (1480, 1488, 1491, 1492, 1496, 1497, 1497). *F. v. Adelung*, I, стр. 128—129.

60. Navigazioni et viaggi, raccolt. da M. G. B. *Ramusio*. 3 e edit. Ven. 1563. I, л. 338—345. Португальскій переводчикъ Валентино Фернандесъ, посвящая свой трудъ королю, писалъ ему между прочимъ слѣдующее (привожу въ Итальянскомъ переводѣ за неимѣніемъ подлинника): Jo mi son mosso a tradur questo viaggio di Nicolo Venetiano. accio che si legga appresso di quello di Marco Polo, cognoscendo 'l grandissimo servitio che ne risulterà a V. M. ammonendo, et avisando li sudditi suoi delle cose dell'Indie, cioe quelle città et popoli, che sieno de Mori et quali degli idolatri et delle grandi utilità et riechezze di spetierie, gioie, oro et argento, che se ne traggono, et sopra tutto per consolar la travagliata mente di V. M. la quale manda le sue caravelle in cosi lungo et pericoloso viaggio, conciosia cosa che in questo viaggio di Nicolo si parla particolarmente d'altre città dell'India, oltra Calicut et Cochin, che già al presente labbiamo scoperte, et appresso per aggiungere un testimonio al libro di Marco Polo, il qual andò al tempo di papa Gregorio X, nelle parti orientali, fra'l vento greco et levante, et questo Nicolo dipoi al tempo di papa Eugenio IV, per la parte di mezzo-di penetrò à quella volta, et trovò le medesime terre descritte dal detto M. Polo. Et questa è stata la principal cagione d'havermi ftato pigliar la fatica di questa tradutione per ordine suo.

на до Биджнагура; посѣтилъ и Цейлонъ, Мадрасъ, устье Ганга; оттуда отправился на восточный полуостровъ Индіи, странствовалъ по Явѣ, Суматрѣ и окрестнымъ островамъ, и если не лично, то хоть по расказамъ узналъ коечто о Манчи и Китаѣ. На возвратномъ пути онъ снова присталъ къ западному берегу Индіи, съ Малабарскаго берега переправился черезъ море на Сокотору, потомъ въ Аденъ, къ Синаю, и прибылъ на родину изъ Каира. Странствія Н. ди Конти продолжались двадцать пять лѣтъ. Во время своихъ странствій онъ не только обзавелся семьей, но и отказался отъ вѣры христіанской. Пересказывая свои похожденія, онъ припоминалъ многое о природѣ и произведеніяхъ, нравахъ и обычаяхъ странъ, имъ посѣщенныхъ. Судя по этимъ пропоминаніямъ, онъ большую часть времени провелъ на западномъ полуостровѣ Индіи; по необразованности или по навыку не умѣлъ всегда отличать дѣйствительное отъ чудеснаго, но замѣчалъ не одно то, что ему было любопытно какъ торговцу, между прочимъ и религіозные обряды Индійцевъ, ихъ понятія о жизни, и т. п. Въ его припоминаніяхъ собственныя имена большею частію исковерканы; впрочемъ, Португальскій переводчикъ, уже знакомый со многими изъ мѣстностей востока по запискамъ своихъ соотечественниковъ, исправилъ нѣкоторыя изъ нихъ, какъ умѣлъ.

Не скоро узналъ свѣтъ и о другомъ Венеціанскомъ путешественникѣ, современникѣ нашего Никитина, *Іосафатъ Барбаро*. Своимъ путешествіемъ въ Тану (1436—1452) онъ извѣстенъ у насъ [61], хоть и сообщилъ болѣе свѣдѣній о земляхъ Кавказскихъ, чѣмъ о Россіи. Несравненно важнѣе его путешествіе въ Персію [62]. Онъ поѣхалъ туда въ 1471 году вмѣстѣ съ посломъ Персидскимъ, везя въ Персію дары и разныя предложенія, которыми должна была утвердиться дружественная связь двухъ державъ противу Турокъ. Съ Кипра переѣхали путники на твердую землю Триполійскую, и потомъ направили путь на сѣверо-востокъ къ Орфѣ, Мердину и за Таврскія горы въ Тавризъ. Въ своихъ запискахъ Барбаро сообщаетъ любопытныя подробности обо

61. В. *Семенова*, Библіотека иностр. писателей о Россіи, II, стр. 5—65.
62. G. B. *Ramusio*, II, 98—112.

всемъ этомъ пути, а еще болѣе о Тавризѣ и Узунъ-Асанѣ, который принялъ его съ полнымъ уваженіемъ и далъ случай полюбоваться и великолѣпіемъ своего быта и богатствами, къ нему стекавшимися съ востока и съ юга. Изъ Тавриза Барбаро ѣздилъ въ глубь Персидскихъ земель въ Кашанъ, Ездъ, Ширазъ, Испагань; какъ образованный и опытный наблюдатель отмѣчалъ всякаго рода любопытныя подробности о природѣ и жителяхъ Персіи и окрестныхъ земель, ихъ обычаяхъ и древностяхъ, промышленности и торговыхъ путяхъ. Записки І. Барбаро есть безспорно лучшій изъ памятниковъ путешественной литературы XV вѣка.

Другой путешественникъ Венеціанскій того же времени, *А. Контарини,* оставилъ по себѣ дневникъ, относящійся къ 1473 (отъ 23 февраля)—1477 г. (до 7 апрѣля). Онъ ѣздилъ такъ же къ Узунъ-Ассану, но съ новыми порученіями и по другому пути: туда онъ ѣхалъ черезъ Кіевъ, Татарскія степи и Грузію, оттуда — черезъ Грузію, Дагестанъ, Астрахань и Москву; довольно внимательно замѣчалъ все любопытное на пути; но заходилъ не далеко — только до Испагани. Его дневникъ для своего времени важенъ былъ болѣе какъ образецъ правдивости, чѣмъ по новости свѣденій о востокѣ [63].

Къ числу Итальянскихъ путевыхъ записокъ XV вѣка надобно отнести наконецъ записки Генуэзца *Іеронимо да С. Стефано*, доходившаго въ 1490-хъ годахъ до Явы и Суматры [64]; но онѣ очень коротки и заключаютъ въ себѣ болѣе замѣтокъ о самомъ странникѣ, чѣмъ о странахъ, имъ посѣщенныхъ.

Такимъ образомъ изъ всѣхъ Итальянскихъ путешественниковъ XV вѣка въ сравненіе съ нашимъ Никитинымъ болѣе всего идетъ Николо ди Конти: одинъ онъ довольно подробно говорилъ о тѣхъ же странахъ, замѣтки о которыхъ находимъ въ запискахъ Никитина.

---

63. В. *Семенова*, Библіотека. II. стр. 11 — 130. G. B. *Ramusio*, II, л. 112 — 125. Есть впрочемъ у Контарини и кое что новое, напр. объ Иммеретіи и Карталиніи.

64. G. B. *Ramusio*. I. л. 345—346.

II.

ЗАПИСКИ О ВОСТОКѢ ПИРИНЕЙСКИХЪ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВЪ XV В.

Путешественники Пиринейскіе находили поддержку въ правительствѣ болѣе чѣмъ Итальянскіе. Первый изъ государей, принявшій въ этомъ живое участіе, былъ Генрихъ III Кастильскій. Обмѣнъ посольскихъ сношеній его съ Тамерланомъ удался уже въ 1394 году; но на первый разъ послы его заходили недалеко — только къ Ангорѣ, и бывъ свидѣтелями пораженія и плѣна султана Баязета (20 іюня 1402 года), воротились домой только съ новыми доказательствами могущества «властелина міра». Второе посольство отправилъ Генрихъ въ 1403 году въ слѣдъ за отпущенными послами Тамерлана, и въ 1406 году могъ читать подробное донесеніе не только объ успѣхѣ, но и объ отдаленности путешествія своихъ подданныхъ. Посольство Генриха побывало въ самой столицѣ Тимура, чуть не въ самой срединѣ Азіи, въ Самаркандѣ. Одинъ изъ пословъ, *Рюи Гонсалесъ де Клавихо*, велъ дневникъ путешествія, и возвратясь домой, представилъ его своему государю. Этотъ дневникъ сохранился [65]. Посольство направило свой путь изъ Кадикса къ Сициліи, оттуда къ Родосу и къ Константинополю, а потомъ въ Черное море къ Трапезонту: на этотъ переѣздъ потребно было слишкомъ десять мѣсяцевъ (отъ 21 мая 1403 до 11 апрѣля 1404 г.). Изъ Трапезонта послы отправились къ Арцингану, который въ то время былъ важнымъ складочнымъ мѣстомъ, потомъ въ Эрзерумъ, Хой, Тавризъ, богатый разнообразными товарами, особенно жемчугомъ, шелковыми и бумажными тканями, благовоннымъ масломъ (тутъ Клавихо видѣлъ и Генуэзскихъ купцовъ). Отъ Тавриза по пути къ Самарканду устроены были тогда Тимуромъ порядочные ямы, гдѣ на готовѣ ждали по 50 и до 200 лошадей не только для пересылки повелѣній Тимура, но и для перевоза путешественниковъ. Султанія, куда прибыло

65. Historia del gran Tamorlan e itinerario y enarracion del viage y relation de la embaxada, que Ruy Gonçalez de Clavijo le hizo por mandado... del Rey Don Henrique el tercero de Castilla en Sevilla. 1582. fol. 2-е изд.. Madrid. 1782. 4-to. Извлеченіе у *Шпренгеля*, § 31, стр. 356—367. Клавихо упоминаетъ и о первомъ посольствѣ: 1, б (1-го изданія).

посольство изъ Тавриза, была въ то время столицей старшаго сына Тимурова Миранъ-шаха, и славилась своими складами разныхъ товаровъ: жемчугу и драгоцѣнныхъ камней изъ Ормуза, роскошныхъ шелковыхъ тканей изъ Шираза, Езда, Гилана, Шамахи, хлопчато-бумажныхъ тканей изъ Хорасана, пряностей изъ Индіи, которые караванами приходили туда въ іюнѣ и іюлѣ, и привлекали въ это же время караваны и изъ другихъ странъ— изъ Багдада, Сиріи, Турціи, Трапезонта, Кафы и христіанскихъ земель. Изъ Султаніи путь шелъ черезъ Нишабуръ къ Термиду, и потомъ черезъ Желѣзныя ворота (Derbante — las puertas de fierro) къ Самарканду. Путешествіе изъ Трапезонта въ Самаркандъ продолжалось слишкомъ четыре мѣсяца (отъ 21 апрѣля до 8 сентября). Тимуръ принялъ посольство съ почетомъ и выказалъ въ полномъ блескѣ свое богатство и роскошь. Клавихо подробно описываетъ всѣ пиршества и все ихъ великолѣпіе: его поразили шелковыя и парчевыя палатки, украшенныя жемчугомъ, рубинами и другими драгоцѣнными камнями, золоченые столы, посуда изъ золота, серебра, барра (barro vedriado), фарфора, огромныя массы жареной конины, баранины, вареннаго рису и плодовъ, вина, кумыса и пр. На одномъ изъ послѣднихъ праздниковъ послы получили дары: шелковыя одежды, мѣха и суму съ 500 денегъ. Самаркандъ показался посламъ не больше Севиллы, но съ огромными предмѣстьями, и потому гораздо обильнѣе жителями, число которыхъ Тимуръ увеличилъ 150,000 переселенцевъ изъ разныхъ покоренныхъ земель. Столица Тимура цвѣла тогда торговлей: туда привозились товары изъ Россіи и Татарскихъ земель, изъ Китая, Индіи. Посольство оставалось въ Самаркандѣ до 11 ноября, и воротилось назадъ почти тѣмъ же путемъ, какъ прибыло: черезъ Бухару, Бистанъ и Казвинъ оно дошло до Султаніи, а оттуда черезъ Тавризъ и Трапезонтъ въ Константинополь и далѣе.

Посольство Генриха III Кастильскаго въ Самаркандъ осталось безъ политическихъ послѣдствій, потому что всѣ связи его съ востокомъ тутъ же прерваны смертію Тимура, вѣсть о которой привезли въ Италію сами же послы.

Другой Пиринейскій Генрихъ, Генрихъ инфантъ Португальскій, былъ еще счастливѣе Генриха Кастильскаго: по его

старанію снаряжена въ 1412 году первая флотилія для открытій въ Африкѣ, и съ тѣхъ поръ поѣзды отправлялись по нѣскольку разъ въ годъ [66]. Эти поѣзды получили болѣе обширный размѣръ послѣ разрушенія Цеуты [67], и все болѣе привлекали къ себѣ вниманіе Португальскаго правительства. Здѣсь было бы неумѣстно пересказывать, какъ постепенно увеличивались открытія Португальцевъ по западнымъ берегамъ Африки все далѣе на югъ, съ начала подъ вліяніемъ инфанта Генриха, потомъ подъ покровительствомъ короля Португальскаго Іоанна II. Скажемъ только, что сила толчка, даннаго этими смѣлыми защитниками открытій, ранѣе или позже должна была довести до цѣли, ими предположенной, и сдѣлать ее общимъ достояніемъ образованности Европейской. Не забудемъ при этомъ, что, думая о югѣ Африки, Португальцы не опускали изъ виду востока, и собирали свѣденія о путяхъ, соединявшихъ юго-восточное побережье Средиземнаго моря съ западными затонами моря Индійскаго, что корабли ихъ все чаще встрѣчались на водахъ Средиземныхъ съ кораблями купцовъ Генуи, Венеціи и другихъ городовъ Италіи.

Въ 1486 году королемъ Іоанномъ II отправлена ученая экспедиція для объѣзда южнаго побережья Африки,—и Бартоломео Діазу, какъ извѣстно, удалось обогнуть мысъ Бурь—Cabo Formentoso, послѣ увѣковѣчившій за собою имя мыса Доброй Надежды [68]. Еще эта экспедиція не воротилась въ Лисабонъ, какъ Іоаннъ II послалъ новую — въ другую сторону, но для той же цѣли, экспедицію въ Индію черезъ Средиземное море. Педро да Ковилья и Альфонсо де Пайва отправились черезъ Неаполь, Родосъ, Александрію и Каиръ въ Торъ; отсюда де Пайва направилъ свой путь въ Африку и умеръ на пути, а да Ковилья въ Аденъ и оттуда въ Индію къ Малабарскому берегу. Побывавъ въ Конанорѣ, Колекотѣ и Гоа, да Ковилья воротился въ Каиръ черезъ Чермное море. А между тѣмъ Маноэль, узнавши отъ

---

66. *J. da Costa Quintella*, Annaes da marinha Portugueza. Lisboa. 1839. I, стр. 55—56.

67. *João de Barros*, Geschichte der Entdeckungen der Portugiesen (Нѣмецк. перев. Braunschweig, 1821), I, стр. 3—4. 50—52. *J. da Costa Quintella*, стр. 70—71.

68. *J. da Costa Quintella*, I, 200—205. *J. de Barros*, I, 66—68.

двухъ Евреевъ, бывавшихъ на востокѣ, объ Ормузѣ, его торговлѣ и богатствахъ, отправилъ ихъ въ поиски за Педромъ да Ковилья, съ тѣмъ, чтобъ они помогли ему добраться и до Ормуза. Да Ковилья снова пошелъ черезъ Аденъ въ Ормузъ; оттуда переправился въ Аббиссинію и удержанъ въ плѣну [69]. Записокъ о странствіяхъ Педра да Ковилья, къ сожалѣнію, нѣтъ,—да едва ли даже и были онѣ: едва ли все дѣло не ограничилось докладомъ Іоанну II о неудачномъ концѣ имъ затѣяннаго предпріятія. Такія неудачи не могли впрочемъ поколебать духа предпріимчивости, одушевлявшаго Іоанна II и общество его окружавшее [70].

Преемникъ Іоанна, Маноель выразилъ ту же любовь къ открытіямъ, — и мѣсяцъ спустя послѣ вступленія на престолъ уже засѣдалъ въ совѣтѣ о продолженіи открытій пути въ Индію [71]. Кому не извѣстна счастливая экспедиція *Васко де Гама* (1497 — 1499), порѣшившая вопросъ о морскомъ пути въ Индію? И кто скажетъ, что въ торжествахъ, которыми привѣтствовали его въ Лиссабонѣ по возвращеніи изъ путешествія, не выразилась радость, доступная людямъ безкорыстно-просвѣщеннымъ, хоть и честолюбивымъ! Васко де Гама, обогнувъ Африку, достигъ Мелинды; съ помощію лоцмана, тутъ ему даннаго, благополучно переправился черезъ море къ берегу Индіи, въ Колекотъ, и высмотрѣлъ тутъ, что казалось нужнымъ для того, чтобы Португальцамъ можно было стать на берегу Индіи твердою ногою. Почти тѣмъ же путемъ воротился онъ и назадъ. Немного свѣденій новыхъ объ Индіи привезъ онъ съ собою, побывавши только въ одномъ городѣ; но и любознательность и промышленность одинаково могли считать эту поѣздку побѣдой надъ всей недосягаемостью путей къ восточной Африкѣ и къ Индіи и надъ всѣмъ мракомъ сказокъ объ этихъ странахъ [72]. Всѣ послѣдующія экспедиціи казались и тогда уже толь-

---

69. *J. de Barros*, I, 70—72.

70. Общество (Junta) ученыхъ, образовавшееся въ то время въ Лисабонѣ подъ покровительствомъ короля, заботилось о примѣненіи астролабіи къ мореплаванію, о мореходныхъ картахъ, объ улучшеніи таблицъ склоненія звѣздъ, и т. п. Въ немъ принимали участіе: епископъ Діего Ортизъ, епископъ Камадилья, врачи короля Родриго и Хозе, Мартынъ Чехъ и др. *J. da Costa*, I, 189—190.

71. *J. da Costa*, I, 229.

72. *J. de Barros*, I, 95—127. *Ramusio*, I, 119—121.

ко продолженіемъ этой первой, а она — прочнымъ основаніемъ и открытій и завоеваній.

Только записки объ этомъ знаменитомъ путешествіи Васко де Гама, изъ числа всѣхъ путевыхъ записокъ Пиринейскихъ, относящихся къ XV вѣку, могутъ идти въ сравненіе съ записками нашего Никитина, и то въ сравненіе очень неровное: Васко де Гама былъ въ Индіи спустя четверть вѣка, и то только въ одномъ городѣ при морѣ, въ городѣ, о которомъ сдѣлалъ нѣсколько замѣтокъ и Никитинъ.

Венеціанинъ ди Конти (— 1444), Тверичь Никитинъ (— 1472) и Синесецъ де Гама: вотъ отъ кого остались важнѣйшія записки объ отдаленныхъ странахъ южной Азіи XV вѣка, освѣтляемыя однѣ другими[73]. Путешествіе послѣдняго несравненно значительнѣе по послѣдствіямъ; за то наблюденія двухъ первыхъ гораздо цѣннѣе по обилію и содержанію, — и Никитинъ въ этомъ отношеніи долженъ быть поставленъ выше ди Конти: съ этимъ, надѣюсь, согласится всякій, кто приметъ на себя трудъ познакомиться съ его Хожденіемъ и сравнить его съ записками ди Конти, вникая въ смыслъ сказаній того и другаго.

Недостаточны впрочемъ сказанія XV вѣка для объясненія записокъ Никитина, и это заставляетъ изслѣдователя искать пособій въ путевыхъ запискахъ болѣе позднихъ: только уже къ половинѣ XVI вѣка стали достовѣрно извѣстны тѣ земли и

---

73. Говорю только о путешественникахъ Европейскихъ. Изъ Восточныхъ тутъ долженъ быть вспомянутъ Кемаль-Эддинъ Абд-Эрразакъ Самаркандецъ, жившій въ 1413—1482, и какъ посланникъ Шахъ-Роха, ѣздившій въ Индію въ 1441—1442 г. На память объ этомъ посольствѣ онъ оставилъ записки: переводъ ихъ изданъ Катремеромъ въ Notices et extraits des manuscrits, XIV, стр. 427—473. Пересматривая эти любопытныя записки и сравнивая ихъ съ путевыми записками писателей-географовъ Арабскихъ и Персидскихъ, легко увидѣть, что ихъ авторъ думалъ не столько о пользѣ, сколько объ удовольствіи своихъ читателей и слушателей, и, стараясь занять ихъ любопытство, старался не менѣе и о томъ, чтобы плѣнить ихъ красивымъ подборомъ замѣчаній и выраженій въ стихахъ и прозѣ: первое мѣсто въ числѣ слушателей долженъ былъ занять самъ «счастливый каганъ» Шахъ-Рохъ.

пристани, которыя частію посѣтилъ, частію только описалъ нашъ Никитинъ. Вотъ важнѣйшія изъ описанныхъ путешествій этого времени:

— Плаваніе *Педра Альвареса* въ 1500—1501 году по пути, проложенному Васкомъ де Гама, описано офиціально однимъ изъ участниковъ[74].

— Второе плаваніе *В. де Гама* въ 1502—1503 дало поводъ описать видѣнные берега Индіи *Ѳомѣ Лопесу*[75].

— О плаваніи *Альфонса Альбукерка* въ 1503 остались краткія записки *Іоанна да Емполи*[76].

— Путешествіе Болонца *Лодовика Бартемы* въ 1502—1508 въ Индію и острова черезъ Египетъ и Персію, описано имъ самимъ[77].

— О путешествіи Флорентинца *Андрея Корсали* остались письма его изъ восточной Индіи Юліану Медичи отъ 16 янв. 1515 и 18 сент. 1517 г.[78].

— Знаменитое плаваніе вокругъ свѣта, совершенное *Фердинандомъ Магальяномъ* въ 1519, дало поводъ нѣсколькимъ замѣчательнымъ запискамъ. Изъ нихъ первое мѣсто по славѣ принадлежитъ *Антонію Пигафеттѣ*[79].

— Вмѣстѣ съ Ф. Магальяномъ долженъ быть вспомянутъ и *Одоардо Барбоса*, Португалецъ, подвергшійся на Зебу одной

---

74. G. B. *Ramusio*, I, л. 121—127. Colleção de noticias pora historia e geografia das nações ultramarinas. Lisb., 1812, II, 107—137.

75. G. B. *Ramusio*, I, 133—145. Colleção. II, 159—215.

76. G. B. *Ramusio*, I, 145—147. Colleção. II, 219—229.

77. G. B. *Ramusio*, I, л. 147—174. Novus orbis, f. 107 и слѣд.

78. G. B. *Ramusio*, I, л. 177—180 и 181—188.

79. G. B. *Ramusio*, I, л. 352—365. Сравн. л. 347—352, гдѣ напечатаны записки М. *Трансилвана*, секретаря Карла V. См. также *J. da Costa Quintella*, I, стр. 340—369.

съ нимъ участи. Барбоса впрочемъ не одинъ разъ былъ на востокѣ, какъ самъ говоритъ,—и одна часть его записокъ писана еще въ 1516 году[80].

— Почти къ этому же времени принадлежатъ и записки, извѣстныя по Итальянски подъ названіемъ Sommario всѣхъ царствъ, городовъ и народовъ восточныхъ[81].

— Свѣдѣнія, находящіяся въ запискахъ І. Барбаро и А. Контарини, дополняются записками Венеціанскаго купца, оставшагося неизвѣстнымъ по имени, писанными въ 1520[82].

— Отъ другаго Венеціанца остался дневникъ путешествія въ Діу въ 1537 — 1539 г.[83].

— Окончу этотъ списокъ важнѣйшимъ изъ путешественныхъ ученыхъ трудовъ Португальскихъ: *І. де Барросъ*, долго жившій въ Индіи, старавшійся наблюдать и собирать достовѣрныя свѣдѣнія о всемъ югѣ и востокѣ Азіи, оставилъ на память о себѣ и объ открытіяхъ Португальцевъ прекрасное твореніе подъ названіемъ Asia: первая декада вышла въ 1552, вторая въ 1553, третья въ 1563, четвертая осталась неоконченною и вышла съ дополненіями І. Б. де Лаванья въ 1615[84].

---

80. G. B. *Ramusio*, I, 288—323. Подлинникъ Португальскій, найденный почти черезъ триста лѣтъ, изданъ въ Colleção, II, 231—394.

81. Sommario di tutti li regni, città et popoli orientali. G. B. *Ramusio*, I, 324—337.

82. G. B. *Ramusio*, II, л. 78—91. Viaggio d'un mercante che fu nella Persia. Ср. тутъ же л. 66—78: Breve narratione della vita et fatti del signor Ussuncassano fatta per G. M. *Angioletto*.

83. G. *Ramusio*, I, л. 274—280.

84. Къ сожалѣнію, я не могъ пользоваться полнымъ изданіемъ, а только отрывками, изданными у Ramusio: л. 384—394, и извлеченіемъ, сдѣланнымъ Д. В. *Солтау:* Geschichte der Entdeckungen der Portugiesen vom Jahr 1415 bis 1539 — nach Anleitung der Asia des João de Barros. Braunschweig. 1821.

ОБОЗРѢНІЕ ХОЖЕНІЯ ЗА ТРИ МОРЯ АѲАНАСІЯ НИКИТИНА.

—

I.

ВЫѢЗДЪ. — ВРЕМЯ И ПУТИ ХОЖЕНІЯ. — ПУТЕВЫЯ ЗАПИСКИ.

гл. I и II.

У великаго князя Іоанна III былъ однажды посолъ владѣтеля Шамахи Ширваншаха Ферухъ-Есара. Получивши въ обмѣнъ за подарки, имъ привезенные, девяносто охотныхъ кречетовъ, этотъ посолъ, именемъ Асанъ-бегъ, собрался въ обратный путь въ слѣдъ за Русскимъ посломъ Василіемъ Папинымъ. Провѣдавши о Русскомъ посольствѣ въ Шамаху, Тверской торговецъ Афанасій Никитинъ рѣшился ѣхать въ Шамаху съ своимъ товаромъ. Онъ и товарищи снарядили два судна, получили проѣзжую грамоту отъ князя Михаила Борисовича [85] и посадника Бориса Захарьича, и съ благословеніемъ владыки Геннадія, помолившись Спасу Золотоверхому [86], поѣхали въ низъ по Волгѣ. По пути заѣзжали между прочимъ и въ Троицкій монастырь Колязинъ для молитвы и благословенія [87]. Въ Костромѣ князь Александръ Васильевичь

85. Михаилъ Борисовичь, шуринъ в. к. Іоанна III, былъ княземъ Тверскимъ до 1486 г., владѣя въ своемъ княженіи по особенному договору 1462 года съ Іоанномъ III, какъ равный ему великій князь. Собр. гос. гр. I, № 88 и 89. Ист. Гос. VI, 2-е изд., стр. 177—180.

86. Такъ назывался соборъ въ Твери. По этому храму и самое княжество Тверское называлось домомъ св. Спаса, Такъ въ грамотѣ 1462 года: «А почнутъ насъ сваживати Татарове, а учнутъ вамъ давати домъ святого Спаса, а нашу отчину великое княженіе Тѳерь и Кашинъ, и вамъ ся, брате, не имати за домъ св. Спаса, а за нашу отчину великое княженіе. Собр. гос. гр. I, стр. 209.

87. «А ниже рѣки 10 верстъ, на Волгѣ на лѣвомъ берегу, монастырь Живоначальныя Троицы, именуемый Колязинъ.» Книга Больш. черт. стр. 138. Одна

далъ имъ великокняжескую проѣзжую грамоту за границу. Съ нею Афанасій Никитинъ поѣхалъ въ Нижній; думалъ тутъ сойтись съ посломъ Папинымъ, но уже не успѣлъ его захватить; ждалъ двѣ недѣли пріѣзда Асанъ-бега, и отпущенный великокняжескимъ намѣстникомъ и пошлинникомъ, вмѣстѣ съ Асанъ-бегомъ, поѣхалъ Волгою далѣе. Счастливо спустились они къ Бузани[88]. Тутъ встрѣтились имъ три Татарина Астраханскихъ и увѣрили ихъ, что ханъ Кайсымъ провѣдалъ о проѣздѣ гостей и стережетъ ихъ съ 3000 Татаръ въ надеждѣ ограбить. Шамахинскій посолъ нанялъ этихъ Татаръ провести судны мимо Бузани къ Астрахани безопасно, и далъ имъ по однорядкѣ да по куску полотна. Татары взяли полотно и однорядки, но подали вѣсть въ Астрахань. Никитинъ и его товарищи пересѣли на судно Асанъ-бега. Ночью на парусахъ они ѣхали мимо Астрахани со всею осторожностью; но ханъ ихъ видѣлъ, Татары кричали имъ: стойте — «качьма, не бѣгайте», и по приказу хана погнались за ними цѣлой ордой. На Бугунѣ[89] они догнали ихъ, начали въ нихъ стрѣлять, заставили отстрѣливаться. Меньшее судно, на которомъ была вся рухлядь Никитина, остановилось на рыболовной заставѣ (на езу). Татары ограбили это судно. Потомъ они захватили другое бо̀льшее судно, попавшее на мель на устьи Волги и принужденное идти назадъ до еза; вмѣстѣ съ судномъ захватили четырехъ Русскихъ плѣнными, а другихъ пустили за море «голыми головами». Иные изъ Русскихъ и хотѣли было

изъ замѣчательнѣйшихъ грамотъ, касающихся этого монастыря, дана ему царемъ Алексѣемъ Михаиловичемъ въ 1652 г. (Акты Арх. Эксп. IV, № 55. Никитинъ упоминаетъ объ игуменѣ этого монастыря Макаріи: см. грамоту Тверск. князя Бориса Алекс. 1461 г. (Акты Арх. Экспед. I, № 68). Святая жизнь его внушала всѣмъ къ нему благоговѣйное уваженіе. Въ 1521 году открыты его мощи (Ист. Гос. Росс. VII, пр. 383), прославившіяся чудесами; въ слѣдствіе чего онъ причисленъ къ лику святыхъ, и въ 1547 г. митрополитомъ Макаріемъ повелѣно «пѣти и праздновати повсюду марта въ 17 день великому чудотворцу игумену Макарію Колязинскому» (Акты Арх. Эксп. I, № 203, стр. 203).

88. *Бузань* — рукавъ Волги — вытекаетъ въ 50 верстахъ выше Астрахани и у Краснаго Яра соединяется съ Ахтубою. Березинъ, Путеш. по востоку, I, стр. 8. Судох. Дорожникъ Европ. Россіи, I, стр. 8.

89. *На Бугунѣ*: такъ у Никитина. Не то ли же это мѣсто, которое называется нынѣ *Бѣгунскимъ полозомъ* и составляетъ одну изъ мелей въ устьи Волги?

воротиться назадъ домой, но ихъ не пустили, изъ боязни, чтобъ они не подали тамъ вѣсти объ этомъ насиліи. Такъ вышли изъ усть Волги только два судна: одно Асанъ-бегово, гдѣ были съ Бухарскими купцами[90] и десять Русскихъ, а другое Русское съ шестью Москвичами и шестью Тверичами. На морѣ у Тарки встрѣтила ихъ новая бѣда: буря—«фуртовина»[91]. Русское судно разбилось о берегъ. Подоспѣли горцы Кайтаки[92] и захватили Русскихъ въ плѣнъ. Только Асанъ-бегово судно счастливо добралось до Дербента. Русскій посолъ Василій Папинъ былъ уже тамъ. Никитинъ и его товарищи стали просить Папина и Асанъ-бега позаботиться объ освобожденіи Русскихъ, захваченныхъ Кайтаками, и достигли желаемаго. Ширванъ-шахъ[93] послалъ немедленно посла къ Халиль-бегу Кайтакскому, который ему приходился шуриномъ, и требовалъ освобожденія Русскихъ. «Люди эти — извѣщалъ онъ Халиль-бега — посланы на мое имя; такъ ты и людей ко мнѣ пришли, и товаръ, у нихъ захваченный, собери; а что тебѣ будетъ надобно отъ меня, ты скажи, я не постою». Плѣнные Русскіе приведены были въ Дер-

---

90. У Никитина Бухарскіе купцы названы *тезиками.* О нихъ упоминаетъ и Котовъ въ своихъ Запискахъ о Персіи: стр. 4, 5, 6. Въ Персіи именемъ этимъ (*таджик* и *tasu*) называется часть туземнаго простаго народа (Ritter, VIII, стр. 185 и сл.); въ Бухарѣ такъ называются туземцы Персидскаго происхожденія, въ отличіе ихъ отъ Узбековъ, Туркскихъ властителей страны.

91. *Фуртовина* (въ нѣкоторыхъ спискахъ фурстовина) — слово любопытное. Въ путевыхъ запискахъ іеродіакона Зосимы написано *футрина* (Сахар. 60. б.). Въ смыслѣ бури, непогоды, употреблялось издавна слово fortuna и въ Итальянскомъ (см. напр. у Рамузіо: I, 144); тотъ же смыслъ имѣютъ ново-Греч. φορτούνα, Валашск. *фортынъ.* Въ Малорусскомъ Запорожскомъ также было въ ходу слово *фуртовина* или *хуртовина.*

92. О Кайтакахъ пишетъ современникъ Никитина Іос. Барбаро: Caitachi... sono circa il monte Caspio... parlano idioma separato dagli altri. Sono christiani molti di loro: dei quali parte fanno alla Greca, parte all'Armena, et alcuni alla catholica (Viaggio della Persia: II, 109. b.). Mengrelia confina con Caitachi, che sono circa il monte Caspio (Viaggio alla Taua, II, 96, d). И тогда и позже они принадлежали къ области Ширванской. Ср. о нихъ Ritter, VIII, 126. М. *Казембека,* Derbend—Nâmeh, 35. *D'Ohsson,* Des peuples du Caucase, 19 и 66.

93. Никитинъ пишетъ Ширванша (Ширванши, Ширваншѣ, Ширваншинъ) какъ существ. женск. рода. Такъ выговаривалъ титулъ владѣтеля Ширвана и Іос. Барбаро: il signor della quale (Samacchi) si chiama *Siruansa* (II, 109). А. Контарини записалъ его неправильно *Sivansa* (II, 110—120). Ср. *Hammer,* I, 810. Der bend-Nâmeh, 166.

*

бентъ, и оттуда вмѣстѣ со всѣми другими отправлены въ Кайтулъ, къ Ширванъ-шаху. Ласково принялъ ихъ Ширванъ-шахъ; но на просьбу помочь воротиться домой отвѣчалъ отказомъ, извиняясь тѣмъ, что ихъ много. «Заплакавъ, разошлися мы кто куда — говоритъ Никитинъ; у кого что есть на Руси, пошелъ на Русь; а кто былъ долженъ, тотъ пошелъ куда очи понесли; одни остались въ Шамахѣ, другіе отправились на заработки къ Бакѣ. Я пошелъ къ Дербенту, изъ Дербента къ Бакѣ, гдѣ горитъ огонь неугасимый, а потомъ за море».

Когда же именно странствовалъ Никитинъ? въ какіе именно годы? Лѣтописецъ, основываясь на показаніяхъ о путешествіи Василія Папина въ Шамаху, обозначилъ только одинъ годъ изъ шести — 1469-й. По этому показанію можно судить о годахъ путешествія Никитина только приблизительно: если Папинъ воротился изъ посольства въ 1469-мъ году, то думать можно, что, отправляясь въ посольство случайное, съ кречетами, онъ провелъ на пути не болѣе года, или много что два, т. е. выѣхалъ въ 1468 или въ 1467. Кстати вспомнить, что Ширванъ-шахъ Ферухъ-Есаръ Шамахскій вступилъ на престолъ по смерти отца своего султана Халиля не ранѣе 1462—1463 года. Если онъ и скоро по своемъ вступленіи на престолъ послалъ въ Москву Асанъ-бега, т. е. напр. въ 1464 году, то все же не ранѣе какъ черезъ годъ послѣ этого, не ранѣе 1465 года, могъ ожидать возврата своего посла и отвѣтнаго посла Русскаго. Такимъ образомъ выѣздъ Папина, а вмѣстѣ съ тѣмъ и выѣздъ Никитина, приблизительно опредѣляется годами 1465—1467. Въ какое же именно изъ этихъ лѣтъ выѣхалъ въ свой путь нашъ незабвенный странникъ? Расказъ самого Никитина даетъ объ этомъ свѣденіе совершенно опредѣлительное.

Никитинъ въ своемъ путешествіи отмѣчалъ дни Пасхи. Третью Пасху онъ провелъ въ Ормузѣ; выѣхалъ оттуда на Ѳоминой недѣлѣ; черезъ шесть недѣль пріѣхалъ въ Чювиль; двадцать четыре дня употребилъ на дорогу изъ Чювиля въ Чюнейръ, въ Чюнейрѣ оставался два мѣсяца, и выѣхалъ оттуда на Успенье, т. е. 15-го августа. Съ помощію этого послѣдняго показанія, подставя цыфры чиселъ мѣсячныхъ, можемъ легко узнать, когда именно праздновалъ онъ Пасху въ Ормузѣ. Оче-

видно, что эта Пасха была 2-го апрѣля. На Ѳоминой недѣлѣ, въ понедѣльникъ или во вторникъ — въ радуницу, т. е. 9-го или 10-го апрѣля[94], Никитинъ выѣхалъ изъ Ормуза; черезъ шесть недѣль, т. е. въ 20-хъ числахъ мая, онъ прибылъ въ Чювиль; черезъ двадцать четыре дня, т. е. около 15 іюня, пріѣхалъ въ Чюнейръ, и тамъ оставался два мѣсяца, съ 15 іюня до 15 августа. Пасха 2-го апрѣля праздновалась въ 1469 году; а такъ какъ эта Пасха была на пути Никитина третья, то слѣдовательно онъ выѣхалъ въ 1466 году. Вмѣсто 1469 года нельзя предположить ни 1468-го, когда Пасха праздновалась апрѣля 17-го, ни 1470-го года, когда она праздновалась еще позже, апрѣля 22-го. Все еще впрочемъ остается подъ сомнѣніемъ, въ какомъ именно году выѣхалъ Никитинъ изъ Руси. «Первое свѣтлое воскресенье встрѣтилъ я въ Каинѣ (? или въ Клинѣ?), второе — въ Чебукарѣ въ Мазандеранской землѣ, третье — въ Ормузѣ, четвертое — въ Индіи, между бусурманъ, въ Бедерѣ». Изъ предъидущаго ясно, что тутъ говорится о Пасхахъ 1467, 1468, 1469 и 1470 лѣтъ. Но что разумѣть подъ Каиномъ (? Клиномъ?)? Если Русскій Сестрорѣцкій Клинъ, то 29 марта 1467 года Никитинъ былъ еще на Руси, и уже развѣ въ апрѣлѣ или позже отправился изъ Твери внизъ по Волгѣ. Нашъ Никитинъ, впрочемъ, говоря о Пасхѣ 1470 года, вспоминаетъ, что «вотъ уже четыре великихъ поста и четыре свѣтлыхъ праздника прошло, а я не знаю, ни что̀ свѣтлый праздникъ, ни что̀ постъ, ни праздника рождества Христова, ни другихъ праздниковъ не знаю, ни середы ни пятницы, потому что когда меня

---

94. *Радуница.* Въ IV Новгородской лѣтописи находится два самыхъ замѣчательныхъ данныхъ о времени празднованія *Радуницы:* 1) Подъ 6880 г., индикта 10 по велицѣ дни, въ Ѳомину недѣлю князь Михаило Тферьскъіи подвелъ рать Литовьскую.... а Литовьская рать.... *въ среду на завтріе по радуници*, какъ обѣднюю поютъ, придоша ратью изгономъ безъ вѣсти къ Переяславлю: Полн. собр. лѣт. IV, 67. Въ другихъ лѣтописяхъ вмѣсто *въ среду* находится *во вторникъ:* Ист. Гос. Росс. V, прим. 25, стр. 13. — 2) Подъ 7001 г.: тоя же весны, *априля 16, на радуници*, погорѣ градъ Москва: Полн. Собр. IV, 162. Въ этомъ году пасха была 7 апрѣля, слѣд. 16-е число апрѣля пришлось *во вторникъ* на Ѳоминой недѣлѣ. Русск. простонародн. праздники, И. М. Снегирева, III, 49. Что касается до нынѣшняго обычая, то и лично и по расказамъ другихъ знаю, что радуница празднуется въ понедѣльникъ и во вторникъ Ѳоминой недѣли.

ограбили (у Астрахани, или же у Тархи), то отняли у меня и книги». По этому заключать можно, что городъ Каинъ или Клинъ, гдѣ Никитинъ праздновалъ первую путевую Пасху, городъ не Русскій, а какой нибудь при-Каспійскій; что въ немъ былъ Никитинъ уже безъ книгъ; что, слѣдовательно, и зиму передъ этой Пасхой, зиму 1466—1467 года, провелъ Никитинъ внѣ границъ родины. Не имѣя права оспаривать показанія самого Никитина, я остаюсь пока при предположеніи, что онъ выѣхалъ изъ Руси въ 1466 году.

Выѣхавъ изъ Руси въ 1466 году, первую зиму и потомъ Пасху 1467 года провелъ онъ на побережьи Каспійскаго моря; Пасху 1468 года встрѣтилъ въ Мазандеранѣ; Пасху 1469 года — на берегахъ Персидскаго залива въ Ормузѣ; Пасху 1470 и 1471 года праздновалъ въ южной Индіи, въ Деканѣ; а Пасху 1472 года — въ Москатѣ; послѣ чего, подвигаясь все далѣе на сѣверъ, чрезъ Черное море переправился въ Крымъ, и къ зимѣ 1472 года воротился въ родную Русь. Не доѣхавъ однако до родины, онъ умеръ въ Смоленскѣ.

Уже изъ этого перечня свѣтлыхъ праздниковъ, проведенныхъ Никитинымъ внѣ отечества, видно отчасти, гдѣ былъ онъ и что могъ видѣть. Не напрасно назвалъ онъ свое путешествіе «хоженіемъ за три моря»: «первое море Дербентьское — дорія Хвалитьская, второе море Индѣйское — дорія Гундустаньская, третье море Черное — дорія Стембольская»[95]. Все путешествіе

---

95. *Дорія*, вѣроятно, съ удареніемъ на *я*, есть Персидское *дарья* — большая рѣка, море. Замѣчательна двойственность названій трехъ морей: однѣ изъ названій книжныя (д. Хвалитьское, м. Индѣйское, м. Черное), другія — простонародныя (м. Дербентьское, д. Гундустаньская, д. Стембольская). Море Каспійское у насъ называли издревле Хвалискимъ, по соображеніямъ указаній Византійскихъ, какъ видно изъ самыхъ указаній лѣтописей (напр. Лавр. лѣт. Полн. собр. лѣт. I: море Хвалисьское и земля Хвалисы: стр. 3. Сынове Моавли Хвалиси: стр. 99); Дербентскимъ оно очевидно названо по Дербенту. Море, которому, какъ и народу, придано названіе рѣки Инда Греками, названо Гундустанскимъ отъ Персидскаго названія страны. Въ другомъ мѣстѣ самъ Никитинъ говоритъ, что оно «Парсѣйскимъ языкомъ и Гондустаньская дорія». Море Черное названо по-Византійски θάλασσα σκοτεινή, море мрака (Бандури, Imper. orient., I, 99 и 303), тогда какъ Стембольское очевидно отъ Стембола, или, какъ мы теперь выговариваемъ, Стамбула, простонароднаго восточнаго имени Константинополя (Эстанбул): «Стамбулъ — Царьградъ тако нынѣ Турци наричють» замѣчено и въ Азбуковникѣ (Сказ.

Никитина между этими тремя морями естественно раздѣлилось на три части, отдѣлившiяся одна отъ другой переѣздами черезъ Индѣйское море:

— Первое путешествiе черезъ Персидскiя земли, отъ южныхъ береговъ Каспiйскаго моря (Чебукара) до береговъ Персидскаго залива (Бендеръ-абаси и Ормуза), продолжалось болѣе году: отъ зимы 1467 до весны 1469 года.

— Путешествiе по Индiи продолжалось почти три года: отъ весны 1469 до января или февраля 1472 года.

— Второе путешествiе черезъ Персидскiя земли и Турецкiя, отъ береговъ Персидскаго залива къ берегамъ Чернаго моря, продолжалось около полугода: лѣто и осень 1472 года[96].

Русск. нар. кн. V, 185). Слово это производили отъ ἐις τὴν πολὴν, или по другому выговору στὰν πόλιν (Дюк. Gl. Med. Graec. 1194); едва ли впрочемъ это не испорченное Константинополь. Кстати вспомнить показанiе Клавихо 1404 года: Los Griegos no llaman a Costantinopla, como la nos llamamos, salvo Escomboli: л. 16, в.

96. Записки А. Никитина удобно раздѣляются на пятнадцать главъ:

I. Выѣздъ изъ Руси: изъ Твери черезъ Колязинъ, Угличь, Кострому, Плесо и Новгородъ Нижнiй.

II. Выѣздъ за границу: Казань, Орда, Усланъ, Сарай, Берекезаны, Бузань, Астрахань, Бугунъ = Бугинъ, усть Волги; Дербентъ; Тарки; Койтулъ; Дербентъ, Бака. Переѣздъ черезъ Каспiйское море въ Чебокаръ.

III. Путешествiе по Персiи отъ Чебокара къ Гурмызу: Чебокаръ, Сара, Амиль, Димовантъ, Рей, Кашанъ, Каинъ, Ездъ, Сырчанъ, Таромъ, Ларъ, Бендеръ, Гурмызъ.

IV. Переѣздъ черезъ Индiйское море изъ Гурмыза: Мошкатъ, Дѣгъ, Куджрятъ, Камбаятъ, Чювиль.

V. Переѣздъ по Индiи изъ Чювиля въ Чюнейръ: Чювиль, Пали, Умри, Чюнейръ.

VI. Переѣздъ изъ Чюнейря въ Бедерь. Поѣздка изъ Бедеря въ Кулунгеръ, Кельбергъ и обратно въ Бедерь. Поѣздка въ Аляндъ.

VII. Поѣздка въ Парватъ.

VIII. Бедерь.

IX. Записка объ Индiйскихъ пристаняхъ: Гурмызъ, Галатъ, Дѣгъ, Мошкатъ, Куджрятъ, Камбаятъ, Чювиль, Дабыль, Колекотъ, Силянъ (Цейлонъ), Шаибатъ, Пегу, Чини и Мачинъ, Китай.

X. Бедерь: разныя замѣтки.

XI. Путешествiе изъ Бедеря въ Дабыль: Кельбергъ, Курули, Калики, Кельбергъ, Аляндъ, Каминдрiя, Кынарясъ, Сурь, Дабыль.

XII. Переѣздъ черезъ Индiйское море изъ Дабыля къ Гурмызу: Ефiопская земля, Мошкатъ, Гурмызъ.

Никитинъ велъ свои записки во время самаго пути, и имъ то далъ имя Хоженія за три моря. Это видно уже изъ того, что ему и времени не было припомнить и записать о томъ, что онъ видѣлъ, когда нибудь послѣ: онъ умеръ на дорогѣ, не доѣхавъ до Смоленска. То же видно и изъ нѣкоторыхъ мѣстъ его записокъ. Какъ торговецъ, съ видами торговыми пріѣхавши въ Индію, куда привезъ между прочимъ жеребца, купленнаго заранѣе для перепродажи, Никитинъ въ своихъ первыхъ замѣткахъ объ Индіи написалъ, что въ Индіи не нашелъ онъ товару по себѣ, годнаго для Руси, хоть его и увѣряли, что найдетъ; не нашелъ въ 1469 году, но изъ послѣдующихъ его замѣчаній о самыхъ товарахъ и даже ихъ цѣнахъ видно, что послѣ думалъ онъ уже иначе: такого противорѣчія не было бы, если бы записки его были писаны разомъ. Въ другой замѣткѣ, относящейся къ 1470 году, находимъ выраженіе: «а я иду на Русь»; оно могло быть записано только на пути, и то въ самой Индіи, гдѣ оставался онъ еще слишкомъ годъ послѣ того. Потомъ записано въ Хоженіи, что вотъ провелъ онъ уже четыре великихъ поста и четыре пасхи внѣ родины, въ бусурманской землѣ, но христіанства не оставилъ, «а что будетъ далѣе, вѣдаетъ Богъ»: ясно, что Никитинъ могъ записать это тогда, когда еще не зналъ, что встрѣтитъ въ Индіи и еще одну пасху. Далѣе находимъ нѣсколько словъ о горестномъ его положеніи при возвратѣ изъ Индіи домой по причинѣ войны: «пути не вѣдаю, иже камо пойду изъ Гундустана; на Хорасанъ пути нѣтъ, на Чагатай пути нѣтъ....» Такъ было въ 1471 году. Около полутора года послѣ того прошло, пока Никитинъ увидѣлъ родное небо. Подобныя замѣтки въ «Хоженіи» довольно часты. Во все ли свое путешествіе велъ Никитинъ записки, гдѣ началъ ихъ, гдѣ покончилъ? опредѣлить трудно; но ясно, что онъ велъ ихъ и въ Индіи, и, судя по различіямъ списковъ, не только писалъ ихъ,

---

XIII. Переѣздъ черезъ Персидскія и Турецкія земли: Ларъ, Ширязъ, Вергу, Ездъ, Спагань, Кашанъ, Кумъ, Сава, Султанія, Тервизъ, Орда Асанъ-бега, Арцицанъ, Трапезунтъ.

XIV. Переѣздъ черезъ Черное море: Трапезунтъ, Вонада, Платана, Балаклея, Кафа.

XV. Заключеніе.

но и переписывалъ, а переписывая, исправлялъ или измѣнялъ. одинъ изъ этихъ списковъ достался Мамыреву и перешелъ въ Софійскій временникъ; другимъ спискомъ воспользовался составитель Русскаго временника. Само собою, были и измѣненія переписчиковъ[97].

II.

ПЕРСИДСКІЯ ЗЕМЛИ.

ГЛ. III И XIII.

Въ замѣткахъ Никитина о его путешествіи по Персидскимъ землямъ почти ни сколько не выразилась наблюдательность путешественника. Указаніе пути посредствомъ обозначенія мѣстностей и нѣкоторыхъ разстояній, да еще нѣсколько словъ о о смутномъ состояніи Персіи: вотъ все, что тутъ находимъ. И между тѣмъ первый переходъ Никитина, отъ Каспійскаго моря къ Индѣйскому, продолжался слишкомъ годъ (до весны 1469 года), а второй, отъ Индѣйскаго моря къ Черному, болѣе полугода (до октября 1472 года): невольно приходитъ на мысль предположеніе, что Никитинъ мало записалъ о Персіи потому, что мало нашелъ въ ней новаго, поразившаго его своею особенностію.

Изъ Дагестана Никитинъ переправился по Каспійскому морю въ Мазандеранъ, и именно къ Бальфурушу, который издавна занималъ видное мѣсто въ числѣ пристаней Каспійскаго моря. Недалеко отсюда, въ *Чебокаръ*, Никитинъ прожилъ полгода, праздновалъ между прочимъ и Пасху 1468 года (апрѣля 17-го). Чебокаръ есть вѣроятно Чапакуръ, между Бальфурушемъ и Сари[98]. И нынѣ еще у этихъ береговъ нерѣдко пристаютъ Русскіе торговые суда; а жители окрестныхъ

97. О спискахъ Хоженія см. выше. И Троицкій списокъ, о которомъ я зналъ доселѣ только по замѣткамъ Карамзина и Бередникова, теперь у меня подъ рукою: этимъ я глубокопризнательно обязанъ просвѣщенному содѣйствію г. Президента Академіи, Графа Д. Н. Блудова, удостоившему обратить свое снисходительное вниманіе на мой посильный трудъ. Троицкій списокъ занимаетъ послѣднее мѣсто (лл. 369 — 392) въ числѣ особенныхъ приложеній къ Русскому лѣтописцу Троицкой лавры.

98. *D'Arcy Todd* Memoranda. Journ. of Geogr. Soc. VIII, стр. 104.

погорій — подобно Бескидскимъ Русинамъ — ходятъ всѣ съ деревянными «топориками», которые называются у нихъ *табр*. Отсюда Никитинъ перешелъ въ *Сару* (Сари, что на Теджинѣ), и тутъ оставался мѣсяцъ; потомъ, вѣроятно, черезъ Алабадъ, направился на западъ, въ Амоль, названный имъ *Амиль*, и тутъ оставался тоже мѣсяцъ. Отсюда онъ поднялся въ горы, и за Демавендомъ, или, какъ у него написано, Димовантомъ, спустился къ Тегерану, или лучше сказать къ *Рею*, потому что Тегеранъ былъ въ то время еще очень незначительнымъ городомъ, принадлежавшимъ къ окрестностямъ Рея [99]. Тутъ остановился опять Никитинъ на мѣсяцъ. Тутъ — замѣтилъ онъ — убиты дѣти Шаусень-Али, внучата Магомета, и за то Магометъ проклялъ тамошній край, почему тамъ пало въ развалинахъ семдесятъ городовъ. Въ этомъ небольшомъ замѣчаніи скрывается то, что Никитинъ присутствовалъ въ Реѣ на представленіи знаменитой Персидской мистеріи, воспоминающей погибель Хусейна, сына Али, внука Магометова, и его семейства, отмѣченной Русскимъ путешественникомъ XVII вѣка, Ѳедотомъ Котовымъ [100], и подробно описанной Русскимъ путешественникомъ нашего времени, И. Н. Березинымъ [101]. Не напрасно съ темнымъ воспоминаніемъ о мистеріи соединилъ Никитинъ и народное преданіе о разореніи семидесяти городовъ, враждебныхъ потомству Али, нашедшему пріютъ въ Персіи. Изъ Рея Никитинъ поѣхалъ на югъ въ Кашанъ, что у него *Кашенъ;* далѣе повернулъ на юго-востокъ въ *Каинъ* и въ Ездъ, по его *Ездея* [102], гдѣ также оставался мѣсяцъ; а потомъ почти прямо на югъ въ Керманъ, или, какъ онъ, по мѣстному, называетъ, вмѣстѣ съ Эдриси [103], *Сырчанъ* (=Сирджанъ). За Сырчаномъ Ники-

99. Въ спискахъ Хоженія Никитина читается: «къ Орею», и даже «къ Дрею» и потомъ «изъ Орея» или «изъ Дрея»: — *Д* поставлено опискою переписчика вмѣсто *О*, а *О* приставлено впереди для легкости выговора.

100. «О ходу въ Персидское царство купца *Котова*». Временникъ, № 15, II, стр. 15.

101. Путешествіе по сѣверн. Персіи И. Березина. Казань, 1852, стр. 297—340.

102. Рядомъ съ Ездеей стоитъ въ спискахъ и *Діесъ:* то же названіе, неправильно переписанное.

103. Géographie d'Edrisi, trad. p. A. *Jaubert*, I, стр. 421.

тинъ упомянулъ о *Таромъ:* очевидно, что путь его въ этотъ городокъ лежалъ черезъ Дарабгердъ и Форгъ, или по крайней мѣрѣ черезъ Форгъ: объ этомъ Тарomѣ, который должно отличать отъ двухъ сѣверныхъ[104], пишетъ Дюпре, какъ о городкѣ, лежащемъ на пути изъ Форга въ Бендеръ-абаси[105]. Вокругъ Тарома множество финиковыхъ пальмъ: это замѣтилъ Никитинъ, сказавъ, что батманъ[106] финиковъ продается тамъ по четыре алтына, что финиками кормятъ тамъ «животину». Изъ Тарома Никитинъ повернулъ на западъ къ *Лару*, а изъ Лара опять на востокъ въ *Бендеръ* (Бендеръ-Абаси). Почему же поѣхалъ онъ сюда не прямо изъ Тарома, это, конечно, объясняется характеромъ его странствія: Ларъ и тогда былъ значительнымъ торговымъ мѣстомъ, а такія мѣста Никитинъ не миновалъ и даже останавливался въ нихъ, какъ мы видѣли, по мѣсяцу; торговые виды заставили его ѣхать изъ Кашана на югъ не черезъ Спагань, а завернуть въ Ездъ и спуститься въ Керманъ; торговые же виды заставили его, вѣроятно, побывать и въ Ларѣ.

По знакомой дорогѣ началъ Никитинъ и свой возвратный путь черезъ Персидскія земли; три года спустя, онъ опять былъ въ Ларѣ. Тогда впрочемъ онъ уже спѣшилъ домой и подвигался почти прямо на сѣверъ. Оставшись въ Ларѣ только на три дня, онъ черезъ двѣнадцать дней былъ уже въ *Ширязъ*, т. е. въ Ширазѣ, и остался тутъ на недѣлю. Дальнѣйшій путь изъ Шираза въ Спагань черезъ *Ездь* (Іездихастъ) занялъ, выключая остановки, 29 дней. Судя по тому, что на переѣзды изъ Шираза

104. *Ritter*. VII. 126 и 637.

105. Dupré. Voyage en Perse. P., 1819, II, стр. 375.

106. Не берусь рѣшить, что тутъ значитъ *батманъ:* нынче на родинѣ Никитина батманъ принимается въ значеніи пуда, или за $1/2$ четверти; въ XVI вѣкѣ батманъ вѣсилъ у насъ 10 или $12 1/2$ фунтовъ (*Сахарова*, Зап. для обозрѣнія Русск. древностей, стр. 72; *Прозоровскаго*, Древн. Русск. вѣсъ, въ Журн. Мин. Народн. Просв., 1850, іюнь, стр. 129); Котовъ говоритъ: «во всей Шаховѣ землѣ все продаютъ въ вѣсы въ батманы — дрова, и траву, и муку, и пшеницу» (стр. 11), но вѣсу батмана не опредѣляетъ; нынче въ Персіи батманъ принимается въ значеніи 7, 10 и 25 фунтовъ (М. *Казембека*, Derbent nâmèh, стр. 114).

въ Іездихастъ употреблено было 24 дни, тогда какъ изъ Іездихаста въ Спагань только 5 дней, можно думать, что Никитинъ ѣхалъ въ Іездихастъ не прямымъ путемъ[107]. Изъ Спагани, гдѣ онъ остановился на шесть дней, Никитинъ пріѣхалъ въ знакомую ему *Кашинь* (т. е. Кашанъ); а далѣе, оставивъ направо знакомый Рей, поѣхалъ черезъ *Кумъ*, *Саву* и знаменитую тогда, теперь уже забытую, *Султанію*, *Тарвизъ* (Тавризъ), въ близлежавшій станъ Асанъ-бега[108].

Этотъ Асанъ-бегъ есть тотъ самый громитель западно-Азіатскихъ странъ, который слишкомъ двадцать лѣтъ (до 1478 г.) привлекалъ къ себѣ все болѣе вниманіе и запада и востока умомъ, образованностью, рѣшимостью, успѣхами властолюбія и покровительствомъ просвѣщенію и промышленности.

Узунъ-Асанъ былъ довольно значительнымъ владѣтелемъ нѣкоторыхъ за-Каспійскихъ краевъ уже въ то время, когда Магометъ II еще только готовился громить Царьградъ. По смерти своего брата Джигангира въ 1467 г. онъ сдѣлался представителемъ сильнаго рода Бѣлаго Барана, какъ старшій изъ наслѣдниковъ своего знаменитаго дѣда, основателя этого рода, Кара-Юлука, и вооружился противъ представителя рода Чернаго Барана, Джи-

---

107. Онъ ѣхалъ туда черезъ *Вергу*=по другимъ спискамъ *Велергу*: что это за мѣстность, предоставляю разъискать другимъ. Тутъ Никитинъ оставался 10 дней, а въ Іездикастѣ 8 дней.

108. Станъ Асанъ-бега Никитинъ назвалъ *ордою*. Слово это встрѣчается и у Византійцевъ (напр. у Л. Халкокондилы: ἐπὶ τὴν ἀγυρὰν αὐτῶν τὴν οὐρδὰν καλουμένην — Бон. изд. стр. 127). Нерѣдко оно и у Итальянскихъ путешественниковъ XVI вѣка. Подробнѣе другихъ объ ордѣ Асанъ-бега написалъ Контарини: «A di XXI marzo 1475 partimmo da Como per venir verso Tauris con tutto il lordò (чит. l'*ordo* = со всей ордой), cioè con ciascuno di quelli che seguivano il signore (Assanbei), il quale haveva tutta la sua famiglia, et roba caricata sopra cameli, et mule, che erano in grandissima quantità. Facevamo da 10 in 12 miglia il giorno: et per audare à trovar buona herba, alle volte 20. ma ciò rare volte aveniva. Il costume del suo camino è che un giorno avanti manda à mettere il suo padiglione dove egli vuole alloggiare. Poi la notte il lordò si leva, et tutti vanno dove egli è posto, et dove è qualche buona herba, et aqua, vi stà fin che l'herba vien consumata, et poi si parte, cosi seguitando di continovo. Le loro femine sono sempre le prime alli alloggiamenti à drizzare li padiglioni, et apparecchiare per li mariti (II, 117, f). Li pavuglioni del signore veramente erano belli quanto dir si possa. Dove egli dorme, è à modo di una camera coperta di feltro rosso con porte che basteriano ad ogni buona camera (тамъ же, 118, а).

ганъ-шаха. Джиганъ-шахъ обратился съ просьбою о помощи къ Магомету II, но уже не во время, тѣмъ болѣе что Магометъ II озабоченъ былъ тогда войною со Скандербегомъ. Узунъ-Асанъ въ нѣсколькихъ битвахъ побѣдилъ Джиганъ-шаха, взялъ его наконецъ въ плѣнъ и приказалъ умертвить. Въ слѣдъ за тѣмъ онъ возсталъ на Тимурова потомка Абу-Саида, владѣтеля Адербиджана, считавшаго себя подвластнымъ погибшему Джиганъ-шаху, и не захотѣвшаго покориться его побѣдителю: въ кровопролитной битвѣ взятъ и онъ въ плѣнъ, и голова его послана къ султану Египта. Кромѣ этого ниспровергнутаго потомка Тимурова были передъ Узунъ-Асаномъ еще два: одинъ Хусейнъ, другой Ядигаръ (или Едигеръ) Могамедъ, оба правнуки Шахъ-Роха, одинъ дѣйствительно владѣвшій Хорасаномъ, другой домогавшійся того же по праву старшинства. Узунъ-Асану нужны были только видимые знаки покорности Ядигара, чтобы объявить себя противъ Хусейна, и Хусейнъ принужденъ былъ отступить къ Герату, потомъ къ Балку, а Ядигаръ сдѣлался владѣтелемъ Герата. Само собою разумѣется, что Узунъ-Асанъ помогалъ Ядигару не даромъ. Какъ быстро расширялась въ это время власть Узунъ-Асана, видно изъ письма его къ своему союзнику Пиръ-Ахмеду, владѣтелю Караманскому. Султанъ Хусейнъ — какъ объясняетъ это письмо — съ начала увѣрялъ Узунъ-Асана въ дружественныхъ чувствахъ къ нему; но когда открылось, что всѣ его увѣренія ложь, Узунъ-Асанъ сталъ на сторону Ядигара Могамеда, послалъ ему въ помощь войско, съ своимъ сыномъ Халилемъ, и этимъ далъ ему возможность овладѣть его отцовскимъ наслѣдіемъ — восточною и южною частію Хорасана, отъ Окса къ Индіи. Въ то же время другой его сынъ Могамедъ, съ помощію его 30,000 войска, сдѣлался намѣстникомъ Мазандерана, Таберистана, Астрабада, Кумыса, Дамагана, Бестама, Семнана, Фирузкуха и Ларджана; а третьяго сына своего, Сейнеля, поставилъ онъ намѣстникомъ Кермана и Сирджана до Персидскаго моря съ частію Ирака; между тѣмъ и владѣніе Хорасанскими городами — Нуномъ, Каиномъ и Таиномъ скрѣплено за нимъ силою 20,000-чнаго войска, и его же войскомъ занятъ Фарсъ и Лористанская крѣпость Хуремабадъ, и столица Курдистана Джезира. Такъ, благодаря Бога — за-

мѣтилъ Узунъ-Асанъ въ концѣ своего письма къ Пиръ-Ахмеду — обширное царство его округлилось и обезопасилось отъ враговъ какъ Александровой плотиной[109]. Это возвеличеніе Узунъ-Асана не могло не заботить Магомета II, какъ сила тѣмъ болѣе для него опасная, что она привлекала къ себѣ Комненовъ Трапезондскихъ[110] и владѣтелей Караманскихъ, порабощаемыхъ Османами; а между тѣмъ Венеціяне, поддерживая свои дружественныя отношенія съ Узунъ-Асаномъ, со своей стороны возбуждали его постоянно противъ Турокъ[111]. Взаимная вражда Узунъ-Асана и Магомета II, раскрывшись съ начала въ ихъ перепискѣ[112], къ веснѣ 1472 года превратилась въ настоящую войну. Визирь Узунъ-Асановъ, Омеръ-бегъ, повелъ большое войско на Сивасъ, и по взятіи этого города, напавши на Токатъ, разграбилъ, разрушилъ и сжегъ его; отсюда онъ повернулъ на югъ къ Діарбекру: между тѣмъ племянникъ Узунъ-Асана Юсуфдже пошелъ далѣе за Токатъ, взялъ Амасію, и грабя окрестныя земли, все далѣе подвигался на западъ. Полчища Узунъ-Асана, вошедши въ Караманъ, угрожали Магомету II даже осадой Иконіи, гдѣ визирь Исакъ и намѣстникъ Мустафа, безъ войскъ и друзей, не знали что дѣлать. Все это было весною и лѣтомъ 1472 года[113]. Узунъ-Асанъ былъ тогда на вершинѣ своихъ успѣховъ.

Въ такомъ положеніи видѣлъ его нашъ Никитинъ. Былъ ли въ то время у Узунъ-Асана кто нибудь изъ пословъ Русскихъ, какимъ былъ немного спустя Марко, это откроется, можетъ быть, со временемъ. Двѣ разновременныхъ за-

---

109. *Hammer*, Gesch. d. Osm. Reichs, XV, Пешт. изд., I, стр. 508.

110. Узунъ-Асанъ былъ съ ними въ родственной связи: дочь императора Алексѣя Комнена была за дѣдомъ его Кара-Юлукомъ; Сара, мать его, была также изъ этой семьи; дочь императора Іоанна Комнена, Екатерина, была его женой. *Ducange*, Historie Bysant., I, стр. 194—195. Viaggio d'un mercante у Рамузіо, II, 81—85.

111. Выше было помянуто о путешествіяхъ Іос. Барбаро и А. Контарини, вѣроятно, не первыхъ.

112. См. ее у Гаммера, I, стр. 506—507 и 502—503.

113. Гаммеръ, I, стр. 499—501. Цинкейзенъ, Geschichte d. Osman. Reichs, II, 350. Упоминанія Византійцевъ (напр. Францы, стр. 449—450) очень кратки. Гораздо важнѣе записка Д. М. Анджіолетто (у Рамузіо, II, стр. 66—78) и безъименнаго купца (тамъ же, 78—91).

мѣтки объ Узунъ-Асанѣ внесъ Никитинъ въ свое Хоженіе. Одна изъ нихъ относится къ тому времени, когда онъ еще не выѣзжалъ изъ Индіи, и не зналъ, какимъ путемъ пробраться на сѣверъ, потому что по всѣмъ путямъ двигались и воевали полчища («вездѣ булгак сталъ»); князей вездѣ выбили: Яншу-мурзу (т. е., какъ мы видѣли, Джиганъ-шаха, представителя рода Чернаго Барана) убилъ Асанъ-Бегъ, а Султамусаиса (т. е. султана Абусаида, владѣтеля Адербиджанскаго) окормили (или — какъ разсказываютъ — и обезглавили), и Асанъ-Бегъ сѣлъ въ Ширазѣ; но страна еще не успокоилась: Едигеръ Махмедъ (т. е. Ядигаръ-Могамедъ, правнукъ Шахъ-Роха, соперникъ Хусеина) не ѣдетъ къ Асанъ-Бегу, «блюдется». Такъ слышалъ Никитинъ въ Индіи, и слышалъ довольно вѣрно. Болѣе года спустя послѣ этого, выѣхавъ изъ Индіи и потомъ переѣхавъ изъ Ормуза въ Тавризъ, Никитинъ завернулъ въ станъ Асанъ-Бега. Десять дней онъ замедлилъ тамъ, между прочимъ, вѣроятно, и для того, чтобы развѣдать, куда ему лучше идти. Никуда пути нѣтъ — повторилъ онъ опять, и замѣтилъ при этомъ, что Асанъ-Бегъ послалъ на Турецкаго султана рати сорокъ тысячь, что Севасть (Сивасъ) взятъ, что взятъ и сожженъ Токатъ, взята и Амасія, пограблено множество селъ, что рать, воюя, пошла на Караманъ. Любопытны эти строки, какъ голосъ очевидца, и тѣмъ болѣе замѣчательны, что подтверждаютъ совершенно сказанія лѣтописцевъ. Событія, обозначенныя Никитинымъ въ его второй замѣткѣ объ Узунъ-Асанѣ, были лѣтомъ 1472 года: новое доказательство, что Никитинъ ворочался домой черезъ Персію лѣтомъ 1472 года.

III.

ИНДІЯ.

гл. IV, V, VI, VII, VIII, IX, X, XI.

Никитинъ отправился въ Индію изъ Ормуза на Ѳоминой недѣлѣ въ радуницу — 9 или 10 апрѣля 1469 г., и въ двадцатыхъ числахъ апрѣля подошелъ въ первый разъ къ Индійскому берегу въ Діу, что на полуостровѣ Гуджератскомъ. Въ послѣдній разъ онъ разстался съ Индіей въ началѣ 1472 года, когда сѣлъ на корабль въ гавани Дабульской, съ тѣмъ, чтобы отплыть къ

берегамъ Аравіи. Такимъ образомъ почти три года пробылъ онъ въ Индіи, почти половину всего времени своихъ странствій. Было ему время и лично увидѣть многое, и о многомъ узнать изъ разсказовъ людей бывалыхъ.

По отплытіи изъ Ормуза, Никитинъ приставалъ къ берегамъ Индіи у Діу и Камбои; но не останавливался тамъ на долго, употребивъ на весь путь до Чювиля только шесть недѣль.

Чювиль = Чювель, есть та самая гавань, которая у Ибнъ-Хусейна названа Шіјуль (Schiyoul, سيبوى)[114], а у Бартемы Чевуль (Cevul)[115]. Здѣсь въ первый разъ Никитинъ присмотрѣлся къ чудному виду туземцевъ Индійскихъ. «Здѣсь земля Индѣйская. Люди ходятъ нагіе, не покрывая ни головы ни грудей, босые, заплетая свои косы въ одну вервь. У князя есть покрывало («фата») на головѣ и на бедрахъ, у княгини и бояръ фата на плечѣ и бедрахъ, у другихъ только на бедрахъ, а дѣти до семи лѣтъ остаются и совершенно голыми[116]. И всѣ черны. Куда я ни пойду, всюду за мной толпа людей, и дивятся бѣлому человѣку.»

Въ глубь земли Никитинъ отправился изъ Чювиля черезъ горы Гатскія до Пали, Умри и далѣе къ Чюнейру. Городъ этотъ, по описанію Никитина, построенъ на каменной скалѣ, по которой пробираться можно только по одиночкѣ, и то днемъ. Современникамъ Никитина онъ не извѣстенъ; а судя по имени, это нынѣшній Джюниръ (Djunir, Jooneer). Пріѣзжіе, замѣчаетъ Никитинъ, не живутъ въ городѣ, а по ближнимъ подворьямъ; и тутъ имъ прислуживаютъ «господарыни»: и кушанье приготовляютъ, и постелю стелютъ, и....[117] Никитинъ продолжаетъ свой расказъ по Персидски, мѣшая съ Русскимъ, какъ и вообще

---

114. Journal Asiat. IX, 1826, стр. 86.

115. Ramusio, I, 157, f. Cevul, distante dalla... (Cambaia) dodeci giornati, et infra l'una e l'altra di queste citta, il paese si chiama Guzurati, el il re di questa Cevul è gentile, et le genti sono di color leonato oscuro. L'habito suo è che alcuni portano una camicia et alcuni vanno nudi con un panno intorno alle parti inhoneste senza niente in piedi, nè in capo. Cp. D. Barbosa: hũu lugar que chamaom Chaul.... que he de grande trato, honde sempre nos meses de dezembro, janeiro, feuereiro e marzo se achaom grande somo de naos. стр. 283.

116. Ср. Ди-Конти, 342, d. Л. Бартема, 160, e.

117. Ср. Ди Конти, 342, e. *Господарыня* — maîtresse.

дѣлаетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда общественное или частное приличіе не позволяетъ ему говорить языкомъ общепонятнымъ.

Въ Чюнейрѣ Никитинъ остановился зимовать на два мѣсяца. Зима стала тамъ на тотъ разъ съ Троицына дня (21 мая): она длится четыре мѣсяца, и во все это время вода и грязь. Тогда у нихъ орютъ, сѣютъ пшеницу, тутурганъ, горохъ, и все[118]. Зимой и простые люди въ покрывалахъ не только на бедрахъ, но и на головѣ и на плечахъ; а князь и бояре надѣваютъ порт-ки, сорочку, кафтанъ и три покрывала: одно на голову, другое на плечи, а третье поясомъ. Ханъ ѣздитъ на людяхъ, а есть у него много и слоновъ, и добрыхъ коней. Коней привозятъ изъ Туркменіи и Джагатая черезъ море. Привезъ и я — говоритъ Никитинъ — жеребца, сталъ онъ мнѣ сто рублевъ; но ханъ от-нялъ его у меня, узнавши, что я не бусурманъ, а Русскій; мол-вилъ онъ: И жеребца дамъ, и тысячу золотыхъ дамъ, а стань въ нашу вѣру, въ Махметъ-дени[119]; а не станешь въ нашу вѣру, въ Махметъ-дени, и жеребца возьму, и тысячу золотыхъ на головѣ твоей возьму. Сроку далъ онъ на четыре дни. Къ счастію пріѣхалъ хозяочи Махметъ Хорасанецъ, и помогъ въ бѣдѣ: по просьбѣ Никитина, онъ ѣздилъ къ хану въ городъ, отпросилъ, чтобы его въ ихъ вѣру не поставили, и даже выручилъ жереб-ца. «Ини, братья Русстіи христіяне, кто хочетъ поити въ Ин-дѣйскую землю, и ты остави вѣру свою на Руси, да воскликнувъ Махмета, да поиди въ Гундустаньскую землю».

Отъ Чювиля до Чюнейра двадцат ковов; а въ каждомъ ковѣ—замѣчаетъ Никитинъ—десять верстъ.

Какъ медленно странствовали тогда по Индіи, видно изъ того, что изъ Чюнейра въ Бедерь, на сорокъ кововъ, т. е. на

---

118. *Тутурганъ:* оставляю, какъ есть у Никитина. Если это не trin'adhânjâni— родъ рису (Cfr. *Lassen*, Indische Alterthumskunde, 1847, I, стр. 246), или что нибудь подобное, то не соединеніе ли словъ *tuur* или *tul* и *kungoni:* въ Деканѣ ра-стутъ между прочими хлѣбными растеніями tuur — cytisus cajan, *tul* — sesamum orientale, *kungoni* — panicum mobilicum (Записка Кристи объ этомъ помѣщена у Риттера V, 716). Начало слова тутурганъ припоминаетъ еще Арабское названіе особеннаго рода проса *durra*, составляющаго главный хлѣбъ для жителей южной Аравіи (Das Buch der Länder, переводъ *А. Д. Мордмана.* Hamb., 1845, стр. 79 и 163.

119. Махмедъ-дени: Арабское *дин* значитъ вѣра.

четыреста верстъ пути, Никитинъ употребилъ мѣсяцъ. Дорога Никитина была черезъ Кулонгерь, о которомъ Ди-Конти вспоминаетъ подъ именемъ Colungurіa [120], и черезъ Кольбергъ = Колубергъ, описанный Абдъ-эрраззакомъ, подъ именемъ Калберга [121]. Въ этихъ двухъ городахъ Никитинъ не останавливался на долго; за то остановился въ Бедерѣ.

Бедерь, потерявшій теперь все свое значеніе, въ средніе вѣка былъ изъ самыхъ замѣчательныхъ городовъ Индіи. Онъ былъ извѣстенъ тогда и подъ именемъ Ахмедъ-Абада, будучи построенъ Ахмедъ-шахомъ изъ роду Бамани (въ XIV вѣкѣ), и съ тѣхъ поръ, какъ новая столица, заступилъ мѣсто Кольберга [122]. О Бедерѣ слыхали и на западѣ Европы, хоть и рѣдко, какъ объ одномъ изъ главныхъ городовъ твердой земли Декана [123], впрочемъ слыхали только, не зная порядочно, что это такое, произнося самое названіе не совсѣмъ правильно: Mabider. Никитинъ называлъ этотъ городъ великимъ, и это даетъ право думать, что Mabider есть Maha Beder — великій Бедерь. Никитинъ пріѣхалъ туда, какъ пріѣзжаютъ иностранцы въ Парижъ, чтобы оттуда осматривать всю землю... Первыя впечатлѣнія, записанныя Никитинымъ о Бедерѣ, были такія:

Въ Бедери торгуютъ конями, камкой, шелкомъ и другимъ подобнымъ товаромъ, да черными людьми, съѣстными вещами, овощами, а для Русской земли товара тамъ нѣтъ. И люди все черные, все злодѣи, а жены ихъ безчестны; и всюду чародѣйство, воровство, обманъ и отравы; зельемъ морятъ жены и мужей своихъ. Бедерь столица бусурманскаго Гундустана; городъ большой, людей много. Дворъ Бедерскаго султана окруженъ стѣнами съ семью воротами; въ воротахъ сидятъ по сту сторожей, да по сту писцовъ, которые записываютъ имена всѣхъ входящихъ и выходящихъ; иностранцевъ не пускаютъ. Дворъ чудесный: все въ немъ украшено изваяніями и золотомъ («на вы-

---

120. Ramusio, I,347 f.

121. Notices, XIV, 429.

122. Ritter, VI, 429.

123. «Le citta principali nella terra ferma (di Decane) sono: Mabider, Visapur, Cidapor, Solapor, Rachol, Cugarquel, Begaqueller, Baim». Sommario di tutti li regni, città, popoli orientali etc. у Рамузіо, I, 328, f.

рѣзѣ да на золотѣ»); послѣднiй камень изваянъ и покрытъ золотомъ. Во дворѣ разныя присутственныя мѣста. Ночью городъ стерегутъ тысяча человѣкъ изъ воиновъ намѣстника: они ѣздятъ на коняхъ въ доспѣхахъ, со свѣточами въ рукахъ.

Въ первый свой прiѣздъ Никитинъ оставался въ Бедерѣ не долго: онъ ѣздилъ изъ него на ярмарку въ Аляндъ или Шихъ-Аладинъ, за двѣнадцать ковов̂ъ отъ Бедеря. Ярмарка продолжается — говоритъ Никитинъ — десять дней, начинаясь двѣ недѣли спустя послѣ Покрова (т. е. съ 15 октября). Это лучшая ярмарка во всей Гундустанской землѣ: сюда съѣзжаются на торгъ со всего Гундустана. Однихъ коней приводятъ тысячь до двадцати. Ярмарка учреждена на память шаха Аладина, безъ сомнѣнiя того Ала-эддина Хильджи, который владычествовалъ въ Индiи въ 1297—1347, прославясь съ перваго года владычества страшнымъ, опустошительнымъ походомъ, съ тремя стами тысячь коннаго войска и съ двумя тысячами семью стами слоновъ, вдоль по всему полуострову. Въ Маабарѣ (Маабирѣ), у Сеттъ-Бундъ-Рамесвара, онъ построилъ дивную мечеть, которая стояла еще и во времена Феришты[124]. Не здѣсь, впрочемъ, а сѣвернѣе лежитъ Шихъ-Аладинъ, гдѣ бывала ярмарка во время Никитина: это нынѣшнiй Аллундъ, на сѣверозападъ отъ Колберга.

Изъ Алянда Никитинъ воротился въ Бедерь о Филиповѣ заговѣйнѣ (14 ноября), и оставался четыре мѣсяца, до самаго великаго поста (начавшагося съ 4 марта). Сблизившись съ многими изъ жителей, онъ описалъ имъ свою вѣру, какъ христiанинъ, и своею откровенностiю заставилъ и ихъ быть откровенными, такъ что они перестали крыться передъ нимъ и въ яствахъ, и въ торговлѣ, и въ молитвѣ, и во всемъ; перестали скрывать отъ него и женъ своихъ. «Я распрашивалъ ихъ объ ихъ вѣрѣ — говоритъ Никитинъ — и они сказывали, что «мы вѣруемъ въ Адама», что «Буты» — это Адамъ и весь родъ его. Впрочемъ вѣръ у нихъ восемдесятъ четыре: всѣ вѣруютъ въ Бута; но поклонники одной вѣры не сближаются съ другой ни въ питьѣ ни въ пищѣ, ни въ женитьбѣ.»

---

124. Ritter. V, 563—564.

*

Заговоривъ о пищѣ, Никитинъ сообщилъ о ней нѣсколько подробностей: «Индіяне — замѣтилъ онъ — не ѣдятъ никакого мяса — ни яловичины, ни баранины, ни курятины, ни рыбы, ни свинины; пища ихъ плоха: рисъ («брынецъ») и морковь («кичири») съ масломъ, разныя травы, варенныя на маслѣ и на молокѣ; вина и сыты не пьютъ; ѣдятъ они дважды днемъ, а ночью не ѣдятъ. Иные ѣдятъ, правда, и мясное — баранину, куръ, рыбу, яйца; но ужъ говядины не употребляетъ никто. Ѣдятъ все съ помощію правой руки, такъ что лѣвою никто не примется ни за что, не нуждаясь въ ножѣ и не зная ложки. Съ «бесерменами» не только не ѣдятъ и не пьютъ вмѣстѣ, но кроются отъ нихъ въ пищѣ до того, что если бы бесерменинъ только заглянулъ въ кушанье, то ужъ не станутъ ѣсть; да и вообще, когда ѣдятъ, то закрываются платомъ, чтобы никто не могъ увидѣть. Передъ тѣмъ какъ садятся ѣсть, они омываютъ себѣ руки и ноги и выполаскиваютъ ротъ»[125].

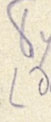
Никитинъ сговорился съ Индѣйцами пойти и въ ихъ священный городъ Парватъ, и пошелъ вмѣстѣ съ ними. Тамъ бываетъ во время ихъ большаго поста значительная ярмарка, которая продолжается пять дней. Народу собирается со всей Индіи тысячъ двадцать, а иногда бываетъ и до ста тысячъ. Шли мы туда мѣсяцъ, говоритъ Никитинъ. Эта бутхана очень велика, съ половину Твери, и вся каменная. Около нея двѣнадцать вѣнцевъ съ изваянными изображеніями дѣяній Буты, какія онъ творилъ чудеса, какъ являлся въ разныхъ образахъ — въ первый разъ просто человѣкомъ, во второй человѣкомъ съ хоботомъ слона, въ третій человѣкомъ съ лицомъ обезьяны, въ четвертый человѣкомъ съ лицомъ лютаго звѣря, и всегда съ хвостомъ. Главное изваяніе Бута очень велико, изъ камня; одежды на немъ нѣтъ, кромѣ ширинки у живота; лице обезьяны; хвостъ черезъ него въ сажень; правая рука поднята высоко и распростерта, какъ у царя Юстиніана въ Цареградѣ, а въ лѣвой держитъ онъ копье. Другія Буты совсѣмъ наги. Тутъ и Бутовы

---

125. Нѣкоторыя изъ этихъ подробностей замѣтилъ Ди-Конти и Васко де Гама 120, d); но съ замѣчаніями Никитина гораздо болѣе сходны замѣчанія П. Альвареса (у Рамузіо, 125, е). Ср. Л. Бартема, 160, е.

жены и дѣти. Передъ Бутомъ стоитъ огромный волъ изъ чернаго камня, весь позолоченный. Во время молитвы его цѣлуютъ въ копыто, и осыпаютъ его и Бута цвѣтами. Бутханы безъ дверей, всѣ обращены на востокъ. Буты тоже обращены къ востоку. Молятся Индѣйцы тоже на востокъ, по-Русски: подымаютъ руки высоко, потомъ кладутъ ихъ на темя, и затѣмъ ложатся ницъ на землю, распростираясь. Въ середину бутханы Индѣйцы ѣздятъ на волахъ, у которыхъ рога окованы мѣдью, копыта подкованы, а на шеѣ триста звонковъ. Этихъ воловъ зовутъ «ачче». Вола зовутъ отцомъ, а корову матерью; на калѣ ихъ пекутъ хлѣбы и варятъ кушанье, пепломъ отъ этого кала мажутъ себѣ лице, лобъ и все тѣло[126]. Пріѣхавши къ бутханѣ, всѣ Индѣйцы сбриваютъ себѣ волосы, всѣ — и старые и молодые, и жены и дѣвушки, и уже обрившись вступаютъ въ бутхану. Со всѣхъ пріѣзжающихъ берется пошлина на Бута — по двѣ шешкени съ человѣка, а съ коня по четыре футы.

Со времени Карамзина думали, что подъ именемъ Парвата = Первата Никитинъ описалъ Эллору[127]. Во время Карамзина такъ можно было думать, представляя себѣ Эллору главнымъ храмомъ Индійскимъ; но когда отысканы были потомъ другіе подобные храмы[128], на всемъ пространствѣ Индіи, частію уцѣлѣвшіе, а больше въ развалинахъ, то стало уже невозможно, безъ особенныхъ опредѣлительныхъ указаній, видѣть въ древнихъ и старинныхъ описаніяхъ рисунка исключительно того или другаго изъ храмовъ, существующихъ доселѣ. Описаніе Никитина не похоже близко ни на одинъ изъ извѣстныхъ храмовъ, а своимъ именемъ напоминаетъ совсѣмъ не Эллорскій.



Разумѣю не имя Бутхана, имя, которымъ, какъ замѣтилъ и Ибнъ-батута, назывались вообще храмы Индѣйскіе[129]. Собственное имя бутханы, описанной Никитинымъ, есть Парватъ=Пер-

---

126. Абдерразакъ: La vache y est si respectée, que les habitants prennent la cendre de sa fiente et s'en frottent le front. 442. Ср. у Васко де Гама: 121, в.

127. См. объ Эллорѣ у Риттера, V, 678.

128. Магавалипуранъ, Семь пагодовъ и т. п.

129. Ибнъ Батута пишетъ El Burkhana вмѣсто El Butkhana. См. Ibn Batuta by S. Lee. Lond., 1819, стр. 111—112. У Феришты также храмы Будды названы Бутханами.

ватъ. Такое названіе, оставшееся чуждымъ для всѣхъ храмовъ Эллорскихъ, не чуждо городамъ Индіи, гдѣ бывали храмы, а одинъ изъ нихъ находится именно тамъ, гдѣ можно искать его по расказу Никитина. Гамильтонъ[130] обозначилъ его подъ названіемъ Parvattum или Perevattum-pagode на правомъ берегу Кистны (16° 12′), на югѣ отъ Гейдерабада. Этотъ храмъ теперь въ развалинахъ; но, потерявъ свое прежнее величіе, напоминаетъ еще о немъ коекакими прекрасными остатками. Что касается до слова *аче*, то оно, какъ Индѣйское названіе вола, употреблено у Никитина два раза: въ другомъ мѣстѣ Никитинъ замѣтилъ, что «ино возятъ «аче» моремъ, ины пошлины не даютъ», т. е. возятъ моремъ и воловъ, и тогда не берутъ пошлины. *Аче* значитъ и отецъ и волъ. Сравненіе положенія Будды съ положеніемъ даннымъ статуѣ императора Юстиніана въ Цареградѣ даетъ знать, что или Никитинъ былъ самъ прежде въ Византіи, или замѣтилъ ея описаніе въ одномъ изъ нашихъ старыхъ путешествій. Такихъ описаній сохранилось у насъ нѣсколько[131].

---

130. Description of Hind., II, стр. 94 и 340. Ср. у Риттера, V, 339 и 469.

131. Такъ въ Странникѣ Новгородца Стефана (1350 г.) читаемъ: «Идохомъ къ св. Софіи и видѣхомъ ту: стоить столпъ чуденъ вельми толстотою и высотою и красотою, издалеча смотря видѣти его, а по верху его сидитъ Юстиніанъ великъ на конѣ, вельми чуденъ, аки живъ, въ доспѣсѣ одѣянъ Срацинскомъ; грозно видѣти его; а въ руцѣ держить яблоко злато велико, а на яблоцѣ крестъ; а правую руку отъ себя простре буйно на полдни, на Срацинску землю къ Іерусалиму». Похожее описаніе того же памятника есть и въ Ксеносѣ діакона Зосимы (1420 г.). «Предъ дверьми св. Софіи столпъ стоитъ, на немъ царь Юстиніанъ стоитъ на конѣ: конь мѣдянъ, и самъ мѣдянъ вылитъ. Правую руку держитъ распростерту, а зритъ на востокъ, а самъ хвалится на Срацинскіе цари, а Срацинскіе цари противъ ему стоятъ, всѣ болваны мѣдяны, держатъ въ рукахъ своихъ дань, и глаголятъ ему: «А не хвалися на насъ, господине, мы бо ся тебѣ ради и потягнемъ противу ти не единожды, но многочастно.» Въ друзѣй же руцѣ держитъ яко яблоко злато, а на яблоцѣ крестъ». Наши Русскія описанія важны для дополненія западныхъ, изъ которыхъ самое подробное находится въ запискахъ Вильгельма de Baldensel (1336 г.): Coram ista ecclesia stat imago imperatoris Justiniani aequissimi, de aere fusa, imperiali diademate coronata, tota deaurata, maximae quantitatis, manu sinistro pomum, quod orbem representat, cruce superposita, tenens, dexteram contra orientem levans ad modum principis minas rebellibus imponentis. Statua quam imago posita est, altissima est, ex petris magnis et caemento fortissimo conglutinata. *Canisii* Lectiones antiquae, 2-е изд., IV, стр. 337. Было время, когда это извѣстіе считалось доказательствомъ существованія Юстиніановой статуи позже XIII вѣка. Ср.

Изъ Парвата назадъ въ Бедерь Никитинъ воротился за пятнадцать дней до магометанскаго улу-байрама, и отпраздновалъ тутъ свѣтлый праздникъ, исполнивъ передъ тѣмъ всѣ требованія поста. То была уже четвертая Пасха, празднованная имъ среди иновѣрцевъ: не трудно было ему затрудниться на чужой землѣ въ расчетѣ дней, въ празднованіи дней, священныхъ для его православной души, — и сжалился онъ по вѣрѣ своей. «Вотъ уже прошли — говоритъ онъ — четыре Великіе говѣйна и четыре Великіе дни, а я не знаю, ни что Великій день, ни что постъ, не знаю ни Рожества Христова, ни другихъ праздниковъ, ни среды ни пятницы. Книги мы взяли съ собою изъ Руси, но теперь уже ихъ нѣтъ: когда меня ограбили, то отняли и книги; и я промежду иновѣрцевъ только молю Бога, чтобы Онъ сохранилъ меня». Не зная, когда именно должно быть Свѣтлое Воскресенье, Никитинъ угадывалъ по примѣтамъ, думалъ, что оно должно быть за девять или за десять дней до бусурманскаго байрама: «Бесермене байрамъ взяли въ среду мѣсяца мая, а я заговѣлся 1 апрѣля» (1-е апрѣля приходилось въ воскресенье четвертой недѣли Великаго поста).

Продолжая слѣдить за ходомъ путешествія Никитина, замѣчаемъ, что въ этомъ мѣстѣ разсказа его долженъ быть

Comment. Soc. scient. Gotting. 1791, XI, стр. 50. (Тутъ Гейне ссылается только на Пахимера). Что статуя была на своемъ мѣстѣ и незадолго до Никитина, свидѣтельствуетъ Клавихо: «En esta misma plaça ante la yglesia estava una columna de piedra muy alta a maravilla, e en cima della estava puesto un cavallo de cobre a tan alto y tan grande como podrian ser quatro cavallos grandes, e en cima del estava una figura de cavallero armado assi mismo de cobre con un plumaje muy grande en la cabeça a semejança de cola de pavon. Et el cavallo tenia unas cadenas del fierro et ravesadas por el cuerpo que estavan atadas a la coluna, que lo tenian que non cayesse ni le detrocasse el viento: el qual cavallo es muy bien fecho, e esta figurado con la una mano, e con el un pie alçado, como que quiere saltar ayuso, e el cavallero que esta en cima tiene el braço derecho alto, e la mano abierta y con la mano yz quierda del otro braço tiene la rienda del cavallo e una pella rotonda dorada en la mano, el qual cavallo e cavallero es tan grande y la coluna tan alta ques una maravillosa cosa de ver, y esta maravillosa figura de cavallero, que en cima desta coluna estava dizesse que era del emperador Justiniano, que hedifico esta figura e esta yglesia (de S. Sophia), e fizo grandes e notables hechos con los Turcos en su tiempo. 12: а, б, в. Сравн. у Абульфеды, II, 315—316; тоже у Мандевиля, I, 3. Странно, что Мандевиль, современникъ Новгородца Стефана, говоритъ: *fuit* autem *primitus* in manu imaginis fabricata sphaera rotunda, quae jam diu è manu sua sibi cecidit, in signum quod imperator cunctarum terrarum dominium perdidit.

довольно значительный пропускъ. Не упоминая о выѣздахъ изъ Бедеря и возвращеніи назадъ, Никитинъ говоритъ, что въ пятую Пасху задумалъ онъ воротиться въ Русь, — и вышелъ изъ Бедеря за мѣсяцъ до бусурманскаго улу-байрама; а между тѣмъ ни изъ чего не видно, что Никитинъ цѣлый годъ по возвращеніи изъ Парвата оставался безвыѣздно въ Бедерѣ; напротивъ, у него занесены тутъ описанія такихъ мѣстъ, въ которыхъ онъ по видимому не былъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и описанія, изобличающія самовидца.

Таково между прочимъ описаніе Биджьнагура (Бичинегира), что на рѣкѣ Пумогурдѣ. «Этотъ городъ — говоритъ Никитинъ — очень великъ[132]; сквозь него течетъ рѣка: по одну сторону ея женьгель злый (густая чаща)[133], а по другую долина. Мѣста чудныя, на все привольныя; а перейти черезъ рѣку нельзя. Сквозь городъ дорога; но города не откуда взять: мѣшаетъ страшная гора и «дебрь зла тикень». Венеціанецъ ди Конти, современникъ Никитина, также былъ въ Биджьнагурѣ и описываетъ его нѣсколько иначе: «Большой городъ Бичинагаръ заключаетъ въ окружности около шестидесяти миль, и лежитъ въ долинѣ у подошвы горъ; стѣны его со стороны горъ, окру-

---

132. Далѣе за этимъ стоитъ у Никитина: «около его три ровы = рогы (= роги). Какое чтеніе правильнѣе, рѣшить не могу, не зная, идетъ ли дѣло о трехъ горныхъ отрогахъ, или же о трехъ рвахъ. Второе какъ будто доказывается выраженіемъ Бартемы: La detta città di Bisinaghar.... e grandissima et con forti muraglia, situata in una costa di monte, et di circuito di 7 miglia intorno, et ha *tre cerchi* di mura (I, 158, f). Сравн. прим. 136 и 137.

133. *Женьгель злыи.* Сравн. для объясненія этого слова у Абдъ-Эрразака, относящіяся именно къ Бичинагуру: Les monarques de l'Hindoustan vont à la chasse de l'élephant. Ils séjournent un mois entier ou même davantage dans le desert et dans les *djangls* (broussailles). Notices, XIV, 451. Ниже вмѣсто *женьгель злыи* Никитинъ употребилъ другое выраженіе: *деберь зла* и непосредственно за тѣмъ непонятное для меня слово *тикень. Дебрь* значитъ собственно крутой склонъ горы: въ такомъ именно смыслѣ оно уравнивается съ Греческимъ φάραγς (напр. Іезек. XXXVIII, 20: и распадѫтсѧ горы и расыплѭтсѧ дьбри: καὶ ῥαγήσονται τὰ ὄρη, καὶ πεσοῦνται αἱ φάραγγες). Для Славянина впрочемъ представлялась дебрь всегда покрытою чащей лѣса; а потому дебрью называлися и лѣсъ междугорный. Съ другой стороны дебрь, естественно, могла означать и долину, но узкую, въ родѣ ущелья, южно-Сербской *драги:* вотъ почему и въ этомъ смыслѣ употреблялось для перевода слова φάραγς (напр. у Мих. VI. 2), равно какъ и въ смыслѣ потока, текущаго по дну ущелья (напр. Ис. VIII. 7). Сравн. областн. *дребь*.

жаютъ его такъ, что онъ кажется еще больше и красивѣе»[134]. Другой современникъ Никитина, Абдъ-Эрразакъ, описываетъ Биджьнагуръ гораздо подробнѣе; но такъ многословно, что здѣсь нельзя рѣшиться повторить это описаніе все[135]. Скажемъ только, что оно болѣе сходно съ описаніемъ Никитина, чѣмъ съ короткой замѣткой ди Конти: говоря о первой изъ семи цитаделей города, Абдъ-Эрразакъ замѣчаетъ, что это крѣпость округлая, расположенная на вершинѣ горы. Шесть такихъ стоятъ, по его расказу, вокругъ седьмой, заключающей въ себѣ ханскій дворецъ[136]. Если предположить, что описаніе Биджьнагура сдѣлано Никитинымъ въ слѣдствіе осмотра города изблизи, то надобно заключить, что или Никитинъ не все занесъ въ свои записки, или же что сохранившіеся списки не сохранили всего имъ писаннаго. Послѣднее кажется тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что разницы списковъ, доселѣ найденныхъ, указываютъ ясно на вольныя и невольныя опущенія переписчиковъ[137].

Кромѣ Биджьнагура, Никитинъ какъ самовидецъ описалъ, кажется, и Рачюръ. «Въ Рачюрѣ — говоритъ онъ — родится ал-

---

134. Ramusio, I, 339, a.

135. Notices, XIV, 445—457.

136. Не лишне впрочемъ привести извлеченіе: La ville de Bidjanagar.... est bâtie de manière que 7 citadelles et autant de murailles s'enveloppent mutuellement. Autour de la première citadelle, des pierres, qui ont la hauteur d'un homme, et dont une moitié est enfoncée en terre, tandis que l'autre s'élève en dehors, sont fortement fixées les unes auprès des autres.... C'est une forteresse de forme ronde, placée sur le sommet d'une montagne, et construite en pierres et en chaux. La seconde forteresse représente l'espace qui se prolonge depuis le pont de la rivière neuve jusqu'au pont de la vallée de Karav.... La septiéme forteresse, placée au centre des autres, occupe un terrain dix fois plus considerable que le marché de la ville de Herat. C'est le palais.... Depuis la porte de la première forteresse située au nord, jusqu'à la première porte, placée au midi, on compte 2 parasanges. D'orient en occident la distance est la même. Dans l'intervalle qui sépare la première forteresse de la seconde, et ei jusqu'à la troisième, on trouve des champs cultivés, des jardins et des maisons. De la troisième à la septième, on rencontre une foule uombreuse, des boutiques et un bazar.

137. Кстати для соображенія приведу и слова О. Барбосы о Бичинагурѣ: «Ha corenta legoas desta tera pera dentro, contra ho certam, estaa hũa muy grande cidade, que chamaom Bisnagua, ponoada de muyta infinida gente, cerquada de muy bõos muros, e de hũu rio, da outra banda de hũa drande sera, estaa asentada em hũa tera muy chũa. Livra de D. Barbosa въ Collecção. II, 296.

мазъ бирконa и новкона; почка его продается по пяти рублей, а лучшаго по десяти рублей; почка алмаза нова только по пяти кеней, черноватаго цвѣта по шести кеней, а бѣлаго — одна деньга.» Часть этой оцѣнки алмазовъ записана по-Персидски, можетъ быть для того, чтобы скрыть цѣнность алмазовъ отъ торговцевъ; а если такъ, то вѣроятно потому, что самъ Никитинъ торговалъ ими. «Алмазъ родится — прибавляетъ Никитинъ — въ каменной горѣ, и локоть этого камня съ алмазомъ новъ продаютъ по двѣ тысячи фунтовъ золота, а локоть бирътъ кона по десяти тысячъ фунтовъ золота. Этою землею владѣетъ Меликъ-ханъ, князь подвластный Бедерскому салтану, а отстоитъ она отъ Бедеря на тридцать ковов», т. е. въ 300 верстахъ. Рачюръ считался въ то время однимъ изъ важнѣйшихъ мѣстъ алмазныхъ копей. Трудно себѣ представить, чтобы Никитинъ, зная драгоцѣнность алмаза, не воспользовался возможностью побывать у самыхъ копей, гдѣ конечно можно было купить его выгоднѣе, и чтобы описалъ такъ подробно только по однимъ расказамъ. Для ясности, не будетъ, можетъ быть, лишне припомнить, что издревле отличали алмазы новой копи отъ алмазовъ старой копи (della mina nuova и della mina vecchia, какъ выражались Итальянцы), и первые назывались бѣлыми, а вторые черными [138]. Обычная же мѣра вѣсу для алмаза, какъ и для другихъ драгоцѣнныхъ товаровъ, въ старой Руси была *почка*, вѣсомъ въ $\frac{1}{2}$ золотника, о которой одно изъ важнѣйшихъ извѣстій нашихъ лѣтописей относится къ году выѣзда Никитина, 1466-му [139].

---

138. Вотъ что находимъ объ этомъ у Барбосы: Dos diamantes da *mina velha:* este diamantes se achão na primeira India em hum reino de Mauros chamado Decan, e os Mauros e Indios os levão dalipara todas as outras partes; ha outros diamantes de *peor qualidade*, porém bastante *brancos*, que se chamão da *mina nova*, que he no reino de Narsinga; estes valem menos a terça parte em Calicut e no Malabar, e se preparão no mismo reino de Narsinga.

139. Въ IV Новгородск. лѣтописи подъ 1466 годомъ читаемъ: уставиша 5 денежниковъ и начаша переливати старыя деньги, и новыя ковати въ ту же мѣру по 4 почки таковы же, а отъ дѣла отъ гривны по полуденьгѣ. Полн. собр. лѣт. IV, 125. Въ памятникахъ встрѣчаемъ: «8 зеренъ жемчугу, и тянуло въ томъ жемчугѣ 52 почки... 4 почки мскусу... 6 почекъ алмазу....» *Соловьева* Ист. Росс. V, пр. 292. *Сахарова* Записки для обозрѣнія Русскихъ древностей, стр. 76. Записки Русск.

Какъ бы то ни было, наступилъ 1471-й годъ, и Никитинъ простился съ Бедерью, съ тѣмъ чтобы при удобномъ случаѣ проститься и съ Индіей. Онъ боялся пуститься въ путь безъ оглядки, слыша, что всюду на пути его встрѣтитъ волненіе борящихся войскъ; а между тѣмъ ему не хотѣлось оставаться и въ Гундустанѣ, чтобы не издержать, какъ самъ онъ сказалъ, всего своего достоянья: хоть онъ и отказывалъ себѣ во многомъ, не пилъ ни вина, ни сыты, а все таки издерживалъ въ день по два съ половиной алтына. За мѣсяцъ до байрама, онъ вышелъ изъ Бедери въ *Келбергъ*[140], праздновалъ тамъ свою пятую страническую Пасху, и оттуда пошелъ въ *Кулури* (что въ Англійскихъ описаніяхъ и картахъ Culoor), на усть Бимы, за Кистну. Тутъ оставался онъ пять мѣсяцевъ, вѣроятно, съ надеждою выгодно пріобрѣсти кое какіе драгоцѣнные камни. Самъ онъ замѣтилъ о *Кулури*, что тутъ родится ахикъ (сердоликъ), что тутъ его и обдѣлываютъ и отсюда развозятъ на весь свѣтъ, что тутъ живетъ триста алмазниковъ, обдѣлывающихъ между прочимъ и оружіе. Не смотря на то, что Кулури, во время Никитина, былъ, какъ видно по этому, городъ важный въ промышленномъ отношеніи, современникамъ Никитина онъ остался совсѣмъ неизвѣстнымъ, не такъ какъ *Калики* — Colconda, о которомъ Никитинъ сказалъ только мелькомъ, что онъ важенъ по торговлѣ («базаръ велми великъ»), и о которомъ сохранилось нѣсколько довольно подробныхъ упоминаній[141]. Отсюда Никитинъ пошелъ ко... (тутъ собственное имя мѣстности опущено) на *Кельбергъ* («поидохъ ко на Кельберга»); а потомъ въ Аляндъ. Предполагая, что Никитинъ спѣшитъ туда на ярмарку, можемъ думать, что онъ прибылъ туда во второй половинѣ октября 1471 года. Дальнѣйшій путь Никитина былъ черезъ *Камендрію*, *Кынарясъ*, *Суръ* (Soorapoor) въ *Дабыль* (Dabul), куда прибылъ онъ въ началѣ 1472 года.

Отд. Археол. Общ. I, 145. *Прозоровскаго* Древн. Русск. вѣсъ, въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1855, іюнь, стр. 184—188.

140. *Кельбергъ*, какъ городъ замѣчательный, обозначенъ Абдъ-Эрразакомъ, *Kalbergah*. Notices, XIV, стр. 463—465.

141. Ср. у Бартемы, 163, b, c: caicolon, colon, chail.

Изъ этого перечня путешествія Никитина по Индіи видимъ, что онъ объѣхалъ значительную часть западнаго полуострова, между рѣками Кистной и Годавери, т. е. области Аурунгабадъ, Бедерь, Гейдерабадъ и Беджапуръ.

Слѣдя въ расказѣ за своими переходами изъ однихъ мѣстностей въ другія, Никитинъ, вмѣстѣ съ описаніями мѣстностей, занесъ въ свои записки и замѣчанія о природѣ страны и ея произведеніяхъ, о народѣ, его нравахъ, вѣрованіяхъ и обычаяхъ, о его управленіи, и т. п. Каковы эти замѣчанія, можно отчасти судить по тому, что сообщено было выше. Прибавлю къ этому обозрѣніе еще нѣсколькихъ подробностей о народномъ управленіи и войскѣ, подробностей тѣмъ болѣе любопытныхъ, что ихъ нѣтъ въ расказахъ другихъ современниковъ. Считаю не лишнимъ замѣтить, что расказъ Никитина въ этомъ отношеніи нѣсколько сбивчивъ и наводилъ объяснителей на взгляды совершенно невѣрные и невѣроятные. Правильно ли понялъ я, да судитъ читатель.

Въ той части Индіи, которую посѣщалъ Никитинъ, были въ его время два главныя владѣнія: столица одного, Индѣйскаго Чюнедарскаго, была въ Бичинегурѣ; столица другаго, Хорасанскаго магометанскаго, въ Бедери. О первомъ Никитинъ не сообщаетъ почти никакихъ особыхъ свѣденій, кромѣ того, что у его князя Кадама много силы и войска сто тысячь, пятьдесятъ тысячь коней и триста слоновъ. Несравненно болѣе свѣденій находимъ объ этомъ царствѣ не только у Абдъ-Эрразака, но и у Итальянцевъ и Испанцевъ. Абдъ-Эрразакъ подробно говоритъ объ обширности его, богатствахъ, великолѣпіи царскихъ дворцовъ и т. д. Итальянцы и Испанцы, особенно Бартема и Барбоса, не менѣе его удивлялись богатствамъ страны и ея владѣтеля [142]. Свѣденія Никитина о Бедерскомъ султанствѣ до нѣкоторой степени можно назвать подробными.

Бедерское султанство представляется имъ какъ мусульманское: султанъ, всѣ его бояре, все властвующее и все вой-

142. См. въ Notices, XIV, стр. 441—463. Ramusio, I, л. 158—159. Colaçao, II, 295—306. Обыкновенно описывается это царство подъименемъ Narsinga.

ско — мусульмане, родомъ Хорасане. Земля эта многолюдная; но хоть бояре сильны и пышны, сельскіе люди «очень бѣдны, и голы вельми». Владѣющее племя Хорасанское все на коняхъ, въ доспѣхахъ — и сами и кони; покорные имъ Гундустанцы всѣ пѣшеходы, и ходятъ скоро — «борзо», босикомъ и безъ одежды; ихъ вооруженіе — въ одной рукѣ щитъ, въ другой мечь, или же лукъ и стрѣлы. Къ военному вооруженію принадлежатъ слоны, покрытые булатными доспѣхами; къ рыламъ и клыкамъ ихъ привязаны большіе мечи вѣсомъ по кентарю (почти по три пуда), и на хребтахъ у нихъ городки; въ каждомъ бываетъ до двѣнадцати человѣкъ въ доспѣхахъ съ пушками и стрѣлами. Войска у султана Бедерскаго 300,000. Кромѣ того у его боярина Меликтучара 200,000 и множество войска у подвластныхъ хановъ [143] и везирей. Такъ у Рачюрскаго владѣтеля Меликъ-хана 100,000; у Фаратъ-хана (= Харатъ-хана) 20,000; у многихъ другихъ по 10,000.

При описаніи Бедеря, Никитинъ сообщилъ о великолѣпіи султанскаго дворца. А вотъ, какъ выѣхалъ султанъ въ прогулку (теферичь, т. е. таферрюджь) во время байрама: — онъ выѣхалъ съ двадцатью везирей великихъ. Съ ними выѣхали триста слоновъ, наряженныхъ въ булатные доспѣхи и въ окованные городки; на каждомъ изъ слоновъ по шести человѣкъ въ доспѣхахъ съ пушками и пищалями, а на «великомъ» слонѣ двѣнадцать человѣкъ; на всякомъ слонѣ два большихъ знамени («прапорца»); къ клыкамъ ихъ привязаны огромные мечи вѣсомъ по кентарю, а къ рыламъ по три желѣзныхъ гири; промежду ушей посаженъ человѣкъ въ доспѣхѣ съ большимъ желѣзнымъ крюкомъ, для управленія слономъ [144]. Кромѣ слоновъ выѣхали съ султаномъ тысяча коней безъ всадниковъ, всѣ въ золотѣ, сто верблюдовъ съ барабанами («нагарами»), триста трубачей, триста плясуновъ, триста наложницъ. Султанъ ѣхалъ верхомъ на конѣ, убранномъ въ золото, на золотомъ сѣдлѣ; на султанѣ

143. Именемъ *хановъ* назывались въ мусульманской Индіи высшіе сановники, которымъ поручалось управленіе отдѣльныхъ областей. Notices et extraits, XIII, 180.

144. Ср. у Бартемы, 158—159.

кафтанъ весь саженъ яхонтами, на его шапкѣ шишакѣ большой алмазъ; лукъ его (сагайдакъ) изъ золота съ яхонтами; три сабли его кованы золотомъ. Передъ султаномъ скакалъ пѣшій Индѣецъ (кафаръ), играя «теремцемъ» (зонтикомъ)[145], и за нимъ много пѣшихъ (Индѣйцевъ); тутъ и бѣшеной («благой») слонъ, весь наряженный въ камку съ желѣзною цѣпью во рту, идетъ и «обиваетъ» коней и людей, чтобы кто не приступилъ близко къ султану. Братъ султана выѣхалъ на золотой «кровати», подъ бархатнымъ балдахиномъ («теремъ оксамитенъ»), съ золотой маковкой, украшенной яхонтами; его несли двадцать человѣкъ. Ханъ Махмутъ выѣхалъ тоже на золотой кровати подъ шелковымъ балдахиномъ («теремъ шидянъ»), съ золотою же маковкой; его везли четыре коня, убранные въ золото; около него множество людей, чуть не голыхъ, у которыхъ только бедра завѣшены были платомъ, а передъ нимъ пѣвцы, плясуны, и всѣ съ мечами на голо, съ саблями, со щитами, сулицами, копьями, съ прямыми длинными луками, и кони всѣ въ доспѣхахъ съ сагайдаками. Еженедѣльно по вторникамъ и четвергамъ, султанъ выѣзжаетъ на «потѣху» (увеселительное зрѣлище) съ тремя везирями, съ матерью и женою. Съ нимъ выходитъ тогда десять тысячь конниковъ, пятьдесятъ тысячь пѣшихъ, двѣсти слоновъ въ золотыхъ доспѣхахъ, а передъ нимъ сто трубачей, сто плясуновъ, триста коней осѣдланныхъ въ золотѣ, сто обезьянъ, сто непотребницъ гаурокъ. Братъ султана выѣзжаетъ на «потѣху» съ матерью и съ сестрою по понедѣльникамъ. Тогда выѣзжаютъ съ ними двѣ тысячи жонъ на коняхъ и на золоченыхъ «кроватяхъ», а передъ ними сто коней, осѣдланныхъ въ золотѣ, очень много пѣшаго народа, два везиря, десять везыреней, пятьдесятъ слоновъ въ суконныхъ попонахъ, по четыре человѣка на каждомъ, нагишомъ, только въ платѣ на бедрахъ, и много женщинъ пѣшихъ и нагихъ съ водою для питья и обмыванья. Бояръ

---

145. Шегабъ-эддинъ: «По свидѣтельству шеиха Мобарака, всякій разъ, какъ султанъ садится на коня, надъ его головою несутъ зонтикъ». Notices, XIII, 190. Въ древности у насъ и *теремъ* и *теремецъ* означали все похожее на навѣсъ, балдахинъ: «теремъ серебрянъ надъ гробомъ»: Ипат. лѣт. стр. 6; «теремецъ идеже воду свящають»: Новгор. I лѣт. стр. 71. Сравн. Ист. Гос. Росс. II, стр. 358 и 390; III, стр. 147. Легко можно было употребить слово теремецъ и въ смыслѣ зонтика.

обыкновенно носятъ на серебряныхъ кроватяхъ: передъ кроватью ведутъ до двадцати коней въ золотыхъ «снастяхъ», а за нею идутъ триста конниковъ, пятьсотъ пѣшихъ, десять трубачей, десять барабанщиковъ («нагарниковъ»), десять свирѣльниковъ.

Для поясненія расказа Никитина о выѣздахъ Бедерскаго султана, нелишне будетъ сообщить выписку изъ Шегабъ-эддина: о выѣздахъ султана Делійскаго:

«Выѣзды султана бываютъ разнаго рода: то отправляется онъ на войну, то переѣзжаетъ въ Дели съ одного мѣста въ другое, то гуляетъ по своему дворцу. Его военные выѣзды великолѣпны и поразительны. Тутъ и слоны несутъ на хребтахъ башни, похожіе на города или крѣпости; глазъ видитъ только облака пыли затмевающія воздухъ. Клейноты султана—черныя знамена съ золотыми драконами; никто, кромѣ султана, не можетъ развѣвать знаменъ чернаго цвѣта. У войска на правомъ флангѣ развѣваются такія же черныя знамена, а на лѣвомъ, знамена красныя съ золотыми драконами. Каждый изъ эмировъ имѣетъ свое особенное знамя. Музыкальные инструменты играютъ передъ султаномъ и во время поѣздовъ, и во время стоянокъ: эти оркестры состоятъ изъ 200 литавръ, 40 большихъ барабановъ, 20 трубъ и 10 цымбаловъ. За султаномъ несутъ неисчислимое количество драгоцѣнностей и ведутъ множество коней. Когда султанъ выѣзжаетъ на охоту, то поѣздъ, его сопровождающій, не такъ великъ: съ нимъ выходитъ только 100,000 всадниковъ и 200 слоновъ; за нимъ везутъ четыре деревянныхъ зáмка, подъ каждымъ по 200 верблюдовъ, покрытыхъ черными шелковыми попонами, вышитыми золотомъ; съ поѣздомъ идутъ шатры и павильоны всякаго рода. Если султанъ переходитъ съ мѣста на мѣсто, для увеселительной прогулки, то съ нимъ выѣзжаетъ до 30,000 всадниковъ, 200 слоновъ и 1,000 коней осѣдланныхъ и взнузданныхъ, въ попонахъ и нагрудникахъ украшенныхъ золотомъ или жемчугомъ и драгоцѣнными камнями»[146].

Важнѣе всѣхъ другихъ бояръ былъ у молодаго (двадцатилѣтняго) султана Бедерскаго бояринъ Меликтучаръ, главный

146. Notices et extraits, XIII, стр. 133—139.

полководецъ, Индѣйскій самодержецъ («авдономъ»), пользовавшійся огромною властью и подъ рукою своею имѣвшій многихъ хановъ[147]. Въ числѣ другихъ хановъ, подвластныхъ Меликтучару, былъ и Асанъ-ханъ Чюнерскій, у котораго войска, подчиненнаго Меликтучару, было 70,000, много слоновъ и коней. Всего войска у Меликтучара было 200,000 («онъ сѣдитъ на 20 тьмахъ»). Двадцать лѣтъ онъ бился съ Индѣйцами и все еще однако не могъ покорить ихъ. Изъ военныхъ подвиговъ Меликтучара Никитинъ вспоминаетъ особенно о двухъ: о взятіи двухъ Индійскихъ городовъ и о походѣ на Бичинагуръ.

Два Индійскихъ города возбудили противъ себя силу Меликтучара за морскіе разбои: очевидно, что это города приморскіе, и что заморская торговля Декана была въ то время очень значительна. Одинъ изъ городовъ былъ сильно укрѣпленъ, судя по тому, что Меликтучаръ стоялъ у него съ 200,000 войска, снабженнаго сотнею слоновъ и тремя стами верблюдовъ, цѣлые два года. Оба города взяты и дали богатую добычу: семь плѣненныхъ князей, вьюкъ (юкъ) яхонтовъ, вьюкъ алмазу и рубиновъ[148], сто вьюковъ «дорогаго товара» — вѣроятно тканей и т. д., и безчисленное множество всего другаго.

---

147. *Меликтучаръ*. По мнѣнію А. К. Казембека, это слово должно читать: Меликитюджаръ, разумѣя подъ нимъ главу или старѣйшину купцовъ, титулъ, принадлежащій старѣйшему изъ купцовъ города или области. Впрочемъ онъ не думаетъ, что съ этимъ словомъ соединена у Никитина идея имени нарицательнаго, а что напротивъ того оно — собственное имя какого нибудь историческаго лица, именно — прибавляетъ А. К. — изъ династіи Бабуридовъ. Не находя возможнымъ защищать это послѣднее соображеніе, я думаю, что Меликтучаръ былъ полководцемъ, а можетъ быть и опекуномъ молодаго Бедерскаго султана. Въ Sommario di tutti li regni и пр., заключающемъ въ себѣ показанія разныхъ временъ, между прочимъ и относящіяся къ послѣдней четверти XV вѣка, находимъ замѣтку о лицѣ, похожемъ на Меликтучара своимъ положеніемъ при султанѣ Деканскомъ: Il re si chiama Mahармuduxa et dopo il re Idalcan niga, Malmalet, Hadan Amchan, *Miliquedastur*.... Quello detto *Meliquedastur* è Abissino, schiavo del re, cosi honorato, come ciascuno altro, et è capitano alle frontiere di Narsinga, dove tiene di continuo genti in guarnisono (Ramusio, I, 328—329). Въ словѣ *Mahармuduxa* скрывается имя Магомедъ-шаха, какъ дѣйствительно и назывался султанъ Деканскій: Магомедъ-шахъ Бамани II владѣлъ престоломъ въ 1463—1481. См. о немъ, въ Allgem. Encyclop. von Ersch und Gruber, II: XVII, стр. 135.

148. Въ подлинникѣ: *кирпуковъ*. Кирпукъ, вѣроятно, то же что *карапукъ* у О. Барбосы: Ha outra especie de rubis a que nos chamamos espinellas e os indios *carapuch*, che nascem do mesmo modo que os rubis finos em o reino do Pegu, e se achão no montes a flor de tera. Collecção, стр. 385.

Второй походъ былъ слѣдствіемъ этого перваго и предупрежденъ былъ съѣздомъ военноначальниковъ въ Бедерь. Тутъ Никитинъ ознакомился ближе съ Меликтучаромъ. Когда Меликтучаръ приближался къ Бедерю съ войскомъ, то султанъ выслалъ ему на встрѣчу за сто верстъ десять везирей, съ каждымъ по десяти тысячь рати и по десяти слоновъ въ доспѣхахъ. У этого Меликтучара всякій день садилось за обѣденный столъ по пяти сотъ человѣкъ, съ нимъ вмѣстѣ за одну скатерть три везиря и съ каждымъ везиремъ по пятидесяти человѣкъ, да его бояръ присяжныхъ («вшертныхъ») сто человѣкъ. На конюшнѣ у Меликтучара было сто слоновъ и двѣ тысячи коней, а тысяча днемъ и ночью стояло на готовѣ. Дворъ его ночью стерегли сто человѣкъ вооруженныхъ, да двадцат трубачей, десять барабановъ (нагаръ) и при десяти большихъ бубнахъ двадцат бубенщиковъ. Въ ожиданіи Меликтучара явились въ Бедерь ханы: Мызамылкъ, Мекъханъ и Фаратъ-ханъ съ 100,000 войска и съ пятидесятью слоновъ, и привезли съ собою огромное множество драгоцѣнныхъ камней, алмазовъ, яхонтовъ и другихъ, закупивъ все это для Меликтучара, который запретилъ строго мастерамъ («дѣлярямъ») не продавать ничего иноземнымъ торговцамъ, которые было наѣхали въ Бедерь для закупокъ, къ празднику Успенья.

Меликтучаръ пробылъ въ Бедери отъ Петрова дни до Покрова, и потомъ вышелъ войной на великаго князя Чюнедарскаго. У него своей рати конной было 50,000 (40,000), сто тысячь пѣшихъ и сорокъ слоновъ вооруженныхъ; да султанъ послалъ ему своего войска 50,000; съ нимъ пошли три везиря съ 30,000 и сто слоновъ въ доспѣхахъ съ городками, по четыре человѣка съ пищалями на каждомъ. Султанъ выѣхалъ позже, на восьмой мѣсяцъ послѣ Великаго дня; съ нимъ выѣхало двадцат шесть везирей, двадцат мусульманскихъ и шесть Индѣйскихъ, да двора его сто тысячь рати конной, двѣсти тысячь пѣшихъ, триста слоновъ вооруженныхъ, сто лютыхъ звѣрей на двойныхъ цѣпяхъ. Съ братомъ султана выѣхало двора его сто тысячь конныхъ, сто тысячь пѣшихъ и сто вооруженныхъ слоновъ. Съ Малханомъ вышло его двора двадцат тысячь конныхъ, шестьдесятъ тысячь пѣшихъ и двадцат слоновъ. Съ Бедеръ-ханомъ—тридцат тысячь конныхъ, сто тысячь пѣшихъ и

двадцать слоновъ. Съ Сулъ-ханомъ—10,000 конныхъ, 20,000 пѣшихъ и 10 слоновъ. Съ Везиръ-ханомъ 15,000 конныхъ, 30,000 пѣшихъ и 15 слоновъ. Съ Кутовалъ-ханомъ 15,000 конныхъ, 40,000 пѣшихъ и 10 слоновъ. Со всякимъ везиремъ по 10,000 конныхъ и по 20,000 пѣшихъ, а съ нѣкоторыми изъ нихъ и по 15,000 конныхъ и по 20,000 пѣшихъ. У четырехъ изъ Индѣйскихъ везирей было рати по 40,000 конныхъ и по 100,000 пѣшихъ, — и султанъ все таки разгнѣвался на нихъ, и велѣлъ добавить войско—20,000 пѣшихъ, 2,000 конныхъ и 20 слоновъ. «Такова сила Индѣйскаго мусульманскаго султана!» воскликнулъ Никитинъ, окончивъ свой перечотъ, для насъ чуть не сказочный. Все это войско двинулось противъ Индѣйскаго султана Кадама,—и походъ однако не удался. И людей и денегъ погубили много, а взяли только одинъ городъ. Подъ Биджьнагуромъ войско стояло цѣлый мѣсяцъ; осаждающіе гибли отъ недостатка воды и пищи. Индѣйскій ханъ Меликчанъхозя взялъ одну изъ крѣпостей этого города силою: день и ночь онъ бился двадцать сутокъ, такъ что рать ни пила ни ѣла, осаждая городъ съ пушками; хорошаго войска погибло 5,000. Когда же крѣпость была наконецъ взята, то въ ней вырубили 20,000 народу, мужчинъ и женъ, 20,000 большихъ и малыхъ взяли въ плѣнъ, и плѣнныхъ продавали потомъ на выкупъ по десяти и по пяти тенекъ, а дѣтей по двѣ тенки[149]. Большой крѣпости взять не могли, большой, т. е., какъ кажется, средней изъ семи, которыя — по описанію Абдъ-Эрразака — составляли городъ, той крѣпости, въ которой помѣщался дворецъ султана.

Остановимся еще на нѣкоторыхъ изъ замѣчаній Никитина о произведеніяхъ срединной Индіи.

Изъ животныхъ Никитинъ замѣтилъ слоновъ, буйволовъ, верблюдовъ, мамонъ. Его вниманіе, конечно, не могли не обра-

---

149. Можно лумать, что *тенка* (наша *деньга*) означало какую нибудь нецѣнную монету. Конечно, это то же, что *tanga*, можетъ быть впрочемъ и не той цѣнности, какъ опредѣлено у Барбосы (55 мараведи). Впрочемъ цѣнность *тенги* была на востокѣ очень различна. См. объ этомъ замѣчаніе Катремера (въ Notices et extraits, XIV, 41—42), Ли (въ переводѣ Ибнъ-Батуты, стр. 149). Клапрота (Magazin Asiat.. 1826, стр. 12), Риттера (Erdkunde, VII, 451, 784). Въ Бухарѣ *тенга* стоитъ около 70 коп. мѣди (20 коп. сер.); см. Н. Ханыкова, Описаніе Бухарск. ханства, стр. 114.

тить на себя слоны; но онъ говорилъ о нихъ какъ будто о животномъ знакомомъ, не то что путешественники западные того времени и болѣе поздніе: не мудрено, что Никитинъ видалъ слоновъ и прежде, гдѣ нибудь въ Персидскихъ земляхъ. Не такъ говорилъ онъ о мамонахъ: «Мамоны — обезьяны; живутъ въ горахъ, по скаламъ и по лѣсамъ. У нихъ есть и свой «князь обезьянскій», и у него своя рать. Если кто ихъ затрогиваетъ, то они жалуются этому князю своему, — и тогда князь высылаетъ свою рать, а рать эта велика — говорятъ: она нападаетъ на городъ, разоряетъ дворы и бьетъ людей. У мамонъ — говорятъ — есть свой языкъ. Дѣтей у нихъ родится много; если же какія родятся ни въ отца ни въ мать, то они мечутъ ихъ по дорогамъ; а Индѣйцы хватаютъ ихъ и учатъ всякому рукодѣлью и пляскѣ, или продаютъ; а если продаютъ, то ночью, чтобы не умѣли назадъ убѣжать». Рѣчь Никитина — о тѣхъ обезьянахъ, которыя прославлены въ Рамаянѣ, изъ роду которыхъ былъ «князь обезьянскій» Гануманъ. Подъ этимъ же названіемъ говорятъ о нихъ и западные путешественники[150]. Поразили еще Никитина змѣи на улицахъ Бедери: «длина ихъ двѣ сажени». Это, вѣроятно, педда-пода изъ роду пифоновъ, въ десять и болѣе футовъ длиною. Ди Конти, Бартема и другіе путешественники тоже обратили вниманіе на змѣй въ Индіи, и Ди Конти между прочимъ кажется на тѣхъ самыхъ, что и Никитинъ[151]. — Птица одна только поразила Никитина. Это — гукукъ: «Водится эта птица — говоритъ онъ — въ Аляндѣ; летаетъ ночью и кричитъ «гукукъ» (по другимъ спискамъ: кукъ-кукъ); а если сядетъ на чьемъ домѣ, то въ немъ кто нибудь умретъ; если же кто задумаетъ ее убить, то у нея изо рта выйдетъ огонь». Что же это за птица? По имени она

---

150. Л. Бартема: in questo paese (di Calicut) nasce gran quantità di gatti maimoni. Никитинъ могъ занять это слово и на востокѣ (Перс.: и Груз.: маймун); но едва ли оно не извѣстно ему было прежде; ср. Н. Греч. μαίμου и μαίμουν (отличное отъ μαμουνας — пугало), Сербск. мајмун, Валашск. мъймѹкъ (женск. р.), Ср. Лат. mamona, Итальянск. monna, monnina, montecchio, Порт. mona, Франц. mounine, Брет. muna, Англ. monkey. У Русской царицы Ирины былъ μαίμουν; объ этомъ говоритъ Арсеній въ своихъ Запискахъ (Arsenii Elasconis iter, Hist. Ruth. scriptores exteri. II, 377). По сказкѣ о Девгеніи, у Стратиговны были *свои мамоны*.

151. Ди Конти, 341, d. Бартема, 162.

*

похожа на ту, которая у Индѣйцевъ называется куккуба, и на другую, которую въ Ассамѣ называютъ део-кукура и почитаютъ священною; но, вѣроятно, только по звукамъ имени[152]. Кстати вспомнить замѣтку Пигафетты; «Насъ увѣряли, что черная птица, величиною съ ворона, каждую ночь прилетаетъ на одинъ изъ домовъ и своимъ крикомъ заставляетъ собакъ выть во всю ночь. Мы слышали этотъ вой; но никто намъ не хотѣлъ объяснить причины этого явленія[153].

Замѣтки Никитина о произведеніяхъ царства растительнаго очень коротки. Самою важною можно назвать слѣдующую: «Вино же у нихъ чинять въ великыхъ орѣсѣхъ кози Гундустанская, а брагу чинять въ татну». Подъ именемъ татнъ Никитинъ разумѣлъ, кажется, одну изъ пальмъ (если не пальмирскую — borassus flabelliformis, или элате — phoenix silvestris, то финиковую — phoenix dactylifera): ихъ соки приготовляются для питья, и одна изъ нихъ называется именемъ подобнымъ[154]. Что же касается до «кози», то хоть оно и напоминаетъ Деканское названіе тамошняго садоваго орѣховаго дерева кажу (anacardium occidentale), и еще болѣе Цейлонское названіе хлѣбнаго дерева cose[155]; но, безъ сомнѣнія, подъ большими Индѣйскими орѣхами кози Никитинъ могъ понимать скорѣе всего орѣхи кокосовые. Они и называются коки, кочи, а можетъ быть и коси или и кози; они поражаютъ и величиною; изъ нихъ приготовляются водки и другія питія въ родѣ вина[156].

---

152. Снскр. *куккуба* — phasianus gallus; у Дюканжа: κοὐκουφος = ἔποψ, κακαβη. Део-кукура — pavo bicalcaratus. Гамильтонъ, Account of Asam, у Риттера. IV, стр. 318. Крикъ первой هو هو гугу.

153. Premier voyage autour du monde, trad. par Ch. Amoretti. Paris. L'an. X, стр. 116.

154. *Тамъ*. Ritter. IX, 183. Lassen, Ind. Alterthums-Kunde, I, стр. 264—265.

155. «Before they be full ripe — говоритъ Кноксъ (Ceylon, 1817, стр. 26) — the inhabitants call them *cose*, and when ripe *warracha* or *kellas*». The travels of Ibn-Batuta with notes by *S. Lee*. 1829, стр. 105.

156. *Joh. Hug. Linscot*, Navig., стр. 65; *Ritter*, V, стр. 850; *Lassen*, Indisch. Alterthumskunde, I, 266. Но точно ли имя коко = кочи туземное въ Индіи, или же оно занесено туда Европейцами изъ другихъ краевъ, какъ думаетъ Риттеръ, предполагая, что оно вынесено въ первый разъ Магальяномъ (1521) изъ Ладронскихъ и Малыхъ Филиппинскихъ острововъ (Ritter, V, 836)? Если замѣчаніе Риттера спра-

Другія замѣтки Никитина о произведеніяхъ срединной Индіи менѣе любопытны.

IV.

ПРИСТАНИ ИНДІЙСКАГО МОРЯ.

гл. IV, IX.

Никитинъ увидѣлъ Индійское море въ первый разъ близь Бендеръ-аббаси: «Тутъ есть пристанище Гурмызское (Ормусское), и тутъ есть море Индѣйское, а Парьсѣйскимъ языкомъ и Гундустаньская дорія.» Онъ переплывалъ его на торговомъ суднѣ, которое — по его словамъ — называется тамъ тавой [157].

ведливо, то и то кози, о которомъ говоритъ нашъ Никитинъ за пятьдесятъ лѣтъ до Пигафетты и Магальяна, не можетъ быть уравнено съ кокосомъ. Дѣйствительно, Пигафетта описываетъ кокосъ какъ что то невиданное. Замѣтивъ, что жители Замаля поднесли капитану въ даръ между прочимъ duoi frutti di coche, che piu all'hora non ne havevano, facendo segno con le mani che fra quatro giorni portariano risi, coche, et molte altre cose, Пигафетта описываетъ и кокосовое дерево, и плодъ, и все, что изъ него приготовляется (у Рамузіо I, л. 356. Ср. во Франц. переводѣ К. Аморетти, стр. 64, 65). Тѣмъ не менѣе Пигафетта повторяетъ имя кокоса не какъ что нибудь новое; да и вообще его описаніе кокоса таково, что его бы можно было помѣстить и въ запискахъ болѣе позднихъ. Сравните напримѣръ, что говоритъ о кокосѣ Нидерландскій путешественникъ конца XVI вѣка, I. Гуго Линскотъ (Navigatio, стр. 64—65): не имѣя въ виду прежнихъ путешественниковъ, можно подумать, что онъ первый познакомилъ Европу съ кокосомъ. Что кокосы подъ этимъ именемъ уже были извѣстны на западѣ Европы во время Магальяна и Пигафетты, это подтверждается словами ихъ современника О. Барбосы: «въ городѣ Чивилѣ (Cheul) есть cochi, т. е. Индѣйскіе орѣхи; въ Каликотѣ родится плодъ, который туземцы называютъ tenga, e noi altri cochi», т. е. Индѣйскіе орѣхи (Collecçao, II, стр. 346. Ср. Рамузіо, I, л. 298, с; 312, а). Выраженіе noi altri, напоминающее замѣтку I. Гуго Линскота, что плодъ = narel = tenga = elevi a Lusitanis autem *coquo* dicitur», объясняется тѣмъ, что это имя кокосоваго орѣха осмысливалось Испанскимъ и Португальскимъ (теперь уже остарѣвшимъ) словомъ coca = coqua — голова (Diez, Wörterbuch der Roman. Sprache, стр. 104): понятно, почему Пиринейскіе путешественники постоянно сравнивали кокосъ съ головою (напр. Пигафетта: cocho e grande come la testa d'uno huomo). Кокосъ называли этимъ именемъ и до Пигафетты: это свидѣтельствуемъ между прочимъ Л. Бартема (cochos. 161, а; ср. въ Sommario di regni: «Il frutto di queste palme si chiama cochos: 333, b). Прибавлю къ этому замѣчаніе Лассена, что имя кокоса извѣстно было на западѣ уже въ древности: такъ у Θеофраста подъ именемъ κόϊξ, κουκωφόρον, описана cuccifera Thebaica. Lassen, Ind. Alterth. I, 267.

157. *Тава:* Тавы — говоритъ Никитинъ — Индѣйскія земля корабли. Описаніе Индійскихъ кораблей находимъ въ запискахъ о плаваніи Васка де Гама (120, b;

Проѣзжая черезъ него въ первый разъ, онъ замѣтилъ, или по крайней мѣрѣ занесъ въ свои записки очень немного.

«Гурмызъ (Ормузъ) отъ Бендеря (Бендеръ-аббаси) по морю въ четырехъ миляхъ; онъ на островѣ, и солнце въ немъ такъ жгуче, что опалитъ («съжжетъ») человѣка». Мѣсяцъ въ немъ оставался Никитинъ и потомъ пошелъ за море. На тавѣ, отправлявшемся въ Индію съ продажными лошадьми, и онъ нашелъ себѣ мѣсто съ своимъ жеребцомъ, добытымъ имъ, конечно, также для перепродажи. Его путь по морю былъ къ Мошкату десять дней, потомъ къ Діу (Дѣгу) четыре дни, далѣе въ Гуджератъ (Кузрятъ), Канбатъ, гдѣ родится краска и лакъ («лекъ»)[158], и въ Чивиль = Чювиль, откуда, какъ мы уже знаемъ, Никитинъ пустился со своимъ жеребцомъ въ глубь Индіи[159]. Уже тамъ сообразилъ онъ то, что видѣлъ, съ тѣмъ, что слышалъ, и составилъ для себя замѣтки о пристаняхъ Индійскаго моря.

Эти замѣтки о пристаняхъ Индійскаго моря представляютъ собою особенный эпизодъ, нелишенный занимательности въ от-

---

121, с), еще болѣе у Бартемы (161, f и пр.), который приводитъ и разныя ихъ названія. Изъ этихъ названій ни одно не похоже близко на *тава;* вотъ два нѣсколько сходныхъ: alcuni si chiamano *zambuchi* et questi sono piani di sotto; alcuni altri che son fatti al modo nostro, civè di sotto, et si chiamam *ciampana*. Ибнъ Батута говоритъ, что корабли средней величины, приходящіе въ Каликотъ, называются *зав* زو (переводъ С. Ли, стр. 172). Это же названіе вспомянуто Риттеромъ (V, 592). Объ Индѣйскихъ корабляхъ ср. еще у Ѳ. *Лопеса* Navigatione (I, 136, с; 138, с).

158. *Лекъ*. Въ спискахъ Хоженія слово *лекъ* въ этомъ мѣстѣ написано въ соединеніи съ союзомъ *да*, какъ одно слово: *далекъ* и даже *даліокъ* и *далюкъ*, *далецъ:* «а тутъ ся родитъ краска *далекъ*» (гл. III). Что *далекъ* не одно слово, это доказывается ясно выраженіемъ Никитина (гл. IX) о томъ же Камбатѣ или Камбаятѣ: «а товаръ въ немъ все дѣлаютъ алачи.... да чинятъ краску нилъ, да родится въ немъ *лекъ* да ахыкъ да лонъ». *Лекъ* то же что *лакъ:* Перс. *лак* и *лакка*, Курд. *лек*. *Lassen's* Zeitschrift, IV, 42. Его называли и *lok*, что могло выговариваться по нашему *лёкъ* и въ старину писаться *ліокъ* (Lacca quam Mauri *lac* vocatur in Persiam et Arabiam mittitur, dicta ideò ab earundem regionum incolis *loc sumutri*. *J. Hug. Linscot*. Navigatio et itinerarium in orient. Indiam. Hag., 1599, стр. 74); *далецъ* вмѣсто *да лекъ* очевидная ошибка неразумнаго писца. Въ Торгов. книгѣ XVI вѣка лакъ названъ *алекъ:* «*Алекъ*, тожь сургучь, купятъ на Москвѣ фунтъ за 3 алтына 2 деньги» (Записки Русск. Отд. Археол. Общества, III, 125).

159. Это былъ обыкновенный путь, которому слѣдовали въ то время путешественники. Такъ ѣхалъ въ Индію изъ Ормуза и Абдъ-Эрразакъ. Extraits, XIV, 431.

ношеніи къ торговлѣ и мореплаванію того времени. Онѣ начинаются общимъ обозначеніемъ разстояній.

«Отъ Гурмыза (=Ормузъ) ити моремъ до Галата=Калата 10 дней, и отъ Галата до Дѣгу (=Діу) 6 дней, (отъ Дѣгу до Мошката 6 дней); отъ Мошката до Кучьзрята 10 дніи, а отъ Кучьзрята до Камбата 4 дни, отъ Камбата до Чивиля 12 дни, а отъ Чивиля до Дабыля 6 дни; а отъ Дабыля до Колекота=Келекота 25 дни, отъ Колекота до Силяна 15 дни, а отъ Силяна до Шаибата = Шабата мѣсяцъ ити, а отъ Шабата до Певгу 20 дни, а отъ Певгу до Чини да до Мачина мѣсяцъ итьти, моремъ все то хоженіе; а отъ Чини да до Кытыя итьти сухомъ 6 мѣсяцевъ, а моремъ 4 дни ити». Путешествіе по морю совершаютъ тамъ въ тавахъ: такъ называются Индѣйскіе корабли.

Далѣе слѣдуетъ отдѣльное описаніе каждой мѣстности.

«*Гурмызъ* есть важная пристань: сюда сходятся люди и сводится всякаго рода товаръ со всего свѣта; что ни родится на свѣтѣ все есть въ Гурмызѣ, только пошлина велика десятая доля». Гурмызъ есть Ормузъ нашего времени, извѣстный впрочемъ подъ этимъ названіемъ уже во время Марко-Поло. Выше было замѣчено, что и въ XV вѣкѣ у насъ на Руси былъ получаемъ жемчугъ изъ Гурмыза, и по имени этого города извѣстенъ былъ подъ названіемъ Гурмыжскихъ зеренъ[160].

«*Камбатъ*=*Камбаятъ* есть пристань для всего Индѣйскаго моря. Товаръ въ немъ приготовляемый: разныя ткани (алачи), пестряди, киндяки; индиго (ниль), лакъ (лекъ), сердоликъ (ахыкъ) и лонъ»[161]. Это нынѣшняя Камбая въ глубинѣ Камбайскаго залива, при устьи Сабермутти. Современникъ Никитина

---

160. См. выше примѣчаніе 8-е. Въ Духовной князя Димитрія Іоанновича читаемъ: «Накапки женское сажены жемчугомъ Гурмыскимъ» (Собр. г. гр. I, стр. 406, 407 и пр.). На образѣ Введенія въ Сольвычегодскомъ монастырѣ: «а на семъ образѣ.... ѕ҃ зернятъ жемчужных окатных болшихъ Гоурмынскыхъ» (Записки Арх. Общ. III. Перечень: стр. 95).

161. *Лонъ:* Можетъ быть это слово то же, что *lanha*, и значитъ кокосъ: «Malavares eam tenga maran nuncupant, maturumque fructum tenga, immaturum etiam num elevi, Goae *lanham* indigitant... Fructus pene maturus *lanha* vocatur... *Lanhae* aquam habent suaviter potabilem.... Subindeque ex una *lanha* dimidium cantharum implet. *J. Hug. Linscot*, Navigatio et itinerarium in orientalem Indiam. Hagae, 1599, стр. 64

Венеціанецъ Ди Конти говоритъ о Камбаѣ также какъ о важномъ торговомъ мѣстѣ, исчисляя почти тѣ же товары [162].

«*Дабыль*—очень большая пристань для всей Индіи и Ефіопіи, послѣдняя на югъ для мусульманъ. Сюда привозятъ коней изъ Египта (Мисюръ), Аравіи (Арабистана), Хорасана, Туркистана, Негостана, и потомъ ведутъ ихъ сухимъ путемъ въ Бедерь и Кельбергъ». То же почти говоритъ объ этой пристани болѣе поздній путешественникъ Од. Барбоса [163].

«*Келекотъ*—такая же пристань для всего Индѣйскаго моря; а кто его не увидитъ (не попадетъ къ нему), тотъ не пройдетъ моремъ благополучно». Говоря это, Никитинъ думалъ о морскихъ разбойникахъ. Въ другомъ мѣстѣ своего расказа онъ замѣтилъ, что тутъ въ морѣ разбойниковъ много, что всѣ они кафары — «ни христіяне, ни бесермены, поклонники каменныхъ болвановъ» [164]. Относительно Келекота Никитинъ еще замѣтилъ, что тутъ родится перецъ, инбирь (зеньзебиль), цвѣтъ, мошкатъ, калафуръ (= каланъ-фуръ), корица, гвоздика, пряное коренье, адрякъ, и всякое коренье, — и все въ немъ дешево [165], «да кулъ

---

162. Ди Конти: «Molto nobil citta della *Cambaja* la quale è posta fra terra sopra il secondo ramo donde sbocca in mare il fiume Indo. In questo paese si trovano di quelle pietre pretiose dimandate *sardonie*.... Quivi nasce spico nardo, *lacca*, mirabolani, *endego* et seta in grande abondanza. Ramusio, I, 338 — 339; 342, a. Ср. Записк. Л. Бартемы, I, 157. Городъ этотъ у Абульфеды названъ *Konbajet* (Abulfeda geogr. въ Magazin Д. Бюшинга, IV, стр. 272—273), у Абдъ-Эрразака *Kanbait* (Notices, XIV, стр. 429), у другихъ *Канбіанé* (Journal Asiatique, IX, 85).

163. Collecçao de noticias, II, стр. 285.

164. Никитинъ, подобно путешественникамъ Португальскимъ и Итальянскимъ, называетъ кафрами Индѣйцевъ въ противоположность мусульманамъ. Ср. у Пигафетты: Questi popoli sona caphri cioè gentili (Ramusio, I, 355, d). Ср. Navigatione di P. Alvares (127, b).

165. Нѣсколько замѣчаній о произведеніяхъ, которыя Никитинъ замѣтилъ въ продажѣ въ городѣ Келекотѣ, не будутъ излишни:

— *Зеньзебиль* = *зеньзибиль* — инбирь: Греч. ζιγγίβερι, Нов. Лат. zingiber, Итальянск. zenzóvero, zénzero, gengevo, Валашск. гимберю. Новое наше *инбирь*, вѣроятно, вмѣсто *гинбирь*.

— *Цвѣтъ:* подъ этимъ словомъ можно разумѣть и cyvet = zibeth, Итальянск. cibetto (Л. Бартема, 165, e—f), Франц. civette — благовоніе изъ звѣрка viverra (см. *Симашко*, Руководство къ зоологіи, стр. 80—81); но скорѣе цвѣтъ мушкатный, о чемъ будетъ сказано ниже.

— *Мошкатъ* — мускатный орѣхъ, nux miristica moschata: Исп. и Итальянск. moscado; noci moscate у Л. Бартемы (167, f). Ср. у Дюканжа: μοσχοκάρυδον

да каравашь письярь хубьсія» — что по чтеніи А. К. Казембека значитъ: «да-окулъ да-карэвашъ бисіаръ хубъ-сіа», т. е. да слугъ да служанокъ много: хороши черные». Пристань эта есть нынѣшій Каликутъ, на Малабарскомъ берегу противъ Лакедивскихъ островов. Сохранивъ по нынѣ свое значеніе и увѣковѣчивши имя свое въ «коленкорѣ», она знаменита издавна. Замѣчанія Никитина о важности этого приморскаго города для торговли въ XV вѣкѣ подтверждаются сказаніями Абд-Эрразака[166], Ди-Конти[167] и Васка де Гама[168].

Мы видѣли уже, что Никитинъ самъ былъ въ Ормузѣ, Камбаѣ и Дабулѣ. Былъ ли онъ и въ Колекотѣ? на это отвѣчать трудно: вѣроятнѣе, что не былъ; потому что ни изъ чего не видно, что онъ отваживался на плаванье по Индійскому морю на югъ отъ Дабуля. Если же такъ, то и все то, что занесъ онъ въ свои записки о пристаняхъ Индійскаго моря далѣе, есть плодъ

о мушкатныхъ орѣхахъ и мушкатномъ цвѣтѣ см. въ Торг. книгѣ XVI в. (Зап. Русск. Отд. Арх. Общ. III, 123). Мушкатный цвѣтъ — macis, Арабск. بسباسه — второй изъ трехъ покрововъ мушкатнаго орѣха: *цвѣтомъ* называется и у Малайцевъ: *бунга-пала* — цвѣтъ гвоздичнаго дерева (Journ. Asiat. 1847, стр. 249).

— *Калафуръ = каланфуръ*. Такъ на востокѣ называютъ caryophilion (J. Hug. Linscot, стр. 72), гвоздники. Впрочемъ такъ какъ тутъ же Никитинъ говорутъ и о гвоздникѣ, то подъ каланфуромъ онъ могъ разумѣть что нибудь другое, напр. камфору: Арабск. аль-кафур = аль-камфур, Санскр. капур (कपूर).

— *Корица* — кора дерева laurus cinnamonum. См. о ней въ Торгов. книгѣ XVI в. (Записки Русск. О. А. О. III, 123).

— *Гвоздники = гвоздики = гвозники* — сушеные цвѣтки мирты, названной Линнеемъ caryophillus aromaticus. Что въ XV вѣкѣ назывались они у насъ этимъ именемъ, это видно и не изъ Хоженія (см. напр. выписку у *С. Соловьева*, Истор. Россіи, V, пр. 292: «гвоздики полтораста гривенокъ»). Ср. Итальянск. chiovo di garofano, Франц. clou de girofle, Греч. καρυόφυλλον, откуда Сербск. каранфилъ, Валашск. карафил = гарафилъ, Арабск. каранфул.

— *Адрякъ:* можетъ быть то же, что *adrac: Zingiber ab Arabiae incolis, Persis et Turcis gengibil vocatur. in Gusaratta, Decan et Bengala etiamnum viride adrac* et arefactum sucte, in Malabar jingi, siccatum aut viride in Malacca aliaa. Замѣчаніе д-ра Палудана въ J. Hugon. Linscot. Navigat. стр. 73, b.

166. Notices et extraits des manuscrits, XIV, 436.

167. Rhamusio, I, 341—342. См. у I. Барбаро, Calicut. Ramusio, II, 107, e. Ср. Л. Бартема, 151—160.

168. Navigatione di Vasco di Gama, у Рамузіо, 120. Ср. у Риттера V, 593.

его распросовъ у торговцевъ Хорасанскихъ, прекрасно выражающій его любознательность и до нѣкоторой степени точность передачи слышаннаго. Тутъ дѣло идетъ о странахъ отъ Цейлона до Китая.

«*Силянъ* — значительная пристань Индѣйскаго моря. Въ немъ—баба-Адамъ на высокой горѣ, а около его родятся драгоцѣнные камни, червцы, фатисы, агатъ (бабогури), хрусталь, сумбада (=сумбамда), бинчаи, мамоны, слоны, которыхъ продаютъ по величинѣ, мѣряя локтями, и строусы (девякуши), продаваемые по вѣсу». Не только современники Никитина, но и болѣе древніе путешественники, сообщали подобныя извѣстія о Цейлонѣ: между прочими можно замѣтить и Марко-Поло, который описанію этого острова посвятилъ двѣ главы [169], и не забылъ между прочимъ вспомнить объ Адамовой горѣ, сказавши при этомъ, что на вершину ея поднимаются по желѣзнымъ цѣпямъ, пригвожденнымъ въ скалахъ, и что на ея вершинѣ, какъ увѣряютъ Сарацины, лежитъ гробъ Адама. По замѣчаніямъ другихъ путешественниковъ, баба-Адамъ — дѣдъ-Адамъ клялся тамъ передъ Богомъ въ грѣхахъ, и гдѣ стоялъ, тамъ и доселѣ видны ступни его ногъ [170]. Что касается до произведеній Цейлана, то они отмѣчены Никитинымъ не такъ, какъ другими путешественниками его времени [171].

---

169. Marco Polo, III, гл. 19 и 23. Бартема, 163, с. Od. Barbosa, 314, с. Ср. M. Reinaud, Géographie d Aboulfeda, II, 88.

170. L. Barthema, 163, f. Ср. у Од. Барбосы: Collecçao, II, 356. О буддійскихъ преданіяхъ касательно Адамовой горы на Цейланѣ (Rahun = Hamalell) см. въ статьѣ James Low въ Transactions of the R. Asiatic society of Gr. Britain, 1835, III, 57; о магометанскихъ преданіяхъ *d'Herbelot*, Bibliotheque orientale, въ статьѣ Adam; *Reinaud*, Géographie d'Aboulfeda, II, 88; *ИбнъБатута*, 185, 189.

171. *Ди Конти* о произведеніяхъ Цейлана сказалъ немногое: La nobil isola di Zeilam,che circonda due mila miglia, nella quale si trovano cavando rubini, zaffiri, granate, et quelle pietre, che si domandano occhi di gatta. Ivi nasce la buona canella in gran copia.... i frutti sono simili alle concole del lauro, dalle quali se ne cava olio molto odorifero per unguenti, che gl'Indiani usano per ungersi (339, c). Cp. Navigatione di Th. Lopez (141, b). *Васко ди Гама:* L'isola dove nascono le spetie, si chiama Zeilam, ch'è da detta città di Calicut le ghe 160; nella qual isola non nascono se non gli arbori, che fanno la cannella in molta perfettione et molti zaffiri et oltre gioie (120, f). *Бартема:* Dimorativi alcuni pocchi giorni, vedemmo quello che intenderete. Et prima, grandissima quantità di elefanti, quali nascono li, et intendemmo che si

«*Шабатская* пристань Индѣйскаго моря (=*Шабатъ*=*Шаибатъ*) очень велика. Тутъ все дешево. Тутъ родится шелкъ, сандалъ, сахаръ, жемчюгъ, инчи (зерна). Тутъ водятся слоны, которыхъ продаютъ по величинѣ, мѣряя локтями. По лѣсамъ много мамонъ и обезьянъ; онѣ по дорогамъ обдираютъ людей, и опасны до такой степени, что изъ за нихъ люди не рѣшаются ѣздить ночью. Тутъ же водятся мускусовые олени: ихъ вскармливаютъ, и потомъ рѣжутъ у нихъ пупки, въ которыхъ содержится мускусъ; дикіе сами роняютъ пупки по полю и по лѣсу;

---

truovano rubini duoi miglia appreso alla marina, dov'è una montagna grandissima et molto lunga, al pie della quale si truovano detti rubini.... Quivi ancora appresso al detto monte.... nasce molta quantità di granate zaphiri, hiacinthi et topacii. Nascono in questa isola li miglior frutti che mai habbia visto.... L'arboro della cannella è proprio come il lauro, massima la foglia, et fa alcuni grani come il lauro, ma sono più piccoli et più bianchi; la detta canella, over cinnamomo è scorza di detto arboro.... (163, e, f). Тѣ же произведенія Цейлана отмѣчены и у О. Барбосы (Collecçao, II, 353 — 356), равно и у другихъ западныхъ путешественниковъ. Взглядъ Никитина былъ, если и не совсѣмъ, то по крайней мѣрѣ значительно иной, и, вѣроятно, отразилъ на себѣ понятія не только его собственныя, но и торговцевъ Декана. — Изъ драгоцѣнныхъ камней у него особенно отмѣчены червцы, фатисы, агатъ, хрусталь и сумбада. Подъ именемъ *червца* Никитинъ разумѣлъ, какъ кажется, рубинъ, а можетъ быть и гранатъ, по цвѣту. Въ его время было впрочемъ въ обычаѣ прилагать слово червецъ болѣе къ цвѣту ткани; напр.: «възголовье камка на червци бѣлъ шолкъ.... одѣяло кунье на червцѣ (Собр. гос. гр. I, 303). — О *фатисѣ* находимъ упоминаніе въ описаніяхъ царскихъ одеждъ; напр.: пугвицы камень фатисъ (Выходы, стр. 72). Фатисы были у насъ въ большомъ привозѣ («четыри кантари камня фатисного. (*С. Соловьева*, Ист. Росс. V, прим. 292). — *Агатъ* названъ у Никитина восточнымъ именемъ *бабогури*. — *Хрусталь* (*у* въ этомъ словѣ съ такимъ же правомъ, какъ въ фуникъ, куръ и т. п.) — берилъ (Курдск. беллур, Бухарск. булур. Lassen's Zeitschrift, IV, стр. 274). — *Сумбада*, какъ кажется, тотъ самый камень, о которомъ какъ о произведеніи Цейлана упоминаетъ Табари подъ этимъ же именемъ (W. Ouseley, TravelsI, стр. 35), о которомъ Эдриси и Казвини говорятъ какъ о камнѣ, служащемъ для полированія другихъ драгоцѣнныхъ камней: это *наждакъ*, Schmergel, smeriglio, émeril, σμύρις, σμίρις. А. К. Казембекъ думаетъ впрочемъ, что сумбада есть мастика, употребляемая цирюльниками (Полн. собр. лѣт. VI, 356). — Изъ произведеній царства растительнаго отмѣтилъ Никитинъ бинчаи. *Бинчаи* — смола изъ дерева styrax benzoin. Итальянскіе путешественники называли ее belzui и benzui. Ramusio: I, 120, f; 166, f; 317, c; 318, f; 323, a; 336, b; 345, f; 398, b). Въ XVI вѣкѣ было уже употребительно и названіе benzoinum (J. Hug. Linscot. Navigatio, стр. 76). Нынѣ Итальянцы называютъ ее belzuino, belgivino, Французы benjoin, Англичане benzoin, benjamin. Индѣйскіе Армяне привезли царю Алексѣю Михаиловичу между прочимъ и 4 *бизуя* (Труды Общества древностей, VII, 145).

они воняютъ и въ пищу не годятся». Трудно опредѣлить, гдѣ именно надобно искать мѣстности, названной у Никитина Шабатомъ = Шайбатомъ: никто изъ путешественниковъ современныхъ Никитину и болѣе позднихъ не упоминаетъ о подобномъ имени. Только въ видѣ вопроса можно вспомнить объ имени одного изъ острововъ, находящихся у устья Ганга, и называющагося на картахъ Shabazpur. Тамъ водятся и мускусовые олени (moschus moschiferus). Впрочемъ мускусомъ славились въ XV—XVI вѣкѣ и берега Аракана[172]. О томъ, какъ и изъ чего добывается мускусъ, во время Никитина и позже въ Европѣ еще спорили, и изъ его современниковъ нельзя указать ни на одного, который бы высказалъ о мускусѣ такое ясное представленіе, какъ Никитинъ. Изъ болѣе позднихъ достойно вниманія слова Барбосы[173].

Еще любопытное замѣчаніе дѣлаетъ Никитинъ о вѣрѣ жителей Шабата. «А что Жиды называютъ Шабатовъ тоже Жидами, такъ они говорятъ ложь: Шабатене ни Жиды, ни бесермены, ни христіане: это особенные сектаторы Индѣйскіе, не пьющіе и не ядущіе вмѣстѣ ни съ Худами, ни съ бесерменами, и не употребляющіе никакого мяса». Тутъ можетъ быть, описаны поклонники Сивы = Шивы — Сиваиты восточнаго полуострова Индіи, которыхъ ученіе распространялось далеко на сѣверъ; впрочемъ, можетъ быть, это и черные Жиды, распространенные очень издавна по Индіи и другимъ землямъ[174]. Худы, о которыхъ упоминаетъ здѣсь Никитинъ, мо-

---

172. Sommario de regni, citta, et popoli orientali. Rham., I, 334, d. У Никитина въ нѣкоторыхъ спискахъ стоитъ *скусъ* вмѣсто *мскусъ* = *мъскусъ:* такъ въ старину называли у насъ мускусъ. Онъ былъ у насъ въ торговлѣ и въ XV вѣкѣ (упоминаніе о четверти мскусу и о четырехъ почкахъ мскусу см. въ выпискѣ, сообщенной С. *Соловьевымъ*, Ист. Росс. V, пр. 292; мскусница сажона упоминается въ грамотѣ 1503 г. Собр. гос. гр. I, 349). Слово это заимствовано у насъ не прямо съ востока: ср. Санскр. *мушка* (hode: Vuller's Fragmenten über die Religion des Zoroasters, 117); Зендск. *мешк;* Арабск. *аль-мискар;* Греч. μόσχος; Итальянск. muschio.

173. Ramusio, I, 317.

174. C. *Buchanan*, Christian researches in Asia. Edimburg, 1812, стр. 131, 208—209. Христ. чтеніе, 1855, II, 126, 134, 135.

жетъ быть, суть Туды, часть которыхъ называются Кутами, древніе туземцы Индіи[175].

«Въ *Пегу = Певгу* есть хорошая пристань, въ которой живутъ только Индѣйскіе дербиши. Тутъ родятся драгоцѣнные камни: маникъ, яхонтъ, кирпукъ, и дербиши[176] занимаются ихъ продажей». Первыя свѣдѣнія о Пегу на западѣ принадлежатъ Бартемѣ и Барбосѣ[177]. Предметы торговли, по ихъ замѣчанію, были тамъ между прочимъ и тѣ, о которыхъ вспоминаетъ Никитинъ[178].

«А *Чиньское* же да *Мачиньское* пристанище очень велико: въ немъ дѣлаютъ *чини* — фарфоръ и продаютъ дешево на вѣсъ». *Чинъ и Мачинъ* не у одного Никитина представляется единицей-двойчаткой. Современникъ Никитина Абдъ-Эрразакъ, которому, какъ ученому мусульманину, путешествовавшему по Индіи, могли быть лучше извѣстны отдаленныя страны Зондскаго архипелага, говоритъ однако о Чинѣ и Мачинѣ такъ же[179]. Іосафатъ Барбаро уже яснѣе другихъ представлялъ себѣ отдѣльность *Чини* и *Мачини*, какъ двухъ особенныхъ странъ, хотя и

---

175. Ch. *Lassen's* Indische Alterthumskunde, I, 365. Ritter, V, 1030.

176. *Дербиши*. Такъ писалось у насъ это слово (съ *б*) и въ другихъ мѣстахъ. См. напр. Ист. Гос. Росс. IX, пр. 258: о письмѣ къ Мааметь-дербышю и пр.

177. Bartema. Ram., I, 165—166; 316—317. Collecçao, II, 265—266.

178. Обозначеніе богатствъ Пегу у Никитина болѣе всего похоже на то, что находится въ Sommario: «Portano molto lacca, benzuin, muschio, pietre pretiose, rubini bellissimi, argento.... 334, e. — Яхонтъ названъ у Никитина яхуть (какъ прежде писывалось Лугинъ вмѣсто Лонгинъ). Маникъ и курпукъ — два рода рубиновъ. О кирпукѣ уже было замѣчено выше: см. прим. 148. *Маникъ* — maneco, manica. У Од. Барбосы замѣчено: Na ilha de Ceilão... se achão muitos rubis aque os Indios chamão *maneca:* Collecçao, II, стр. 385. Joh. Hugo Linscot: Arabes et Persae pyropos jacur appellant, Indi manica. Navigat., стр. 86. О множествѣ рубиновъ въ Пегу см. у Бартемы: 166, а. Ср. впрочемъ у Риттера *маникъ* (manik), какъ названіе особеннаго рода алмаза, съ зеленымъ оттѣнкомъ. VI, 362.

179. Not., XIV, I, 429. Les marchands des sept climats, de l'Egypte, de la Syrie, du pays de Roum.... de la totalité des royaumes de *Tchin* et de *Matchin*.... se dirigent vers le port d'Hormuz. На картѣ Питти 1417 года упомянуто только Macina: Haec provincia Macina dicta elephantes gignit. Vic. *de Santarem*, Hist. de la cosmogr., III, 334. *Мачини* есть Maha Cini — великій Китай; южныя области его. Подъ именемъ Чини разумѣли Малакку.

одинаково знаменитыхъ своимъ фарфоромъ[180]. У Арабскихъ писателей *чини* или *сини* какъ названіе фарфора встрѣчается нерѣдко; иногда и съ эпитетомъ *фарфури* (فغفوری), т. е. Китайскій[181]. О жителяхъ Чини и Мачини Никитинъ сообщаетъ еще свѣденіе любопытное касательно уваженія ихъ къ бѣлымъ гарипамъ (иностранцамъ).

О *Китаѣ* Никитинъ только и замѣтилъ, что — какъ выше было приведено — отъ Чини сухимъ путемъ въ Китай надо идти шесть мѣсяцевъ, а по морю идти только четыре дня.

Въ концѣ этой записки Никитинымъ приведены опять количества дней разстоянія: «Силянъ отъ Бедеря въ двухъ мѣсяцахъ пути; Шаибатъ отъ Бедеря въ трехъ мѣсяцахъ, а отъ Дабыля по морю въ двухъ мѣсяцахъ; Мачинъ да Чинъ отъ Бедеря въ четырехъ мѣсяцахъ пути». Изъ этой замѣтки видно, что свои распросы Никитинъ дѣлалъ въ Бедерѣ и Дабылѣ. Есть еще у Никитина тутъ же замѣтка, что отъ Шаибата сухимъ путемъ десять мѣсяцевъ, а моремъ четыре мѣсяца, куда: назадъ ли, или впередъ, догадаться трудно[182].

Въ Дабылѣ онъ простился съ Индіей, и вновь пустился по морскому пути. Припоминая свой отъѣздъ, онъ занесъ о Дабылѣ еще замѣчаніе: это городъ очень большой; къ нему съѣзжается все поморье Индѣйское и Ефіопское. «И ту окаянный азъ рабище Аѳанасіе Бога вышняго, Творца небу и земли, възмыслихся по вѣрѣ по христіанской, и по крещеньи Христовѣ, и по говѣйнѣхъ святыхъ отецъ устроеныхъ, и по заповѣдѣхъ апо-

---

180. J. Barbaro. Ram., II, 106, d. Questi Cini et Macini sono due provincie grandissime et sono idolatri. La loro regione è quello dove si fanno i catini et le piatene di porcellana; in questi luoghi sono gran mercantie, massimamente gioie et lavori di seta et d'altra sorte. Di li si va poi nella provincia del Cataio.

181. Quatremère, въ Notices, XIV, 495—496. Обстоятельныя извѣстія о фарфорѣ сообщены западнымъ Европейцамъ А. Пигафеттой (Рамузіо, 363, f) и О. Барбосой (Collecçao, II, стр. 382).

182. Тутъ рядомъ стоитъ выраженіе: «а уки ковъ»: его, кажется, должно читать такъ: «а уки (428) ковов», и относить къ десятимѣсячной сухопутной дорогѣ. Если самъ Никитинъ изъ Чюнейра въ Бедерь на 40 кововъ, т. е. на 400 верстъ пути употребилъ мѣсяцъ; то очевидно на 428 кововъ, т. е. на 4280 верстъ, нужно было по тому же расчету не менѣе десяти мѣсяцевъ.

стольскихъ, и устремихся умомъ поити на Русь»[183]. Никитинъ сѣлъ въ таву, договоря для себя мѣсто за два золотыхъ отъ Дабыля до Ормуза. Шелъ онъ моремъ цѣлый мѣсяцъ, и ничего не видѣлъ; а на другой мѣсяцъ увидѣлъ горы Ефіопскія. Вѣтры занесли корабль въ сторону; странники замѣтили это и восклицали: «Господи Боже, Царь небесный! осудилъ Ты насъ на злую погибель»! На берегу (Галласъ?) ихъ ожидала новая бѣда — грабительство туземцевъ; отъ нея отдѣлались они обильной раздачей рису, перцу и хлѣба. Черезъ пять дней они снова пустились въ путь, а черезъ двѣнадцать прибыли благополучно въ Мошкатъ. Тутъ праздновалъ Никитинъ свою шестую странническую Пасху, и потомъ послѣ девятидневнаго пути изъ Мошката прибылъ въ Ормузъ.... Мы уже видѣли, какъ онъ продолжалъ далѣе свой путь черезъ Персидскія земли.

V.

ВОЗВРАТЪ.

гл. XIV, XV.

Въ сентябрѣ 1472 года, Никитинъ, оставивъ орду Асанбега, направилъ свой путь къ Черному морю, черезъ Арцинганъ (Арциканъ) въ Трапезонтъ (Трепизонъ), и прибылъ туда ко дню праздника Покрова. Какъ пріѣзжему изъ орды Асанбега, ему нельзя было ожидать мирнаго пріема. Весь его «хламъ» былъ у него взятъ и отнесенъ для осмотра на гору въ городъ; обыскивали все, предполагая найти кое какія грамоты или грамотки, и не найдя ихъ, «все, что мелочь добренькая, ини вы-

---

183. За этимъ Никитинъ написалъ: «Внидохъ въ таву и съговорихъ о налонѣ корабленѣмъ, а отъ своея головы два золотыхъ до Гурмыза града дати». О тавѣ замѣчено было выше (см. примѣч. 149). Слово *налонъ* употреблено въ Хоженіи и еще разъ: пробывши въ Трапезонтѣ пять дней, «пріидохъ на корабль и сговорихъ о налонѣ дати золотой отъ своея головы до Кафы». Очевидно, что *налонъ* — плата за перевозъ. Можно подумать, что слово это выдѣлано изъ Нѣмецкаго Lohn; но такъ какъ у Никитина идея о налонѣ соединена постоянно съ идеей переѣзда черезъ море, на кораблѣ, то съ достовѣрностью можно сказать, что оно — Греческое ναῦλον (плата за перевозъ черезъ воду: отъ ναῦς корабль. Ср. Франц. naulage, nolis, Итальянск. nolo, nuolo, Испанск. nolito и пр.).

грабили все». Какъ бы ни было, «Божіею милостію» пришелъ Никитинъ и къ третьему морю, къ Черному, «а Парьсейскимъ языкомъ дорія Стимъбольская»; но и переѣздъ черезъ это море въ Крымъ былъ для него не радостенъ. Пустясь въ море, вѣтромъ пять (а по другому списку, десять) дней онъ несся къ Вонадѣ[184]; далѣе нельзя было идти отъ поперечнаго сѣвернаго вѣтра: корабль погнало опять въ Трапезонтъ. Въ Платанѣ[185] корабль пережидалъ погоды пятнадцать дней; два раза выходилъ въ море, и оба раза былъ гонимъ назадъ. Кое какъ перебрался Никитинъ черезъ море къ Балаклавѣ (къ Балыклеѣ), оттуда поѣхалъ къ Кафѣ, — и здѣсь только могъ сказать: «милостію Божіею преидохъ три моря». Тутъ оканчиваются его записки мусульманской молитвой, приведенной имъ въ подлинникѣ[186].

Какою дорогою воротился Никитинъ въ свою святую Русь, не знаемъ; впрочемъ, имѣя въ виду, что онъ умеръ, не доѣхавъ до родной Твери, въ Смоленскѣ, можемъ заключать, что возвратный путь его лежалъ черезъ владѣнія Крымскаго хана и Литовскаго князя.

---

184. *Вонада* — то же что Вона (или, какъ пишутъ иные, и Буна), мысъ на западѣ отъ Трапезонта, называющійся и въ древности Βῶνα, и славный еще тогда по близь лежащей пристани (Аріана, Periplus Ponti Euxini, § 23. Анонима, Periplus Ponti Euxini, § 32). Въ средніе вѣка у Грековъ онъ назывался и Вонадой.

185. *Платана* — древн. Гермонасса, гавань близь Трапезонта, на западѣ отъ него. Объ этой пристани находимъ свѣденіе у Клавихо: Fueron en un puerto que ha nombre Platana, e por quanto el viento era contrallo non se atrevieron yr esta noche e Traspisonta, como quiera que non avia mas de doze millas, e esta noche estovieron alli, e el viento fue contrallo, e tan rezio que araron las ondas e ovieron se essa noche de perder. E otro dia... e como a hora de visperas e fueron a la ciudad de Trapisonta. 21, b.

186. Она прочтена и переведена А. К. Казембекомъ. Полн. собр. Русск. лѣт., VI, стр. 357—358. Вотъ она въ переводѣ для тѣхъ, которые захотѣли бы основывать на ней какія нибудь заключенія о религіозныхъ взглядахъ Никитина: «Во имя Бога милосердаго и милостиваго. Онъ есть Богъ, которому нѣтъ подобнаго, вѣдающій все тайное и явное. Онъ милосердъ и милостивъ; Онъ Богъ, которому нѣтъ подобнаго. Онъ царь, свѣтъ, миръ, спаситель, попечитель; славенъ, могущъ, великъ, творецъ, зиждитель, изобразитель, разрѣшитель грѣховъ и каратетель; дарующій, питающій, отвращающій; вѣдущій, принимающій (наши души); распростершій небо и землю, все сохраняющій; всевышній, возвышающій, низвергающій, все слышащій, вездѣ видящій; судія правосудный, благій.»

Не можемъ разстаться съ Хожденіемъ нашего странника безъ сожалѣнія, что на долю его не досталось пожить еще нѣсколько лѣтъ. Если бы онъ успѣлъ отдохнуть отъ своихъ бѣдъ въ родной Твери, то можетъ быть оставилъ бы на память о себѣ не только краткія записки, но и подробное описаніе чудесъ природы, имъ видѣнныхъ.

Какъ однако ни кратки записки, оставленныя Никитинымъ, все же и по нимъ можно судить о немъ, какъ о замѣчательномъ Русскомъ человѣкѣ XV вѣка. И въ нихъ онъ рисуется какъ православный христіанинъ, какъ патріотъ, какъ человѣкъ не только бывалый, но и начитанный, а вмѣстѣ съ тѣмъ и какъ любознательный наблюдатель, какъ путешественникъ-писатель, по времени очень замѣчательный, не хуже своихъ собратовъ торговцевъ XV вѣка. По времени, когда писаны, его записки принадлежатъ къ числу самыхъ важныхъ памятниковъ своего рода: расказы Ди Конти и отчеты Васко ди Гама одни могутъ быть поставлены въ ровень съ Хоженіемъ Никитина. Не ниже ихъ это Хоженіе ни по слогу, хотя и можетъ онъ намъ теперь казаться слишкомъ мало-литературнымъ, ни по простодушію и отрывочности замѣчаній, ни по довѣрчивости къ расказамъ туземцевъ, заставлявшей его иногда повторять и невѣроятное [187]. А что

---

187. Для примѣра приведу нѣсколько выписокъ изъ расказовъ Ди Конти и изъ извлеченій изъ отчетовъ о путешествіи Васко де Гама. Ди Конти: Per tutta l'India è una setta di philisophi chiamati Brahmini... infra li quali... uno... era di 300 anni... Molti di loro usano l'arte della geomantia, delle quale ne hanno tanta cognitione et pratica, che sopranno in spatio di poche hore predire le cose future come se già le fossero avvenute, et danno si molto all'arte diabolica delle scongiure et stregherie, talmente che fanno tempestare quando vogliono, et per opposito tornare il ciel tranquillo et sereno... (143, c). Nell' isola magior di Giava nasce un arbore, ma di rado, in mezzo del quale si trova una verga di ferro molto sottile et di lungezza quanto è il tronco dell'arbore, un pezzo del qual ferro è di tanta virtù, che chi la porta adosso che gli vechi la carne, non può esser ferito d'altro ferro, et per questo molti di loro, s'aprono la carne et se lo cuciano tra pelle et pelle, et ne fanno grande stima. Quel che si narra dell'uccello detto phenice diceva (т. е. Ди Конти, о которомъ Поджіо говоритъ постоянно въ третьемъ лицѣ) che non si doven tener pér favola, perche gli era stato affermato, che negli ultimi confini dell'India interiore si trovava un uccello solo chia-

умно разнообразна была наблюдательность Никитина, въ этомъ, кажется, нельзя сомнѣваться. И въ этомъ отношеніи Никитинъ не ниже, если не выше его современниковъ. Приведу еще нѣсколько строкъ, гдѣ она обозначилась довольно рѣзко.

Поживъ въ Индіи, Никитинъ не опустилъ изъ виду особенностей неба и климата. Глядя на небо, онъ видѣлъ на немъ не то положеніе звѣздъ, что у себя дома, и занесъ иежду прочимъ въ свои записки такія замѣтки: «Въ Бедерѣ полный мѣсяцъ стоитъ три дни»; — смотрѣлъ я въ Бедери и на великоночное небо: подъ великъ день (свѣтлый праздникъ) волосыни (плеяды) и кола (оріонъ) ушли въ зорю, а лось (большая медвѣдица) головою стоитъ на востокъ»[188]. Глядя на землю, онъ видѣлъ иное теченіе и иныя качества временъ года: «весна стала съ Покрова, зима съ Троицына дня». Не могла не поразить его тамошняя зима, когда, начиная съ Троицына дня, «ежедень и нощь четыри мѣсяци

---

mato semendo, il qual ha'l becco fatto à modo di tre flauti piccolini, con i suoi busi congiunti insieme, et quando viene il tempo della sua morte porta nel suo nido molti legnetti piccoli, sopra li quali ponendosi con la melodia di quei flauti del becco canta cosi soavemente, che porge mirabil diletto à chi l'ode, di poi battendo fortemente l'ali accende il fuoco, dal qual si lascia bruciare et della sua cenere fra poco tempo si crea un verme, dal qual rinasce poi detto uccello (334, e, f). Evvi in questo medesimo paese (di Malabar) un'altra sorte di serpenti spaventevoli, lunghi un braccio, che ha l'ali à similitudine di quelle della nottola. Ha sette teste disposte per ordine una dricto all'altra lungo il corpo (341, d). Де Гама: Il re di detta città (di Calicut) non mangia carne ne pesce, ne alcuna cosa che patisca morte, ne anche li suoi cortigiani et gli homini di conditione: perche gli è stato detto ch'el nostro Sig. Jesu Christo dice nella sua lege, che chi ammazza vien ammazzato. E per questo non vogliono mangiar cosa che muoia. Il popolo mangia pesce et carne, che non si curano niente (120, d).

188. *Волосыни* — плеяды: въ древн. переводѣ Іова (XXXVIII, 31) *власожелице* — πλειάδες; ср. Срб. *влашици*, *влашници*, Хорут. *властовце*, Малорусск. *волосожаръ*. *Кола:* этимъ именемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Великой Руси называютъ большую медвѣдицу: такъ въ Сербіи это созвѣздіе называется *кола*, *кола родина*, *родокола;* въ Малой Руси и въ Польшѣ *возъ*, по Нѣм. Wagen, по Франц. char, chariot, по Лит. gryžalio rats; но большая медвѣдица не можетъ заити въ зарѣ вмѣстѣ съ плеядами: подъ именемъ *кола* Никитинъ скорѣе могъ разумѣть оріонъ, — и почти такое же названіе дано этому созвѣздію въ древнемъ переводѣ Іова (XXXVIII, 31) и Исаіи (XIII. 8) — *кружилиѩ* (ср. *коло* и *кругъ*). Большую же медвѣдицу Никитинъ назвалъ *лосемъ;* и теперь на сѣверѣ и востокѣ Великой Руси такъ называется это созвѣздіе: *лось* и *лоса*. См. Опытъ областн. Великор. слов. стр. 105. Лосемъ (sarv) называютъ это созвѣздіе и Лапландцы (*Шифнеръ*, Mélanges Russes, II, стр. 416).

всюду вода да грязь». Но жаръ лѣта не былъ для него такъ рѣзокъ, какъ бы можно было ожидать отъ Тверитина: «Въ Индіи нѣтъ сильнаго жару — писалъ онъ — несносно жарко въ Ормузѣ, въ Багаремѣ, въ Джидде, въ Баку, въ Египтѣ, въ Аравіи, въ Джагатаѣ, въ Ларѣ; жарко и въ Хорасанской землѣ, но не очень; жарко и въ Ширазѣ, Іездѣ, Кашанѣ, но бываетъ и вѣтеръ; несносно жарко бываетъ въ Шамахѣ, въ Гилянѣ, въ Вавилонѣ, въ Хумитѣ, въ Сиріи; въ Алепѣ уже не такъ. Обильны всѣмъ побережье губы Севастопольской, и Грузія, и Турецкая земля; обилье во всемъ и все дешево въ Волошской землѣ и въ Подольской. А Русская земля — да сохранитъ ее Богъ. Боже, сохрани ее! Въ этомъ мірѣ нѣтъ такой прекрасной страны. Да устроится Русская земля». Это припоминаніе говоритъ само за себя. Читая его, нельзя не сказать, что обширенъ былъ кругозоръ Никитина, что его вниманіе привлекали къ себѣ земли самыя отдаленныя отъ Руси въ такой же мѣрѣ, какъ и близкія. Былъ ли онъ во всѣхъ земляхъ, о которыхъ тутъ вспомнилъ? Если не былъ, то замѣтка его еще важнѣе, какъ доказательство, что память свою любилъ онъ обогащать разными свѣдѣніями, вычитывая ихъ изъ книгъ и выспрашивая отъ людей знающихъ и очевидцевъ, и умѣлъ ихъ припоминать. По этой одной замѣткѣ можно судить, какъ многое, достойное любопытства, нашло бы мѣсто въ запискахъ Никитина, если бы онъ имѣлъ случай переглядѣть ихъ на досугѣ, дома, отдохнувъ отъ заботъ страннических.

Невольное уваженіе вселяютъ къ себѣ такіе люди старой Руси — и, вѣроятно, мы найдемъ ихъ со временемъ не мало, когда будемъ искать съ любовію къ дѣйствительнымъ достоинствамъ людей, а не къ фантастическимъ идеаламъ, не забывая о времени, когда они жили.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

Авдономъ. 147*. αὐτόνομος: самодержецъ.

Адрякъ. IX. 165. имбирь.

Алафа. IX. награда. Ср. Валаш. *лъфа*—жалованье. Пов. о Махметѣ царѣ: «а царь Солтанъ воямъ своимъ царскимъ жалованьемъ и алафою милостивъ».

Алача. 161. Бухарская ткань; Тур. пестрядь.

Алмазъ. 138. ср. биркона, новкона.

Ахикъ = Ахыкъ. IX. 141*, 161*. сердоликъ. Въ старину у насъ называли сердоникъ (поясъ сердониченъ. Дух. Іоанна Кал. С. г. г. I. 32. Коропка сердоничная. Дух. Вас. Дм. С. г. г. I. 84); позже и сердоликъ (сердоличная коробка. Дух. Вас. Вас. С. г. г. I. 206).

Аче, Ачче. V. 126*, 131*. Отецъ; — волъ.

Бабогури. VIII. 169*, 179. Агатъ.

Баграмъ. VII.

Батманъ. II. 106. Полъ четверти?

Бинчанъ. VII. 171. Смола изъ дерева styrax benzoin.

Биркона и Новкона. IX. 138*. Два рода алмазовъ.

Благой. IX. 146*. Бѣшеный.

Болкатъ. IV. Черный? Ср. Валаш. *бълцат*—темный, темноцвѣтный. Въ Слов. и Чеш. есть глаг. *blčati* = *blčeti*, *blkati*, *blknuti* — пылать, *blk* — пламя; въ Серб. *буктети*, *букнути*— горячиться, *букара*—огонь, вокругъ котораго пляшутъ и поютъ въ масленицу. Судя по этому, *болкатъ* значитъ загорѣлый. Срав. Греч. φλέγω, φλογέω; Лат. fulgeo, flagro; Нѣм. *bleichen*; того же корня и *black* = Асакс. blāc — черный.

Борзо. V. Скоро.

Брага. IV. 156*. Питье, приготовляемое изъ пальмоваго сока.

Брынецъ. V. XII. 125*. Перс. *биринджъ* сарачинское пшено, рисъ. Древ. Перс. *бризи* = Санскр. *вриги*, откуда и ὄρυζον = ὄρυζα — рисъ.

Буйволъ. IV. Buffalo. L. Bartema. 158 c.

Булатные доспѣхи. V. *булатъ*. Араб. فولاد *фулад*, Тур. *булат*, *пулад*, Бурят. *бюлат*, Монг. *болот* — сталь.

Булгакъ (булкъ). X. — А. К. Казембекъ думаетъ, что это значитъ *билюкъ* — войско, полкъ. Едва ли. Скорѣе можно сравнить это слово съ област. Рус. *булга́* — тревога, *булгачить* — тревожить, происходящими отъ Татар. *булганмакъ*—мутиться, возмущаться, *булгакъ* — мятежъ. Матеріалы. I. 16, 190.

Бутхана. VI. 129. Перс.: бутханъ. Кумирня.

Бутъ. VI.

Буты. VI*. 124.

Бѣло. V. чисто, исключительно: «Все товаръ бѣло на Бесерьменьскую землю».

Варный. I. II. Палящій. *Варно*. X. Жарко.

Великъ-день. II. X. — Свѣтлый праздникъ. *Великое* говѣйно — Великій постъ.

Верблюдъ. * 150.

Взяти великъ день. II Праздновать пасху.

Возырь = Възырь X. Визирь.

Волосыни. X. 188. Плеяды.

Волы и Коровы. 126. ср. *аче*.

Вшерьтный. X. Шертный, клятвою обязанный.

Въздѣвать. IV. Надѣвать.

Вырѣзъ. V. «на вырѣзѣ» — въ рѣзьбѣ, въ рельефахъ.

Вѣдь. VI. Знахарство.

Вѣнцы около бутханы. VI. Околицы?

Гарипъ. IX. Иностранецъ. Араб. *гариб*. См. у Дюканжа χαρίπιδες и ξένος.

Гауръки = Гауроки = Гауръіки. VI. Гаурки, — невѣрныя.

Гвоздники = Гвоздики=Гвозники. IX. 165. Гвоздички.

Говѣйно. Постъ. *Великое говѣйно. Говѣйно госпожино.*

Голыми головами. II. Лишенные всего. *Голова* употребляется Никитинымъ въ смыслѣ человѣкъ, лице.

Господарыня. V. 117.

Гость. II. X. Купецъ.

Гукукъ. VI. 152. родъ птицы.

Далекъ = Далюкъ = Далецъ. IV. IX. 158. Далекъ вмѣсто *да лекъ*, т. е. *и лакъ*; далюкъ вм. *да лёкъ*; далецъ вм. да лекъ по неразумію переписчика, вздумавшаго по своему выговорить слово.

Деберь зла тикень. XI. 133.

Девякуши. IX. 169. Девегуши Строусы.

Дербышь IX. 176. Дервишь.

Дѣларь. X. Мастеръ.

Доброволько. I. II. Съ желаніемъ, съ охотой, покойно.

Дорія. I. III. 95. Перс.: даръя́ — большая вода; море.

Доспѣхи. X. Военные приборы на слонахъ, коняхъ.

Ежедень = Ежедней. III. V. Каждодневно: «ежедень и нощь».

Езъ. II. 90*. Рыболовная застава: «А въ томъ езу 28 козловъ, а выходитъ въ томъ езъ лѣсу большаго на козлы 80 деревъ семи саженъ, да на переклады къ повалу 120 деревъ двунадцати саженъ»; и пр. Юрид. Акты. 251.

Женчюгъ=Жемчугъ=Земчугъ. 139. 160, 171. И по Лит. žemczugas. Сред. Греч. ζόμυξ — перламутръ. Слово это читается уже на крестѣ св. Евфросиніи, 1161 г. «и кованье его, и злото, и серебро. и камѣнье и *жьнчюгъ*»; въ Новг. I лит. подъ 1204 г. драгыи камень и велiи *жьньчюгъ*; въ Словѣ о полку Игор. и пр.

Женьгель. XI. 133. Дебрь.

Животина. III. *106. Домашнія животныя.

Залгать. VI. Обмануть.

Зелье. VI. Отрава.

Зеньзебиль = Зеньзибиль. IX. 165. Имбирь.

Зима. 188*.

Златикень (деберь) XI. 133. Должно читать: деберь зла тикень.

Зміи. VI. 151.

Золотой—монета: «А золотой Угорской тянетъ 10 денегъ съ полуденьгою; а корабельной тянетъ 3 алтына 3 деньги, а Португальской съ крестомъ 17 алтынъ 3 деньги (съ 18 алтынъ).» Торг. кн. XVI в. въ Зап. Рус. Отд. Арх. Общ. III. 117.

Инчи. 172. Жемчугъ, бисеръ: такъ думаетъ А. К. Казембекъ; но у Никитина рядомъ стоитъ «инчи да жемчюгъ»; слѣдовательно это не одно и то же. Можетъ быть *инчи* и не зерна, какъ объяснено у меня, а *чини*, по опискѣ.

Кавтанъ. V. Кафтанъ. См. въ Домостроѣ: стр. 54.

Каланфуръ = Калафуръ. IX. 165. Гвоздички? Камфора?

Каменье драгое. IX.

Камка. VI. 27.

Кандаки = Киндяки. IX: родъ матеріи.

Кафары = Кафры = Кофары. V. VI. Невѣрные. Никитинъ, подобно путешественникамъ Португальскимъ и Испанскимъ, кафрами называетъ Индійцевъ. См. напр. у Пигафеты: Questi popoli sono *Caphri* civè gentili (Рамузіо. 356. d. Франц. пер. 70).

Качьма. II. Татар.. не бѣжите.

Каша. VII.

Кендарь = Кентарь. X. — А. К. Казембекъ замѣчаетъ, что этимъ именемъ называется мѣра вѣса отъ $1\frac{1}{2}$ до $10\frac{1}{2}$ пудовъ. Въ запискахъ О. Барбосы находится объясненіе этого различія въ значеніи одной и той же мѣры: O arratel (libra) de peso volho tem 14 onças: o arratel de peso novo tem 16 onças. Oito *quintaes* velhos fazem sete *quintaes* novos, e cada *quintal* novo tem 128 errateis de 16 onças; cada quintal velho são tres quarto se maio de quintal novo, e he de 128 arrateis de 14 onças cada hum. Collecçao. II. 394. Въ то же время у насъ *кантаръ* былъ мѣрою вѣса въ $2\frac{1}{2}$ пуда. Зап. Рус. Отд. Археол. Общ. III. 107. Жур. Мин. Нар. Просв. 1855, іюнь. 189. — Ср. о кантарѣ въ Comment. ad appen. C, Porphyr. de cerim. II. 563.

Кень. IX. 138*. Пѣнечь че кени. Ср. чаршешькени. IX. 138*. Едвали не должно и здѣсь читать не кень, а *шешкень*.

Кестякъ = Костякъ. IX. по Казембеку — лодка.

Киндякъ — Кандакъ. IX. Котовъ въ своихъ запискахъ о путешествіи по Персіи нѣсколько разъ говоритъ о киндякахъ: « да въ томъ же ряду (въ Испагани) киндяки дѣлаютъ, красятъ (стр. 9). А платья Персы Кизилбаши носятъ кавтаны озямные киндячные и дорогильные и кутняные (стр. 19).

О киндячныхъ ферезяхъ см. Выходы: 78.

Кичири. V. VII. А. К. Казембекъ объясняетъ это слово посредствомъ *кезер* = *кеджер* — морковь. Въ запискѣ Абдъ-Эрразака находимъ: Les éléphants du palais sont nourris avec du *kitchri*. On fait cuivre cette substance, que l'on tire de la chaudière en présence de l'élephant. On y jette du sel, on y repand du sucre frais, et l'on mêle bien le tout; on en forme des boules et après les avoir trempées dans du beurre, on les fait entrer dans la bruche de l'éléphant. Not. 450. Ср. у Бартемы и у Ди Конти ciccara. 162 c. 341 c.

Ковъ. VI. 120*. 182: Мѣра пути въ 10 верстъ.

Кози. IV. 155, 156. Кокосовые орѣхи.

Кола. X. 188. Созвѣздіе: Оріонъ.

Колокольцы. VII. Колокольчики, звонки.

Кона. Алмазъ. IX. 138.

Кони. IV. V. VI.

Коренья. IX. 165*. Пряные коренья.

Корица. IX. 165.

Краска. IV. Подъ этимъ общимъ названіемъ Никитинъ разумѣлъ особенно индиго, хотя впрочемъ онъ зналъ индиго и подъ именемъ *ниль*.

Кровати. VI. 146.* Ложа для переноса важныхъ особъ. См. у В. de Гама: lettica. 120. c.

Курбантъ багрянъ. X. Курбанъ-байрамъ: мусульманскій праздникъ въ память жертвоприношенія Авраамомъ (по корану) Измаила.

Кутовалъ = Кутувалъ. Кутовалъ-Ханъ. VI. X. Градоначальникъ (كوتوال). Слово это было очень употребительно въ Индіи (Journ. Asiat. V-ème série. III. 1854 стр. 499. Notices et extrais. XIV. 859). Его употребилъ и Камоенсъ въ Лузіадѣ.

Лекъ = Лёкъ: Ліокъ. IX. 158. Лакъ.

Лонъ. IX. 161. Кокосъ?

Лось. X. 188. Созвѣздіе: Большая медвѣдица.

Мамоны. VI. 150.

Маназъ вмѣсто **Намазъ.** VII.

Маникъ. IX. 178. Драгоцѣнный камень.

Масло. V.

Мошкатъ. IX. 165. Мушкатный орѣхъ.

Мъскусъ = Мскусъ. 172. Мускусъ.

Нагара. X. Барабанъ: Перс. наггарá или накара. Во время Никитина употребляли у насъ это слово и по Греч. выговору: накры (ανάκαρα) — бубны. *Нагарники.* VI.

Наложить на что. VI: употребить для чего, издержать для чего.

Налонъ. XII. XIII. 183. Плата за перевозъ на кораблѣ.

Намазъ. VII: Молитва, собственно та, которая мусульманами повторяется пять разъ въ день; но у Никитина въ общемъ смыслѣ молитвеннаго обращенія къ Богу.

Ниль. IX: Индиго. Санскр. *нили* — голубой: «Anil aliter indigo, Gusuratis gali, aliis *nil*. J. Hug. Linscot. стр. 75. Барбоса отличалъ два рода этой травы: *anil nadadur* и *anil pesado* (323. d.). Объ индиго см. у Лассена, Ind. Alt. I. 277.

Новъ Кона. IX. 138.

Ногутъ = нофутъ = нохотъ. V. IX: горохъ. Перс. *нухудъ*.

Обезьяны. VI. 150. *Обезьянскій князь.* VI. Съ расказомъ Никитина сходится то, что написалъ Ибнъ-Батута: These monkies are black, and have long tails: the beard of the males is like that of a man. I was told, that the monkies have a *leader* whom they follow as if he were their *king:* перев. *С. Лн.* 187—188.

Обручи на рукахъ. VII.

Овощь. V.

Описанъ золотомъ VI: позолоченъ.

Орда. XIII. 108. станъ.

Орѣси великыи: кози. IV. 155. 156.

Островъ. IV: скала: «городъ Чюнеръ на острову на каменномъ».

Паробокъ. V: дитя, мальчикъ.

Перецъ. V. VI. IX. 165.

Перстни. VII.

Пестрядь. IX: родъ ткани. Ср. *алача.*

Печаловаться VI: заботиться. Слово *печаль* въ смыслѣ заботы встрѣчается уже въ древнемъ переводѣ Евангелія. *Печальникомъ* назывался у насъ въ старину тотъ, кто заботился, кому поручалось заботиться о чемъ; попечитель: «по Бозѣ ты имъ будешь печальникъ» (С. г. г. I. 33).

Писцы. VI.

Плясцы. VI: плясуны.

Подворье. V. Подворье въ смыслѣ заѣзжаго двора употреблялось у насъ издревле, напр. въ Волын. лѣт. 1287: Мьстиславъ пріѣха въ Раи... ста на подворіи (К. IV. 175: 106).

Полотно. II: штука холста.

Полѣзть. II: пойдти.

По рану. VI: утромъ, съ утра.

Портки. IV: нижнее платье. Въ этомъ же смыслѣ употреблялось тогда же и слово *порты;* см. напр. въ Домостроѣ: 53; ср. Выходы: указ. 74.

Постигнуть. II: догнать.

Потѣха. VI: увеселительное зрѣлище (тамаша́).

Почка. IX. 139: вѣсъ въ $1/2$ золотника.

Пошлина V. 160. О пошлинѣ въ Инд. морѣ см. В. де Гама: 120, b; Абдъ-Эрразакъ: 430.

Прапорецъ. X: знамя, значокъ.

Пристанище. IX: гавань, портъ. Слово древнее, но употреблявшееся и въ XV — XVII в. очень обыкновенно: «А по Италійской земли отъ Понтафеля до Веницейскаго пристанища 18 миль.... А къ другому пристанищу.... къ Падуѣ граду.... 28 миль». Временникъ. XV. Смѣсь. 48.

Пряное коренье: IX.

Пушки: VI. Н. Ди Конти: Gl'Indiani, che son piu fra terra, verso tramontana, hanno balestre et bombarde e molti altri instromenti per combatter le città. 384, d. Орудія въ родѣ пушекъ могли зайти въ Индію изъ Персидскихъ или Турецкихъ земель и изъ Китая. Китайскія пушки были въ ходу на востокѣ. Лебланъ видѣлъ въ Абиссиніи пушку на Китайскомъ кораблѣ, которая показалась ему сдѣланною за 800 лѣтъ (Les voyages du S. V. Le Blanc, par P. Bergeron. Paris. 1649. II. 93). О словѣ пушка см. Повѣсть о Цареградѣ: прим. 19.

Пшеница. V.

Разбойники. V.

Рухлядь. II: движимое имущество, пожитки; такъ напр. въ Грамотѣ Дух. Іоан. III завѣщано сыну Василію «что ни есть... шолковые рухляди и въ постельной казнѣ, что ни есть иконъ и крестовъ золотыхъ и золота и серебра и платья и иные рухляди» и пр. С. г. г. I. 199. Объ употребленіи слова *рухлядь* въ древности см. Истор. Чтенія. II, стр. 104.

Сагадакъ = Сагайдакъ, X: Сайдакъ: сѣдло съ чапракомъ и съ военнымъ приборомъ. Слово это употреблялось у насъ и въ смыслѣ лука.

Саженъ. X: выложенъ, нашитъ (жемчугомъ, дорогими каменьями). «Порты сажены»: Духовн. Дим. Іоанн. С. г. г. I. 51.

Сандалъ, IX: Id ab incolis locorum in quibus nascitur, chandanacon dicitur, a Decaninis, Guzarattis, Comarinis aliisque Indis, sercandra, Arabibus et Persis *sandal*, unde et Lusitanis *sandalo*. J. Hug. Linscot. 77. 78.

Сахаръ, V: Арабск. соккар, ассокар; Перс. шакар; Греч. σάχχαρ, σάχχαρον; Лат. saccharum.

Свирѣль, свирѣльникъ. V.

Свѣтычь, V. О свѣточахъ въ Индіи см. у Л. Бартемы, 162, f.

Слоны. V, V. IX.

Снасти коней, VI: доспѣхи.

Соромъ, V, VII.

Сорочица, V.

Сталь, V. Нѣм. Stahl (Др. Нѣм. Stâhal); Копт. *стали;* Греч. ἀτζάλιν; Лат. acer, acerium, ascer; Итальянск. acciajo; Франц. acier; Чешск. *ocel*. Церк. древ. *оцѣлъ*. Ср. Lassen, Zeitsch. IV, 262.

Стоять за что, II: отказываться отъ чего: «азъ тобѣ за то не стою.

Сулица, IV: копье.

Сумбада, IX, 171: наджакъ.

Суфрея, X: столъ, трапеза. Персидск. сюфрэ.

Сухомъ, V, IX: сухимъ путемъ: «сухомъ ити».

Сѣдѣти на чемъ, V: владѣть чѣмъ: «сѣдить на 20 тьмахъ» — имѣетъ въ своей власти 200,000 войска.

Тава. IV. V. 157. «Тавы Индѣискыя земли корабли».

Тамга. IX. пошлина.

Татнъ. 154. пальма, изъ которой приготовляютъ «брагу».

Тать. VI: воръ; кража (?).

Тезики. II. 90. Бухарскіе купцы.

Тенка. XI. 149. О цѣнности деньги (denga) въ Самаркандѣ упоминаетъ Клавихо.

Теремъ. X. 145: балдахинъ.

Теремецъ. X. 145: зонтикъ.

Теферичь X: прогулка, partie de plaisir.

Тикень. XI. 134: деберь зла тикень. Желательно, чтобы наши оріенталисты обратили вниманіе на это слово и помогли объяснить его смыслъ.

Товаръ II: рухлядь.

Торгъ VI: ярмарка.

Трубникъ VI: трубачь.

Тутурганъ. V. 118: родъ хлѣбнаго растенія.

Тьма. V: 10,000. Ср. Араб. туман (Notices. XIV. 28, 89, 256). Плано-Карпини пишетъ: Chingis-can statuit etiam quod per millenarios et centenarios et decanos et *tenebras*, id est decem millia debet eorum exercitus ordinari (cap. V. § 7. XI). Decem vero millenariis praeponeretur unus, et ille numerus vocatur *tenebra* apud eos (Cap. VI. §. 1). Издатель записокъ П. Карпини, д'Авезакъ, останавливаясь на этихъ выраженіяхъ древняго путешественника (Recueil des

voyages. IV. 578, 664 и 683), замѣчаетъ, что тутъ приняты за одно *toumân* — myrias, 10000, и *thouman* — nebula, caligo, облако, дымъ, мгла, тьма.

Улубагръ. VIII. Тур. улу-байрамъ, великій праздникъ.

Фата = Фота. IV. V. VII. Ширинка. Итал. путешественники называютъ этотъ Инд. платъ cintola. (напр. В. де Гама: 120 с.) По Домострою *фата* — полотенце. Звуки слова сходны съ Араб. *фута* (futha), что значитъ передникъ. Напр. Ибнъ-Батута: Au moment du travail ils revetaient leurs plus beaux habits, et attachaient des *tabliers* de soie à leur ceinture. См. въ изд. *Дефремери* (Paris 1854 II. стр. 71) Ср. *R. Dozy*, Dictionnaire des noms des vétements chez les Arabes: 389. N. Annales des voyages. 1848. II. 12. — Въ Роман. языкахъ есть слова созвучныя, съ значеніемъ платка: Итал. fazzuolo, fazzoletto, petzuola. Исп. fazaleia; перевязи: Италь. fetta, Исп. fita.

Фатисъ. 171: родъ дорогаго камня.

Фуна. VII: родъ монеты: ср. *фаном* (Абдъ-Эрразакъ: 448, 449. *Л. Бартема*: 160 d.).

Фуникъ. III. VII. Финикъ. См. у Риттера: V. 876.

Фуртовина. II. 91: Буря на морѣ.

Футунъ. VI. Родъ монеты.

Фуфалъ. Абдъ-Эрразакъ стр. 255: *Faufel* — arek, arecca, плодъ особеннаго рода пальмы, въ родѣ орѣха. Arrecca Guseratae et Decanini nuncupant suparii, Arabes faufellam. *J. Hug. Linsc.* 68.

Ханы. 143.

Хламъ. XIII.: пожитки.

Хлѣбы. VII.

Хозя. V. VI. *Ходжа* въ Персіи и Индіи мастеръ. Ср. наше *хозяинъ*.

Хоженіе. I. Путешествіе.

Хрусталь. IX. 171.

Цвѣтъ. IX. 165. Мушкатный цвѣтъ?

Червци. IX. 169, 171. Рубины.

Чини. IX. 180*, 181. Фарфоръ.

Чинити. V. IX. Дѣлать, приготовлять.

Чичакъ. X. Шишакъ. Конст. Порфир. De cerimon. «καὶ βάλλουσιν οἱ δεσπόται τὰ ἑαυτῶν τζιτζάκια (Бон. изд. ч. стр. 22). Дух. Іоан. II. *чечакъ* золотъ съ каменьемъ съ жемчуги» (С. г. г. I. 40; ср. 42, 43 и пр.)

Шелкъ. IV. Въ XV вѣкѣ у насъ слово *шелкъ* употреблялось болѣе въ значеніи шелковыхъ нитей; а все изъ этихъ нитей вытканное называлось *шидянымъ*. Такъ напр. въ Дух. кн. Верейскаго 1486. «сорочка *шидена* и постели шиты *шолки*; камка на червци... бѣлъ *шолкъ* (С. г. г. I. 303); десять литръ *шелку* Токатскаго... полтретьядцать аршинъ *шиды* червчатыя. 37 литръ *шелку* артагазъ. (Ист. Рос. *С. Соловьева*. V. пр. 292). Слово *шелкъ* занято нами (какъ и Англ. silk, Исланд. silki, А. Сакс. seolk, Итал. selico, Перс. silk и т. д.) съ Греч. σηρικὴ. Ср. Лат. sericum, serica. О вывозѣ шелка σηρικὴ изъ Серинды и первомъ разведеніи шелковичныхъ червей въ Византіи см. у Прокопія (IV. 17. Бон. изд. II. 546. ср. I. 20. стр. 100). Ср. у Халкондилы (Бон. изд. стр. 167).

Шетель = Жетель. VII. Шебабъ-Эддинъ: le *d'jitel* vaut 4 fels. 212. *Чител*ь употребляется Персид. писателями не рѣдко въ смыслѣ мѣдной монеты: Notices. XIII. 568 = 509.

Шешкень = Шекшень. VII. Шегабъ-Эддинъ: Le dirhem — sultani vaut le tiers d'un dirham *scheschkani* (pièces de six), qui est une troisième espèce de monnaie d'argent qui court dans l'Inde. Ср. IX. *чаршешкени*.

Шидянъ теремъ. X. Шелковый балдахинъ: см. *Шелкъ*.

Шьшень = Шешьнь. V. Рисовая лепешка? *Ssetsen*, рисъ. (Шмидтъ. стр. 71) Ср. Риттера. V. 799.

Шубашь. XIII. Вѣстовой.

Юкъ. X. Вьюкъ (Тюрк. *юк*).

Яхуть. IX. Яхонтъ. Араб. jакут. См. замѣчаніе П. М. Строева въ Указателѣ къ Выходамъ: стр. 37.

2007066673